

2022

ТОМ: 3

НОМЕР: 4

ЖУРНАЛ КЛИНИЧЕСКОГО И ПРИКЛАДНОГО ПСИХОАНАЛИЗА

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 4. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 4. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Потапова В.А. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), экс-Президент Московского Общества психоаналитиков (МОП)

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 4. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»
- А.В. Россохин

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы INSEAD (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Евдокименко А.С. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России

Кетс де Врис Манфред (Франция), Ph.D., профессор международной бизнес-школы INSEAD (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства INSEAD. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (IPA). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Кранц Джеймс (США), Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Кречмер Томас (Германия), Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Лейкина А.С. (Россия), канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Лонг Сьюзан (Австралия), Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Мамедов Шираз (Россия), Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Медведев В.А. (Россия, Эстония), канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра

Мерски Роуз (США, Германия), Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рафаелли Дерек (Великобритания), Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Bayswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рингер Мартин (Новая Зеландия), Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Россохин А.В. (Россия), д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования

Сиверс Бурхард (Германия), Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Стрижова Е.А. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Таккер Саймон (Великобритания), Ph.D., проф. программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Уорд Грэм (Великобритания), директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шенкман А.И. (Россия), Доктор экон. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Хиршорн Ларри (США), Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Санна Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шаповалова Е.В. (Россия), ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том III
№ 4.2022**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛАССИЧЕСКИЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Шаффер Ж. Истерия	6
-----------------------------	---

ПСИХОАНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ

Коротецкая А. И. Аддикция (алкогольная): попытка метапсихологического осмысления	33
--	----

ПЕРВОФАНТАЗМЫ

Кальчева О. А. Каннибалистическая фантазия и вопросы идентификации	45
--	----

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Шибеева И. В., Лейкина А. С. Новые вызовы и возможности практики психоаналитической работы в условиях новой реальности коронавирусной пандемии	54
Чеботкевич П. А. Символизация в эпоху диджитал – меланхолия разбитых зеркал	67

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОСОМАТИКА

Мелёхин А. И. Связи теории Пьера Марти и Андре Грина по вопросу психосоматического функционирования	82
--	----

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Красильников С. В., Джабар-Заде Е. В.

Негативная способность основателя стартапа
и ее влияние на развитие молодой компании

94

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Дон Е. С.

Три случая самоповреждений кожи в современном
кинематографе: психоаналитический взгляд

108

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Камалетдинов Ю. А.

Психоаналитическая концептуализация психопатологии
лидера деструктивного культа на примере персонажа
художественного романа «Риф» Алексея Поляринова

142

ПСИХОАНАЛИЗ ЖИВОПИСИ

Майди У., Караванова Е. А.

Травма и символизация Эдварда Мунка. Искусство и психоанализ

159

ПСИХОАНАЛИЗ МУЗЫКИ

Лавренова А. В., Ежова Т. Н.

Психология музыкального творчества: психоаналитический взгляд

173

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛАССИЧЕСКИЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Истерия¹

Ж. Шаффер

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Жаклин Шаффер – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987).

Согласно Жаклин Шаффер, истерия не может быть понята и истолкована без учета теории либидо. Кроме того, невозможно говорить о конверсионном симптоме или истерии без обращения к теории психопатологии, позволяющей осмыслить материал наблюдения. Нельзя также удовлетвориться одним лишь клиническим описанием.

Начиная с Фрейда мадам Шаффер разрабатывает личную для нее теорию либидо для объяснения истерии и выстраивания женского. По мнению мадам Жаклин Шаффер, именно конверсионная истерия «лежит в основе открытия психоанализа как метода психопатологического понимания и лечения».

Ключевые слова: истерия, теория либидо, истерическая идентификация, проективная идентификация, разница полов, фаллические защиты, мазохизм.

¹ Текст семинаров Жаклин Шаффер: «Что такое истерия?», «Конверсионная истерия», «Истерические отношения», «Истерия и женское». Париж – Москва, 2022.

Часть первая **Что такое истерия?**

Для исследования темы истерии и истерической личности я использую женский род, для того чтобы подчеркнуть, что речь идет о женском, но не о женщине, истерия может проявляться как у женщины, так и у мужчины. Я хочу подчеркнуть, что истерия является одной из составляющих женственности, но она также представляет собой проблематику отказа от женского у обоих полов.

В разговорной речи истерию называют «нервным приступом» или «сценой», которая состоит из взрыва эмоций, криков, возбуждения и волнения, агрессивных движений, то есть речь идет об эмоциональной буре, которая часто заканчивается потоком слез.

Под истерией мы также понимаем определенный тип личности и способ выстраивания отношений с другим, которые проявляются в особой драматизации, преувеличенных проявлениях чувств, тревоге, образном языке с тенденциями к преувеличению, постоянной эротизации, соблазнении и ревности.

Именно поэтому подобный тип личности гораздо чаще встречается среди женщин, и в разговорной речи прилагательное «истерический» имеет скорее пренебрежительный оттенок, когда оно применяется по отношению к женскому, которое воспринимается как что-то чрезмерное, несдержанное, склонное к крайностям, плохо организованное, управляемое сексуальным и эмоциональным. Также важно помнить, что слово «истерия» имеет греческие корни и обозначает матку.

А теперь поговорим об истерическом неврозе, который Фрейд исследовал, используя психоаналитический метод. Невроз проявляется в виде разнообразных симптомов, которые главным образом представляют собой инверсию аффектов. Например, у Доры, пациентки Фрейда, сексуальное возбуждение ощущалось не как желание, а как отвращение. Отвращение – это истерическое смещение генитального сексуального конфликта на оральную зону. Также истерические симптомы могут проявляться в виде анорексии или булимии. В истерии акцент ставится на понятии конфликта, сексуального конфликта, симптом представляет собой символическое выражение конфликта.

Истерия и либидо

Истерию невозможно понять без привязки к теории либидо. Одного клинического описания недостаточно. Когнитивные и поведенческие теории переполнены истерией. Я также хотела бы сказать, что те теории объектных отношений, в которых не рассматриваются теории влечений, также являются недостаточно полными для того, чтобы понять суть истерии.

Теория Фрейда, к которой мы обращаемся, особенно во Франции, – это теория влечений, либидо и конфликта между влечениями и защитами Я. Влечение проделывает определенный путь: от телесного источника,

принимającego неизбежное внутреннее возбуждение, до реализации цели в виде поиска удовлетворения; пройдя этот путь, возбуждение «психизируется» и становится влечением. Если возбуждению не удастся превратиться во влечение или если влечение «деградирует», превращаясь в возбуждение, мы будем иметь дело с появлением психосоматических расстройств.

Истерия расположена наиболее близко к тому опыту, который мы получаем через сексуальные влечения, наиболее значимые характеристики которых следующие: внутреннее воздействие или атака, одновременно взламывающий и питающий характер, постоянный напор и недостижимость полного удовлетворения, согласно Фрейду.

Истерия – это состояние постоянного восприятия напора сексуальных влечений и того яростного и страстного воздействия, которое они оказывают на Я и интроецированные объекты. Истерия – это попытка выстроить неустойчивую хрупкую организацию на линии водораздела, которая может разрушиться или оказаться в состоянии кризиса.

Истерия воплощает собой появление и проявление аффекта, процесс структурирования человеческой сексуальности, потрясение от опыта, который переживает психика под воздействием постоянного напора влечений, первосцену, разницу полов и появление женского.

Появление истерического расстройства свидетельствует о том, что путь трансформации возбуждения в либидо потерпел неудачу. Речь идет об особой чувствительности по отношению к эмоциональным потрясениям, которые являются признаком прохождения через кризисный этап, будь то рождение, пубертат, любовные отношения, старение и многие другие значимые изменения в жизни, которые вызывают тревогу.

Истерия – это болезнь с приступами, истерическими припадками. Впрочем, любое движение в сторону развития несет в себе риски, поскольку нарушает привычное равновесие. Можем ли мы в полном объеме рассмотреть такой нестабильный и непостоянный феномен, как истерия, опираясь только лишь на научные позитивистские теории?²

Истерия находится в самой сердцевине возникновения эротического, в сердцевине эдипальной организации и вытеснения. Истерия – базовая модель невротической организации. Человеческая сексуальность, как описывают ее два выдающихся французских психоаналитика, является истерической структурой. Кроме того, истерия располагается в самой сердцевине женского.

Истерия и тревога

Сигналом появления в Я постоянного напора сексуальных влечений является возникновение тревоги. «Я больше не хозяин в своем доме», – говорит Фрейд. Захваченное либидо, Я ощущает этот напор как «внутреннее

² Позитивизм – направление в науке, определяющее единственным источником знания эмпирические исследования и отрицающие ценность философского исследования.

незнакомое тело». С самого начала жизни Я вынуждено иметь дело с тревогой, у него нет выбора: либидо, которое вторгается и взламывает Я, одновременно является источником, питающим его.

Напор влечений является постоянным и требует от Я необходимость проделывать «работу», как говорил Фрейд. Благодаря этой работе Я отделяется от Оно, возбуждение становится влечением, животная сексуальность, которая зависит от периодов течи и спаривания, трансформируется в отличающую человека от животного психосексуальность с непрерывным, а не периодическим напором влечений.

В истерии осуществляется развитие тревоги без сигнала, который производит положительный эффект – останавливает приступ. Таким образом, при истерии мы имеем дело с избытком тревоги. Когда на своем пути от телесного источника к цели влечения встречаются с внутренним и внешним подавлением, препятствиями, не позволяющими либидинальным влечениям развиваться или проявиться, в этот момент появляются «приступы». В отличие от соматических проявлений, «приступы» представляют собой симптом застоя либидо.

Речь идет о переполнении Я настолько большим количеством либидо и аффектов, что психические репрезентации не могут быть проработаны только лишь за счет психической работы, но они (репрезентации) пытаются найти способ переработки через отношения с другим или через тело в виде конверсионного симптома. В данном случае речь идет об эротизированном, «психизированном» теле, а не о тебе соматическом. В этом мы видим различие между конверсионным и соматическим симптомом, который представляет собой неспособность к психической переработке (или психическую непроработку).

Истерия и вытеснение

У истерика постоянно увеличивается уровень возбуждения, он играет с тревогой, драматизирует все вокруг, что приводит к повышению возбуждения не только у него, но и у его окружения.

Возбуждение повышается, им уже невозможно управлять, как раньше, с помощью игр в отношениях, игр с тревогой, через идентификации и истерические симптомы, в этот момент на сцену выходят телесные симптомы.

В истерических приступах интроекция влечений меняет направление в сторону инкорпорации возбуждения, которое проявляется в выстраивании (иннервации) эротического тела. В конверсионном симптоме участвует процесс подавления: подавленный аффект проявляется в виде «прекрасного безразличия», Я ведет себя так, как будто симптом не является частью собственной психики. Если субъект не находит доступа к сексуальному удовольствию или к достаточно хорошей и связывающей активности репрезентаций, возникает приступ.

Вытеснение у истерика «неисправно», функционирует недостаточно хорошо, вытесняется слишком много, поскольку вытеснение работает плохо. Вытеснение находится в состоянии перманентной опасности и угрозы, есть риски прекращения действия вытеснения.

Истерия и идентификации

К особым характеристикам истерии относятся изменчивость, неустойчивость идентификаций. Идентификация – это бессознательный процесс Я, «способ мышления», по словам Фрейда. У истерической личности, которая функционирует под защитой вытеснения, способ мышления проявляется в виде сексуальной идентичности и отношений с сексуальным объектом.

Что касается «идентификации с объектом ненависти», Фрейд уточняет: «это законченный механизм формирования истерического симптома». Истеричка хочет быть как другой – желанный или ненавидимый. Таким образом, истерическая личность идентифицируется «против» – речь идет о контридентификации.

Фрейд приписывает подобные симптомы только девочке (в то время враждебная позиция мальчика по отношению к своей матери полностью отрицалась, мальчика и мать соединяла только нежность). С помощью этой контридентификации девочка враждебно заменяет свою мать для того, чтобы реализовать в фантазмах инцест с отцом. Случай Доры представляет собой иллюстрацию подобного процесса.

Речь идет о парадоксальной идентификации: вместо того чтобы реализовать цель – «десексуализировать» отношения с инцестуозными объектами и изъять из них сексуальное либидинальное инвестирование, превратив объектные влечения во влечения Я, нарциссическое либидо, – идентификация используется как «сексуальный театр» для того, чтобы поддерживать эротические отношения и избежать горя, связанного с потерей первичных объектов.

В данном случае речь идет об интрапсихическом процессе, который не сохраняется надолго, поскольку это не истинный процесс интроекции, который ведет к появлению независимости и отказу от (запретных) отношений с внешним объектом. Ввиду нестабильности этой идентификации необходимы дополнительные процессы – проекция конфликта на внешний объект или на внутренний объект, который постоянно экстериоризируется (выносится вовне). Это превращается в бесконечный цикл.

Истерическая идентификация образуется за счет желания по отношению к другому, ненавидимой и вызывающей зависть сопернице, и поскольку это желание неутолимо, можно лишить себя этого желания. Желать быть другим – значит одновременно желать этого другого устранить. Агрессивная составляющая контридентификации проявляется в виде эротизации, которая остается неудовлетворенной, в виде «желания неудовлетворенного желания». Нужно также, чтобы другой обладал тем, что вызывает зависть, для того чтобы можно было с ним идентифицироваться.

Я назвала статью об этом «Рубин, который боится красного», поскольку красный цвет – это цвет рубина, цвет, который этот драгоценный камень одновременно отбрасывает и выставляет напоказ, поскольку он поглощает все другие цвета спектра. Через эту метафору я хочу показать парадоксальный способ истерических защит Я, искаженных либидо. Суть защиты – выставить вперед, напоказ для того, чтобы защититься, самое угрожающее и самое подвергаемое опасности – сексуальное.

Истерическая идентификация – контридентификация – поддерживает инвестирование объекта, но это также идентификация «против».

Как в метафоре рубина, истерическая личность вытесняет невыносимое сексуальное через контринвестирование ненавистного, то есть через идентификацию с соперницей, но против нее. Фрейд использует термин «заимствование», описывая этот особый вид унарной идентификации. Это то, что образуется за счет соединения. Этим можно объяснить, например, «заразность» симптомов в женских монастырях и пансионатов для девочек.

Истеричка «потребляет» партнеров в больших количествах, поскольку через них она вытесняет свою инфантильную сексуальность, которая постоянно стремится вернуться обратно в сознание.

Истерическая идентификация и проективная идентификация

Истерическая идентификация – это бессознательный внутриспсихический процесс, который остается включенным в границы Я и аутоэротические игры субъекта. Другой используется для того, чтобы влечения могли проявиться и выразиться, и для контринвестирования. Реальный партнер может даже не знать, что у него было одолжено. Его отдельность, инаковость не ставится под вопрос.

Истерическая идентификация отличается от описанной Мелани Кляйн проективной идентификации. В данном случае речь идет о межличностном, а не внутриличностном процессе, где другой используется не как актер в театре, где на сцене играют влечения. В проективной идентификации мы имеем дело с контролем, проекциями, которые выбрасываются наружу, со смещением Я и объекта и отсутствием дифференциации. Партнер может чувствовать в реальности, на уровне внутренних ощущений, что он захвачен субъектом, что его контролируют, но объект может и отрицать или отказываться воспринимать эти ощущения. Объект чувствует, что его используют, им манипулируют, как будто он является частичным объектом, его инаковость и отдельность не признаются.

Истеричка может использовать два этих вида идентификации. Нормальная истерическая идентификация, если можно так сказать, должна привести к независимости через интроекцию внешнего объекта. В случае неудачи субъект «переходит к действию» либо в виде телесного симптома, либо в виде поведения, добиваясь нужного ответа от объекта, используя истерическую проекцию.

Истерическая проекция

Проективная идентификация – это прежде всего проекция. Очень важно отличать ее от истерической проекции.

Для того чтобы сделать различие между этими двумя видами проекций, я отмечу, что проективная идентификация стремится проецировать и выбрасывать в другого одну из частей конфликта для того, чтобы избавиться от конфликта, поскольку невозможно переработать амбивалентность влечений. В то время как истерическая проекция стремится спроецировать на другого (не в него) весь конфликт, даже скорее место конфликта и границы конфликта, точку входа в него с целью его переработки.

Истерическая проекция представляет собой промежуточное звено между невротической проекцией, описанной Фрейдом, в которой незнакомые и отрицаемые аффекты и репрезентации выбрасываются наружу, и проективной идентификацией, описанной Мелани Кляйн. Развитие теории Мелани Кляйн в работах посткляйнианцев, в особенности У. Биона, привело к введению понятия нормальной структурирующей проективной идентификации, находящейся во взаимодействии с материнской «реври», напоминающей то, что я называю истерической проекцией.

У истерички цикл проекция – интроекция является бесконечным: проекция через драматизацию и соблазнение и частичная интроекция через истерическую идентификацию. Кажется, что этот нескончаемый цикл ставит под вопрос противопоставление внутриспсихического и межличностного, поскольку из-за нестабильности истерической конструкции всегда есть риск перехода от использования проекции и истерической идентификации к проективной идентификации, описанной Мелани Кляйн.

Поиск репрезентаций

Суть другой гипотезы – истеричка заимствует либидо у объекта, которому завидует и которого ненавидит, не только из-за потребности в контринвестировании, потребности со стороны либидо и защитных механизмов, но в большей степени ради потребности в репрезентациях.

Действительно, постоянно действующее вытеснение поддерживает разделение аффекта и репрезентации, а также разделение репрезентации вещи и репрезентации слова.

Использование внешнего объекта представляет собой пример неудачи со стороны вытеснения, поскольку истеричке необходимо постоянно вытеснять недостаточно видоизмененные влечения, эти процессы требуют большого расхода энергии, количество преобладает над качеством, поэтому страдают репрезентативная активность – способность создавать цепи связанных между собой репрезентаций – и функционирование предсознательного.

Истеричка ждет, что объект восполнит ее дефицит, создаст для нее «оболочку» или «контейнер», в котором переполняющие ее аффекты обретут форму в виде репрезентаций. Она ждет, что другой ее наполнит, подарит

ей репрезентации слов, которые будут способны соединиться со слишком сгущенными (сконденсированными) репрезентациями вещей.

Истеричка находится в перманентном состоянии репрезентативной активности. Но на кого направлена эта активность? Ее сексуальные и аффективные потребности – это на самом деле поиск «обретения формы репрезентации».

Поэтому истерическая личность каждый раз оказывается настолько разочарованной, когда объект на ее поиск репрезентаций дает ответ в виде эмоций или сексуального желания, поскольку она ощущает, что объект не услышал и не понял ее на уровне ее предсознательного. «Если ты меня любишь, это значит, что ты не испытываешь ко мне желания. Если ты испытываешь ко мне желание, значит, ты меня не любишь». Истеричка постоянно вызывает у другого «смещение языков» нежности и страсти, о котором говорил Ференци, поэтому ее потребность никогда не может быть удовлетворена, она испытывает «желание неудовлетворенного желания». И снова запускается привычный цикл...

Можем ли мы предположить, что мать истерички не смогла обеспечить достаточно хороший переход от слишком сексуализированных первичных телесных отношений к вербальным отношениям? Возможно, имело место раннее «смещение языков», ненависть по отношению к слишком сексуализированной матери?

Поскольку истеричка находится в постоянном поиске репрезентаций, она одалживает у других «готовые» сценарии мужских фантазмов о женственности: фаллический монизм, кастрированная женщина, потеря любви как эквивалент кастрации, мужчина как приложение к пенису и другие.

Часть вторая **Конверсионная истерия**

Это наиболее ярко проявленная форма истерии, с истерическими припадками и приступами, с конвульсиями и всевозможными сопровождающими симптомами: параличом, судорогами, истерической дугой, нарушением зрения, потерей чувствительности, болями и т. д.

Хочется отметить тот факт, что невозможно найти никакое органическое поражение, лежащее в основе формирования телесных симптомов, которые зачастую могут быть очень серьезными, симптомы могут исчезнуть, не оставив никаких следов, таким же таинственным способом, с помощью которого они в свое время появились. Феномен истерической конверсии – это проявление возбуждения в форме симптома, бросающее вызов медицинской науке. Эти возбуждение, вызов и соблазнение проявляются у истерических личностей в виде процессов смещения и подавления.

Язык тела реализуется за счет трансформации возбуждения, разыгрывания через тело сексуального конфликта, фантазматический сценарий которого полностью скрыт в бессознательном.

Либи́до наделено способностью превращаться в энергию возбуждения.

Таким образом, эротическое тело обращается с этой энергией, используя свои способности к первичной (или примитивной) символизации, где репрезентации вещей еще не связаны с репрезентациями слов на уровне предсознательного.

Несовместимая (с образом себя) и невыносимая психическая репрезентация вытесняется в бессознательное, но в тот момент, когда она исчезает из сознания, психики, она меняет форму и вписывается в тело.

Этот скачок от психического к телесному обладает загадочным характером.

Истерическая конверсия может быть определена как результат потребности в психической переработке, суть которой – трансформация возбуждения в психический материал.

Но этот путь трансформации наполнен препятствиями в виде фантазов, инфантильных инцестуозных аффектов, запретной агрессии, которые приводят к обратимой регрессии на уровень телесной фиксации.

Заточение

В Сальпетриере, одной из самых больших французских психиатрических больниц, множество женщин находились в заточении, от трех тысяч в XVII веке до более четырех в XIX.

Эти женщины, которые вызывали отторжение и страх, были не только заперты в стенах больницы, но и закованы в цепи и кандалы.

Известный французский психиатр Филипп Пинель освободил этих пациенток, сняв с них цепи.

Другой психиатр, Жан-Мартэн Шарко, создал в 1862 году клиническую кафедру нервных заболеваний, его величайшая заслуга – отделение истерии от эпилепсии, а также других психических расстройств.

Истерия из-за своей загадочной природы, ускользающей от контроля, всегда вызывала у людей тревогу и наводила на мысли о злых силах и проклятии. Многие «одержимые» и «ведьмы» из прошлого, которые были сожжены на кострах, сейчас бы были признаны истеричками.

Фрейд в то время, когда он проходил стажировку в клинике Сальпетриер у Шарко, также практиковал гипноз.

Он был поражен «прекрасным безразличием» (он так назвал этот феномен), которое демонстрировали истерички по отношению к своим страданиям.

Сначала он подозревал, что в истерических симптомах скрыт секрет – травма сексуального соблазнения, которое на самом деле произошло в истории детства пациенток.

Затем Фрейд открывает, что «истерички страдают от воспоминаний», то есть травматическое событие вытесняется и хранится в бессознательном, травма не является частью воспоминаний и может проявляться только в виде конверсии – телесной памяти.

Таким образом, речь идет о том, чтобы высвободить травматическое событие и преодолеть силу напряжения, которое удерживает воспоминания в бессознательном и не дает им выйти на поверхность, то есть справиться с сопротивлением. Для того чтобы достичь этой цели, Фрейд давил на лоб своих пациентов.

Открытие психоанализа

Конверсионная истерия лежит в основе открытия психоанализа как представления о психопатологии и методе лечения.

Однажды Фрейд положил ладонь на лоб одной из своих пациенток Эмми фон Р. и надавил, чтобы вызвать воспоминание. Эмми отреагировала на эти действия словами: «Не двигайтесь! Не говорите ничего! Не трогайте меня!»

Таким образом эта пациентка стала изобретательницей тех правил лечения, которые мы сейчас называем «кадром»: устранить сенсорно-двигательную активность и слушать свободные ассоциации пациента.

Она также установила запрет на прикосновение в терапевтических отношениях, защиту от физического насилия и сексуального соблазнения.

Этот запрет также обозначает запреты эдипального конфликта, речь идет о разнице полов и поколений.

Эдипальный двойной запрет на инцест и отцеубийство является фундаментом культуры и организации человеческого общества в любое время и во всех местах.

Открытие инфантильной сексуальности и фантазма

Фрейд услышал просьбу своей пациентки.

Вместо того чтобы на пациенток смотреть, возбуждать их эксгибиционизм и их трогать, Фрейд предложил другой опыт – он слушал и слышал этих женщин, помогал превратить в репрезентации их бессознательные фантазмы, проявленные на телесном уровне. Фрейд постарался положить конец векам лечения истерических пациенток как лечения тела и телесных симптомов. В какой-то мере истерички желали получить этот опыт манипуляций с телом, но он не помогал им превратиться в субъекта – главную героиню своей истории.

Из-за смерти отца в 1896 году в душе Фрейда произошел переворот: «Прошлое возникает снова», – пишет он Флиссу.

Он вновь открывает в себе детскую страсть по отношению к матери и враждебность по отношению к отцу.

Он выводит следующую формулу: не все взрослые – соблазнитель-перверты, а дети – не такие уж невинные создания, какими хотелось их считать.

Он оставляет свою «невротику», теорию, в которой речь шла об опыте реальной травмы сексуального соблазнения, опыте, о котором он часто слышал от своих истерических пациенток.

Но это не значит, что случаи педофилии не происходят в реальности.

Описание эдипова комплекса появится в его работах значительно позднее.

Тем не менее в то время Фрейд делает не менее значимое открытие – открытие инфантильной сексуальности, которая вызвала общественное возмущение, он также открывает важную роль фантазмов, которые, с одной стороны, участвуют в создании психики, с другой – могут также стать причиной психических страданий и болезней.

Он также выстраивает теорию влечений, в которой влечение представлено как постоянный внутренний напор, который «соблазняет» и «совершает насилие» над Я.

Параллельно с этим он анализирует свои собственные сновидения и открывает «мышление сновидения» и его связь с истерическим мышлением.

Истерия и разница полов

Истерическая личность бросает вызов разнице полов, этот неразрешенный вопрос ставит в тупик и на психическом уровне вызывает постоянные сомнения и вопросы: кто я, мужчина или женщина?

Страстный поиск ответов на вопросы представлен в виде неразгаданной загадки о разнице полов и тайны сексуального желания генитального уровня.

У истерической личности появляется ощущение, что происходит что-то ускользающее от понимания, человек пытается уловить что-то, но не может наделить свое возбуждение смыслом, появляется болезненное чувство собственной исключенности, которое вызывает невыносимую ненависть к первосцене.

Мир разделяется не на женщин и мужчин, а на тех, кто обладает пенисом, и кто кастрирован, на обладающих властью и беспомощных, доминирующих и подчиняющихся, сильных и слабых.

Истерические защиты проявляются на уровне тела и выражают конфликт между сверхэротизированной инфантильной аутоэротической сексуальностью и контринвестированной ненавистной генитальной сексуальностью, в которой, как правило, присутствуют такие симптомы, как фригидность и торможение. Все догенитальные эрогенные зоны фаллизированы, в то время как генитальные эрогенные зоны ощущаются как несуществующие или подвержены действию цензуры.

Истерия и бисексуальность

Фантазм о бисексуальности у истерической личности свидетельствует о наличии идентификационных конфликтов с двумя участниками первосцены, первосцена при этом окрашена в фаллические прегенитальные тона и поэтому ощущается как невыносимая, ранящая и ненавистная.

Поскольку истеричка боится сексуального и ощущает ненависть к разнице полов и первосцене, она прибегает к помощи симптомов, которые

воплощают в себе или выводят на сцену проявления бисексуальности, которая является одновременно аутоэротической и защитной.

В своей статье «Истерические фантазмы и их отношение к бисексуальности» Фрейд описывает женщину, которая во время истерического приступа одной рукой срывает с себя одежду, а другой закрывает свое тело одеждой, сорванной ранее.

Она на уровне тела выражает борьбу между влечением и защитой от влечения, репрезентация сексуальной сцены, в которой участвуют два партнера противоположного пола, превращается в действие, кроме того, смысл этого действия – это постановка сцены травматического соблазнения взрослым ребенком.

В теле этой истерической женщины воплощаются одновременно и мужчина-агрессор, и изнасилованная женщина, неудача в сексуальных отношениях, желание неудовлетворенного желания, запретное эдипальное удовольствие, травматическое соблазнение и сексуальное насилие, исключенный третий или разделяющий третий, проявление инфантильных сексуальных первофантазмов и т. д.

Фантазм бисексуальности является продуктом сгущения фантазмов, поэтому он позволяет одновременно получать удовольствие от первосцены и атаковать ее.

Сексуальный объект, к которому этот фантазм вызывает и от которого он отказывается, может проявляться галлюцинаторно через внутренний эдипальный объект.

Ненавистная первосцена проявляется аутоэротически в собственном теле во время истерического приступа через имитацию сексуальных отношений между двумя партнерами, один из которых является фаллическим, а другой – кастрированным. Истерическая женщина «ищет хозяина, над которым она сможет властвовать», – говорил Лакан.

Если мужчина воспринимается как слишком могущественный, то есть как тот, кто злоупотребляет доверием, обманывает и кастрирует, то женщина выстраивает свой образ вокруг идеи о нанесенном ей ущербе, представляет себя жертвой, требующей возмездия.

И, напротив, если мужчина воспринимается как беспомощный, то есть кастрированный, женщина старается его исправить, «починить» или же играет роль мужчины для того, чтобы восстановить «трон и алтарь, которые оказались в опасности».

Кроме того, у нее может сохраняться иллюзия, что ее бисексуальные тенденции удовлетворены (и создавать у других подобное ощущение), в то время как на самом деле ранняя допубертатная оппозиция активного и пассивного проявляются у нее гораздо больше, чем дополняющее в дальнейшем эту оппозицию противопоставление мужского и женского, которое истеричка ненавидит и отказывается принимать.

Истеричка тем не менее не является бисексуальной. Она бросает вызов и нападает на разницу полов, используя бисексуальность. На самом деле истеричка является одновременно фаллической и кастрированной.

Это может, с одной стороны, сделать истерическую женщину крайне привлекательной для мужчин, с другой – мужчина может ощущать угрозу

для своей мужественности, вызывать раздражение и ненависть. Эта двойная природа истерии включает в себя цветущее пышным цветом нарциссическое соблазнение, которое, как считал Фрейд, присуще женщинам, кошкам и хищным животным.

Истеричка выводит на сцену свою псевдобисексуальность, защиту от травматического открытия разницы полов.

Она показывает таким образом свои проблемы, связанные с интроекцией структурирующей психику идентификации с объектом своего пола, а также проблемы во встраивании запрещающего инцест и защищающего Сверх-Я.

Постановка через действия спектакля бисексуальности является признаком того, что мы имеем дело с неудачей в интеграции психической бисексуальности, которая выстраивается на уровне пересекающихся идентификаций эдипова комплекса и которая позволяет освободиться от реальных первичных объектов и получить доступ к латентности, готовящей к эффекту последствия в подростковом возрасте.

Таким образом,отреагированная бисексуальность является защитой, с помощью отрицания и отказа сталкиваться с травматическим опытом принятия разницы полов в сексуальных отношениях генитального уровня.

Истерия и психосоматика

В случае истерии область телесного оказывается зачастую затронутой, могут появляться различные заболевания.

Конверсионные истерические симптомы могут принимать облик соматической болезни. Конверсия – это психический феномен, который использует телесные репрезентации, одалживает у тела его функции для того, чтобы символически выразить бессознательные конфликты, связанные с влечениями.

Истерические приступы являются проявлением проблем, связанных с либидо. В отличие от психосоматических болезней, истерические приступы имеют смысл.

С помощью психоаналитического метода свободных ассоциаций можно обнаружить сценарий, который разыгрывается, проследить символический и фантазматический путь, который проделывает симптом.

Истерический приступ – это «воплощение сновидения», говорит Фрейд, в нем можно обнаружить те же механизмы сгущения, смещения, символизацию и маскировку цензурой.

Нет симптомов – ключей к разгадке, как нет и ключей к разгадке сновидений. Симптом обладает индивидуальным смыслом для каждого субъекта.

Как и любой симптом, конверсия выражает одновременно желание и защиту, но на телесном уровне.

Соматизация может дойти до криза, приступа, развиваться в тяжелую необратимую болезнь с риском для жизни.

В то время как истерическая конверсия не является опасной для физического здоровья, она не приводит к болезням, ее симптомы обратимы.

Истерия и внушение

Истерия делает возможным существование всевозможных целителей, ясновидящих и альтернативной медицины, тех методов, которые основаны на внушении.

Гипноз – не современное изобретение, он относится к истории и истокам психоанализа, поскольку сам психоанализ зародился на почве неудачи гипноза.

Истерия в свое время, как и гипноз, была феноменом, который был «в моде».

Истерические симптомы видоизменяются под влиянием религии, общественных ожиданий, норм, вкусов, нравов и обычаев каждой эпохи.

Сейчас мы не так часто, как раньше, сталкиваемся с истерическими припадками, спазмами, конвульсиями, обмороками. Но мы можем задать вопрос: не является ли распространение среди подростков желания сменить пол, активно продвигаемое в соцсетях, истерическим заражением, инфекцией?

Конверсионная истерия не исчезла. Мы наблюдали ее проявления на протяжении всего двадцатого века и видим ее симптомы сейчас. Конверсионные симптомы не связаны только лишь культурными условиями, как часто принято считать.

Ситуации, когда женщины оказываются в заточении, психическое подавление, отказ от женского продолжают существовать в различных культурах (в семьях, тюрьмах, монастырях, на военной службе, в политических режимах, тоталитарных государствах, сектах и т. д.). Но при этом изменилось отношение к истерии, которая сейчас, в отличие от былых времен, не считается «одержимостью», а рассматривается как определенный вид психопатологии.

Часть третья Истерические отношения

В данном случае речь идет об истерическом способе выстраивания отношений с объектом и о психическом функционировании истерической личности, которые мы можем увидеть как в обыденной жизни, так и в терапии; мы имеем в виду способы сближения с объектом и бегство от объекта, поскольку он представляет собой место или экран для проекций возбуждения, связанного с влечениями.

В первую очередь следует уделить внимание двум теоретическим моделям, которые помогут нам лучше понять клинические аспекты истерических отношений с объектом:

– в первой модели З. Фрейд рассматривает противодействующее развитие либидо и защит Я, наличие этого непримиримого противоречия между либидо и защитами заставляет психический аппарат, который сталкивается с напором влечений, проделывать «психическую работу», поскольку возбуждение ставит его в затруднительное положение;

– вторая модель – это модель объектных отношений, очевидно, что влечение не может существовать без объекта, который пробуждает и проявляет влечение, являясь его связующим фактором.

При этом важно разделять, с одной стороны, объект влечения, который, как предполагается, обеспечивает удовлетворение и является, по словам Фрейда, случайным, несущественным, заменяемым, подвижным; это объект сексуального инвестирования с помощью частичных влечений, а с другой стороны, объект объектных отношений, который стремится к тому, чтобы стать постоянным, поскольку он соотносится с первичными объектами, с инвестированием целостного (тотального) объекта. Это объект потери, потеря этого объекта может привести к меланхолии, в этом случае Я может ампутировать часть себя для того, чтобы его заместить, поскольку этот объект является единственным и незаменимым.

Благодаря появлению теорий объектных отношений У. Биона и Д. Винникотта, в которых концепции Мелани Кляйн получили дальнейшее развитие, удалось расширить понимание функционирования пограничных, нарциссических, психосоматических структур, а также актуального невроза.

Тем не менее, если мы говорим о психоневрозах, важно также придерживаться теории влечений, судеб или перевоплощений влечений, понимать суть выстроившихся защитных механизмов. Этого подхода мы также придерживаемся для понимания истерии.

Истерические отношения, о которых мы сейчас говорим, находятся на линии-водоразделе между конверсионной истерией и фобическим неврозом.

В данном случае речь идет об определенной зоне тревожной истерии, мы можем дать такое определение, в которой тревога использует другие психические механизмы, отличающиеся от конверсии, где тревога связывается через телесный симптом, и отличающиеся от фобии, играющей роль контринвестирования, поскольку психика еще не способна использовать механизм смещения, как в фобии, в которой связываются репрезентации, замещающие вытесненную репрезентацию.

Мы можем здесь размышлять о парадоксе, как в метафоре рубина: здесь мы имеем дело с такой судьбой влечения, как защита против влечения, против сексуальности, которую несет в себе влечение.

Речь идет о хитрости, защитных маневрах Я, которое нападает на то, что на него нападает, атакует ненавидимое, незнакомое – возбуждение, связанное с влечениями.

Защита с помощью игры

Ведущая защита истерической личности – игра.

Игра для истерички – это способ приручить влечение, поскольку для нее влечение воспринимается как нечто опасное, а не как объект.

Защитные маневры истерической личности направлены на то, чтобы переместить опасность, идущую со стороны влечений, в пространство игры, которая может разворачиваться на разных территориях:

– это может быть собственное тело в виде конверсионных симптомов;
– это может быть другой человек, с которым устанавливаются истерические отношения;

– это могут быть замещающие репрезентации, смещенные и спроецированные вовне в виде фобий животных, различных объектов и ситуаций.

Если же используется сексуальное выражение и проявление влечений, это будет игра между жизнью и смертью, поскольку ею управляют необходимость в нарциссической целостности и борьба против депрессии.

Но прежде всего речь идет об эротической игре, цель которой – поиск половой идентичности и женского.

Поскольку истерия представляет собой невротическую репрезентацию женского и тайны женского, это является причиной того, что, когда мы говорим про истерию, мы ее соотносим в основном с женским полом. Но важно понимать, что «женское» и загадки женского могут проявляться также и в мужской истерии.

«Язык тела и аффекта» проявляется в истерических отношениях в виде использовании своего тела и своих аффективных реакций для того, чтобы выстроить пространство игры, в которое истерическая личность уводит своих партнеров.

У нее есть потребность создать театр для того, чтобы появилась возможность ставить драматические спектакли, разыгрывать в сценах свою тревогу, выставлять напоказ и доводить до предела свои аффекты, для того чтобы провоцировать и соблазнять партнера или публику. Драматизация – это попытка вынести наружу или справиться со слишком интенсивным переполняющим возбуждением.

Игра с тревогой: драматизация и преувеличенные эмоциональные реакции

В 1894 году в своей статье «Защитные психоневрозы, неврозы, психозы и перверсии» Фрейд рассматривает тревогу как феномен конверсии.

Позднее, в 1926 году, в статье «Торможение, симптом, тревога» он определяет аффект (его место и состояние) как эквивалент истерического припадка.

Играя с тревогой, истерическая личность поддерживает постоянное напряжение, провоцирует драмы, избегает падения (речь идет о подчинении мужчине в сексуальных отношениях) и снова возвращается в привычное состояние напряжения.

Она снова и снова разыгрывает страх, травматизм приходит извне, а напряжение от напора влечений разворачивается внутри, в психике, таким образом, драматизация направлена на отрицание внутреннего происхождения постоянного напора влечений.

Истерическая личность жаждет взглядов других и ловит реакции своего окружения и добивается внимания с помощью драматизации и жадности, ненасытности в отношении эмоций.

За счет формальной регрессии, замещения зрелых форм выражения более примитивными способами, истерическая личность проявляет

свои состояния тревоги, тоски, бессилия, незрелости, перевозбуждения. Она снова и снова повторяет травматические ситуации, воздействуя на свое окружение, для того чтобы совладать с травмой и, занимая активную позицию, не позволить другому застать себя врасплох. Она создает свой собственный театр, чтобы там бесконечно «репетировать».

Начиная с 1920 года, в частности в статье «По ту сторону принципа удовольствия», Фрейд связывает проблематику повторения с компульсивным повторением. Он связывает нехватку удовлетворения или удовлетворение, которого никогда не было, с напрасным ожиданием и разочарованием.

Для того чтобы понять смысл этого повторения опыта неудовлетворения, Фрейд выделяет три гипотезы:

- субъект мстит другому, заставляя его переживать то, что пережил в свое время сам;
- субъект пытается связать и ретроактивно совладать с возбуждением, которое в свое время «взломало» Я, через повторение опыта, который вызывает тревогу, но тем самым готовит к появлению потенциального травматического события;
- субъект пытается аннулировать травматический опыт или «дополнить пассивный опыт активным поведением».

Фрейд, описывая детскую игру, известную игру «в катушку» своего внука, говорит: «Во время игры ребенок переходит от пассивного опыта к активному, он навязывает своему товарищу по игре опыт неудовольствия, который он сам пережил, и таким образом мстит за себя, навязывая этот опыт человеку, который его заменяет».

Именно это проделывает истерическая личность со своими партнерами – «товарищами по игре».

В данном случае повторяется опыт травматического взлома Я напором влечений через реактивацию опыта, связанного с пассивностью, когда травматический опыт – агрессия или напрасное ожидание – был неожиданным, застал врасплох. Травматический опыт воспроизводится для того, чтобы его аннулировать или дополнить.

В статье 1926 года «Торможение, симптом, тревога» Фрейд вводит вторую теорию тревоги, согласно которой тревога является сигналом, который производит Я, тревога является одновременно ожиданием и повторением травмы в смягченном виде, представляет собой прививку от травмы и одновременно активное замещение травмы или опасности со стороны влечений внешней ситуацией, внешней опасностью, от которой субъект может защититься.

Подобные ощущения набирают силу и превращаются в кастрационную тревогу, которая позволяет сфокусировать тревогу и запускает процесс вытеснения.

У истерической личности тревога развивается, усиливается, и нет эффективного сигнала для того, чтобы остановить истерический приступ.

Можно сказать, что истерическая личность играет, чтобы испугать себя, поддерживая и усиливая эротизацию опасности, играет с тревогой, как внук Фрейда играл с катушкой, это ее единственный способ сохранить

желание под напряжением. Для того чтобы таким образом играть с целью контроля и овладения желанием, истерической личности нужно использовать свое тело и взгляд другого.

Она навязывает другому роль агрессора, разыгрывая в свою очередь роль жертвы, рассказывает о том, что другой с ней сделал, помещает свое влечение в другого, делая другого ответственным за свои влечения, составляя объект их ощущать, переживать и брать на себя ответственность за тот опыт, который она испытала сама.

Игра соблазнения: ребенок соблазняет взрослого

В своих работах, посвященных исследованию истерии, Фрейд показывает теснейшую взаимосвязь соблазнения и травматизма. Но по мере того, как Фрейд начал отказываться от своей «невротики», он выделил более общий, генерализованный эффект соблазнения, проявляющийся в форме нарастания возбуждения, этот эффект может быть связан как с воздействием фантазма, источника внутреннего возбуждения, так и с внешним источником возбуждения, который реактивирует и запускает бессознательный сценарий.

У истерической личности мы понимаем игру соблазнения как двойной трюк, двойной смысл слова, скрытый смысл этой игры – выставить себя напоказ, одновременно используя защитную стратегию – защиту против эротического и против депрессии.

Истерическая личность пытается использовать внешнее, проецируя на внешний объект свои внутренние процессы, атаки влечений, одновременно питающие Я и его взламывающие.

Поэтому истерическая личность разыгрывает на сцене первофантазм соблазнения ребенка взрослым, используя двойной оборот влечений.

Она представляет себя ребенком, который соблазняет взрослого для того, чтобы защититься от травматизма со стороны влечений, которые взламывают и нарушают целостность ее Я.

Она возбуждает другого своим соблазнением, провоцирует вторжение влечений, которые теперь она может контролировать.

Речь идет о возвращении в состояние «невинности» инфантильной сексуальности, поднятие на поверхность этой «невинности» лежит в основе травматизма.

Сексуальный смысл обнаруживается в результате эффекта последствия в подростковом возрасте, угроза приходит изнутри, появление «внутреннего незнакомого тела» оказывает на психику дезорганизующий эффект, поскольку психика не способна пока его контейнировать, избавиться от него через разрядку или создать его репрезентацию.

Взрослая истерическая личность отрицает или отказывается признавать эффект подросткового последствия, который превратил ее в место проявления ненавидимого сексуального возбуждения, истеричка не переходит на следующий этап развития психосексуальности, остается в пространстве между первой и второй фазой, сохраняя свою невинность в промежуточном пространстве «сексуального – предсексуального»,

в терминах Фрейда. Она хочет быть травмированной сексуальностью, которую она размещает снаружи, которая еще не обрела смысла. Она должна обвинять другого, соблазнителя, в наличии сексуальности. Она проецирует свою сексуальность на другого, в тело другого, соблазняя его и вызывая его желание.

Таким способом через другого она может ощутить этот опыт, который воспринимается как неожиданное нападение или изнасилование.

Находясь под защитой вытеснения, истеричка ощущает себя невинной и соблазняет другого, как ребенок соблазняет взрослого, она обращает себе на пользу «смещение языков» нежности и страсти и считает себя жертвой этого смещения.

Таким образом, что бы ни сделал объект, истеричка будет разочарована: «Если ты меня любишь, значит, ты меня не желаешь. Если ты меня желаешь, значит, ты меня не любишь».

Разочарование – высшая цель соблазнения.

Игра ревности: «он бежит, он бежит, хорек, хорек из леса»

Пара соблазнение – разочарование соотносится с другой парой – реальной родительской парой, «виновницей возбуждения», по словам Фрейда.

Родительская пара – источник эдипального разочарования и результат последствия более раннего инвестирования родительской пары, когда мать оставляла младенца для того, чтобы вернуться к роли любовницы в отношениях с мужем.

Мать – первая соблазнительница, она соблазняет ребенка в процессе ухода за его телом, во время ее отсутствия ребенок испытывает в своем теле сильнейшее возбуждение, которое он не может связать самостоятельно и может его контринвестировать только с помощью матери.

Источники травматизма в первичных отношениях – слишком много возбуждения и одновременно с этим нарушения в барьере против возбуждения.

В результате мы имеем дело с неудачными попытками матери облечь в форму репрезентации возбуждение, вызванное ее отсутствием и нехваткой. Можно ли сказать, что эта неудача лежит в основе острых и противоречивых эмоций истерички? Дефицитарность фаллической функции отца является еще одной причиной.

Фантазм первосцены обладает травматическим потенциалом.

У истерички сексуальность вновь пробуждается через эффект последствия, но вместе с сексуальностью пробуждается также разочарование, страдания, связанные с потерей объекта, одиночество, поэтому она будет делать все возможное для того, чтобы разлучить пару, поскольку для нее встреча с сексуальностью всегда должна стать неудачей. Она должна соблазнить одного, соблазнить другую, играть одним против другого.

Такой вид эротизированной агрессии позволяет постоянно поддерживать сексуальное напряжение между партнерами ненавидимой первосцены, которую ребенок таким образом пытается контролировать.

Если игра в ревность терпит неудачу, истеричка чувствует себя обманутой. Если она не может оставаться больше в сексуальной системе пары, она ощущает себя бесполой и никому не нужной.

Таким образом она терпит неудачу в попытке заполнить пустоту и справиться с неопределенностью своей половой идентичности.

Риск истерички – риск потери объекта.

Депрессия является признаком того, что истерические защиты потерпели неудачу и не обеспечивают больше совместное либидинальное возбуждение.

Она вновь оказывается в состоянии депрессии, которую ощущает покинутый ребенок, переполненный непереработанным возбуждением.

По этой причине истерическая личность испытывает потребность снова играть в привычные игры ревности, чтобы реанимировать желание. И для того, чтобы жить...

Часть четвертая. Истерия и женское

Истерия во все времена бросала вызов медицине и общественному порядку, поскольку затрагивала тему сексуальности и в особенности – женскую сексуальность и женское желание сексуального наслаждения – то, что сложнее всего принять и признать.

Истерическая женщина выставляет напоказ, что ее тело и ее Я открыто для принятия большого количества либидо, она также открыто проявляет свой поиск сексуального наслаждения, желание падения и сопротивление против собственного желания падения.

Истерический приступ – это одновременно поиск женского и «отказ от женского». Точнее сказать, это страх или тревога женского, которые приводит к отказу от женского, страх постоянного напора либидо и силы его воздействия на Я, а также страх большого количества либидо, которое необходимо женскому полу.

Истерический приступ – это либидо, находящееся в кризисе, и женское, находящееся в кризисе.

Драматизация, постоянная эротизация, игра с тревогой, соблазнение и ревность привели к несколько пренебрежительному определению женского, которое воспринимается как что-то несдержанное, склонное к крайностям, плохо организованное, управляемое сексуальностью и эмоциями.

Эти характеристики отсылают к загадке женственности, обычно скрытой и обнаруживающейся только через негативные проявления.

Когда человек чрезмерно или недостаточно проявляет черты, присущие в норме его полу, он превращается в карикатуру женщины или мужчины – чересчур женщина или недостаточно женщина, женщина-мужчина, на женщину могут наклеить ярлык «истерички», чтобы дать определение ее поведению, претендующее на медицинское.

Разница полов

Важно подчеркнуть, что истерия – это вопрос не женского и не мужского, это вопрос отношений между женским и мужским, вопрос разницы полов, вопрос ненавидимой первосцены и ненавидимых гетеросексуальных сексуальных отношений.

Отказ от женского у женщины проявляется в виде симптомов, в виде конфликта между желанием отношений подчинения мужскому и отказом от этих отношений, отказ от женского у мужчины проявляется в виде отказа от идентификаций с женским материнским или женским сексуальным (речь идет о женском сексуальном женщины в сексуальных отношениях).

Истерия не имеет пола, она не является ни женской, ни мужской, поскольку выстраивается на фундаменте сложного опыта признания разницы полов, необходимости интегрировать женский половой орган, который может определиться только как отсутствие полового органа или «кастрированный» мужской половой орган.

Истерия и у женщины, и у мужчины представляет собой острую форму конфликта разницы полов – конфликта, который женское заставляет принять и разрешить.

Истерические приступы у мужчины являются признаком конфликта женской идентификации, то есть идентификации с женщиной или с матерью, который невозможно разрешить, используя только психический способ.

Таким образом, не существует мужской истерии, но существует истерия у мужчины.

Истерическое у женщины проявляется в виде способности женского тела принимать большое количество либидо, в виде поиска наслаждения, желания падения и сопротивления желанию падения.

Истерических женщин сажали под замок, поскольку они внушали страх, очаровывали и шокировали тем, что выставляли напоказ сексуальное и женское в крайней степени их проявления.

Свои представления истеричка разыгрывала главным образом для мужчин, этот процесс Фрейд в свое время определил как «перенос». Симптомы представляли собой одновременно брошенный вызов и потребность в разоблачении, возбуждали желание найти ответы, страсть к исследованию и расследованию, которая зачастую подпитывалась изощренным садизмом.

Женские эротические мазохистические фантазмы, как я их определяю, у истерических женщин превращаются в моральный мазохизм. Под воздействием отказа от женского или ненависти к женскому истерички используют свои симптомы и манипулируют другими с помощью своих симптомов.

Экзорцизм, казнь, тюрьма, опыты и эксперименты сменяли друг друга на протяжении веков.

Истерия и сейчас продолжает волновать, вызывает интерес и отторжение. И подавление. Подавление постоянного напора сексуальных влечений. Подавление «женского» и присущего ему большого количества либидо.

Фаллические защиты

Истерия обретает смысл только в отношении фаллической позиции к женскому и в отношении отказа от женского. Эротическая игра направлена на поиск половой идентичности.

Истерия – это невротический вариант ответа на вопрос о разнице полов и невротический способ разгадать загадку женского.

Это фаллическая защита Я, которую истерическая личность сверхинвестирует для того, чтобы защититься от опыта, связанного с открытием разницы полов, пропитанного ненавистью к первосцене.

Фаллические защиты появляются как реакция на открытие разницы полов для того, чтобы одновременно попытаться понять эту тайну и ее атаковать. Сексуальные отношения контринвестируются через проявление трех первофантазмов, которые окрашены в тона инфантильной сексуальности: садистическая первосцена, травматическое соблазнение ребенка взрослым, злоупотребляющим доверием, фантазм о кастрации, который проявляется как страх во время полового акта.

Тревожный поиск разгадки тайны женского объясняет очень сильный интерес истерических женщин по отношению к женщинам, которые представляют собой идеал женственности, объект желания, такие женщины зачаровывают истеричек, которые пытаются с их помощью понять, что в них вызывает желание.

К кому можно обратиться за помощью? Кто окажется способным раскрыть тайну желания и любви?

Истерическая женщина колеблется между различными способами инвестирования и между идентификациями любви и ненависти по отношению к женщинам, а также по отношению к мужчинам, которые представляют собой фигуру отца, учителя.

Истерическая женщина пытается с помощью женщин доказать бессилие фаллического и определить себя как женщину.

Она использует соблазнение и различные трюки как фаллическое оружие, для того чтобы скорее контринвестировать свое женское, свое внутреннее. Женственность – это тело, женское – это плоть, чувственность, наслаждение.

Отказ от женского у обоих полов проявляется в виде таких клинических симптомов, как фригидность. Кастрационная тревога мальчика у истерического мужчины превращается в отказ от идентификации с материнским или женским сексуальным матери, кастрированным и опасным.

У женщины отказ от женского проявляется в виде кастрационной тревоги, которая реализуется во время пенетрации в виде инцестуозной тревоги потери Я во время сексуального наслаждения.

Зависть к пенису у девочки, ее страстные отношения с матерью становятся причиной отказа от пенетрации у взрослой истерической женщины, поскольку пенетрация мужчины пропитана фантазмами догенитального внедрения, насилия, разрушения внутренних органов, страха распада Я во время оргазма или бесконечного наслаждения, то есть страха сойти с ума.

Истерическая женщина предлагает себя, но не отдается, она превращает другого в бессильного и запрещающего.

Истерическая женщина не может подчиниться ни постоянному напору влечений, ни либидинальному доминированию любовника, дающего наслаждение, поскольку воспринимает мужчину как абьюзера, который стремится ее подчинить, унижить и кастрировать.

Неудовлетворение является гарантом неприкосновенности основы ее существования. Она защищает себя, превращаясь либо в жертву, инвестируя таким образом моральный мазохизм, либо в палача, который кастрирует.

Фригидность проявляется в виде таких слов: «Ты ничего у меня не вырвешь», истерическая женщина может превратить свой оргазм в оружие: «Ты не способен его у меня вызвать!»

Таким образом, истерическая женщина инвестирует «отрывание», которое приравнивается к кастрации.

Она использует свою «женственность» – военный парад, маневры и соблазнение – либо для того, чтобы спровоцировать мужчину, либо для того, чтобы защитить его от своей кастрационной тревоги, и особенно для того, чтобы контринвестировать свое «женское», свое внутреннее.

Не проделанная работа по принятию разницы полов наделяет мужской пенис всемогуществом опасной фаллической матери.

У обоих полов присутствует глубинный ужас, связанный с близостью материнского полового органа, из которого и мужчины, и женщины появились на свет.

Жадность напора влечений, который никогда невозможно удовлетворить, не может не вызывать страха, поскольку отсылает к опыту поглощения, слияния с материнским телом, объектом ужаса и потерянного рая первичного нарциссизма, временем слияния и путаницы между Я и объектом.

Именно эти процессы являются причиной ужаса, который истерическая женщина испытывает по отношению к сексуальному наслаждению, которое, как уточняет Фрейд, заставляет преодолеть воздействие репрезентации инцеста с матерью и сестрой.

Инцест матери и дочери – основной гомосексуальный фантазм.

«Желание неудовлетворенного желания»

Истерия через свое «желание неудовлетворенного желания» располагается рядом с областью влечений. В отличие от потребности, которая может быть удовлетворена с помощью определенных действий, влечение не знает, что такое удовлетворение.

Истерические приступы и особенности истерических отношений располагаются на пути, который проходит влечение, в точке, где галлюцинаторное удовлетворение желания и аутоэротическое выражаются, используя тело, и где преобладает не потребность в объекте удовлетворения, а поиск психического экстаза влечений.

Истеричка во время истерического приступа через преувеличение ревности и соблазнения отдается галлюцинаторному объекту, при этом желание обостряется из-за дефицитарности аутоэротических способов.

Истеричка инвестирует неудовлетворение, то есть влечение, желание, а не возбуждение и связанную с ним потребность, которая ожидает удовлетворения.

Повторение опыта неудовлетворения имеет отношение к эротическому языку истерички.

Топическая оральная регрессия представляет собой желание, которое не может и не должно быть удовлетворено, поскольку получение удовлетворения в воображении соотносится с представлением о том, что опыт насыщения и удовлетворения сотрет и уничтожит желание и напряжение.

Истеричка в такой степени окрашивает свое Я и свои защиты в тона влечения, что не может позволить своему Я объявить себя «получившим удовлетворение».

Неистерическое Я определяет себя как удовлетворенное в сексуальных отношениях, в отношениях с объектом любви и сублимации.

Разрыв между устранимым и неизбежным, между удовлетворением и попыткой удовлетворения, между потребностью и влечением является признаком потребности в проделывании психической работы.

Истеричка поддерживает свое желание в неудовлетворенном виде, испытывает бесконечное разочарование в себе, которое она активно и враждебно обращает на своего партнера, отказываясь от своего желания.

Она, таким образом, наслаждается вдвойне неудовлетворенным желанием – своим и объекта.

Это «желание неудовлетворенного желания» имеет цель – нападение на первосцену, объект зависти и ненависти.

Любая встреча с сексуальностью всегда должна закончиться неудачей, никакой объект не может стать объектом удовлетворения.

Истерический мазохизм

Инвестируя функцию неудовлетворения Я или желание неудовлетворенного желания, истеричка инвестирует таким образом свой мазохизм.

Истерички с конверсионной истерией, фригидные и требующие наслаждения, становятся невыносимыми, непристойными, поскольку они выставляют напоказ свой необузданный мазохизм, проявляющийся в виде симптомов, источник одновременного наслаждения и страдания.

Они воплощают в себе «загадку» и «соблазн мазохизма».

Они вызывают страх и отторжение, поскольку с помощью тела выставляют напоказ свой внутренний театр – борьбу между женским сексуальным и социальными или медицинскими правилами.

Истеричек сажали под замок, потому что они вызывали страх, восхищали и шокировали, выставляя напоказ сексуальное и женское в максимально преувеличенном виде.

На самом деле самым шокирующим, неприличным для Я является состояние наслаждения.

Именно это послание передает истерическая женщина.

Опора истерической женщины проявляется в виде того, что она одновременно предлагает себя для пенетрации и отказывается от нее, она ее хочет и не хочет, она хочет, чтобы ее взяли силой, заставили, но мужчина, под влиянием страха женского, отступает на позиции науки, морали и религии.

И при этом мужчина ее пытается, запирает. Истерическое задевает мужское бессилие.

Истерический спектакль адресован мужчинам, этот процесс Фрейд называет «переносом».

И поскольку мужчины давали истеричкам только медицинский ответ, они ощущали себя непонятыми, неслышанными, что становилось причиной медицинских неудач.

Истерические женщины проявляли также моральный мазохизм, который представляет собой ненависть к женскому, поскольку в ответ на свое провокативное сексуальное поведение они получали отвержение, презрение и наказание в качестве ответной меры.

Они выставляют напоказ свое женское, при этом полностью от него отказываясь. Они плохо с собой обращаются и делают так, чтобы другие тоже плохо с ними обращались.

Они хотят получить мазохизм наслаждения, но чаще всего получают в ответ моральный мазохизм.

Тревога превращается в страх, который приводит к отказу от женского и подавлению женского.

Поэтому многие истерички на протяжении веков становились жертвами экзорцистов – «контролеров матки». Из-за склонности к истерическим приступам женщины часто оказывались взаперти – в различных социальных и религиозных учреждениях, в семье, где любые проявления или использование сексуальности подавлялись.

Тем не менее можно сказать, что ядро первичного эрогенного мазохизма у истеричек функционирует, поскольку регрессия не доходит до повреждения тела, которое присутствует в случае так называемых психосоматических заболеваний. Истерический приступ остается в области психического, даже если при этом используется тело, «телесное Я», как его называл Фрейд.

Заключение и перенос

Отсутствие органического поражения во всех телесных симптомах и их загадочное исчезновение, не оставляющее следов, являются феноменом конверсионной истерии, представляющий собой провокацию и вызов для медицинской науки.

Истерички часто вызывают в свой адрес раздражение, обвинения в симуляции, отвержение и наказание.

Во время аналитической встречи истеричка рассказывает о себе, она настойчиво и быстро добивается контрпереноса аналитика, скорее используя механизмы вытеснения, чем признания, которое она вызывает в нас.

Таким образом, она может вызвать в контрпереносе чувство раздражения.

Тем не менее аналитический кадр является оптимальным пространством для постановки истерических сцен и игры влечений, поскольку внутри кадра происходят высвобождение и выход на поверхность влечений и связанных с ними запретов на их проявление и реализацию.

В процессе лечения происходит «истеризация переноса» в хорошем смысле этого слова, поскольку хорошие истерические качества в виде способности открыться навстречу неизвестному, появившиеся благодаря анализу, необходимы для того, чтобы репрезентации влечений были приняты и признаны.

Истерия, как и парабола рубина, представляет собой игру цвета в либидо – соблазнение, аффективную теплоту, жизненные силы, любовь.

Даже если конверсия перестала быть основной психопатологической парадигмой, она все равно остается фундаментом психической организации человека, базовым неврозом.

Человеческая сексуальность обладает истерической структурой.

Все люди сталкиваются с кастрационной тревогой, соматическими заболеваниями, истерией и отказом от женского, который дремлет в каждом из нас.

Hysteria

Jacqueline Schaffer

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Jacqueline Schaffer, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association (IPA), titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, winner of the Maurice Bouve Psychoanalytic Prize (1987).

According to Jacqueline Schaeffer, hysteria cannot be understood and interpreted without taking into account the theory of libido. In addition, it is impossible to speak of a conversion symptom or hysteria without recourse to the theory of psychopathology, which makes it possible to comprehend the material of observation. Nor can one be satisfied with a mere clinical description.

Starting with Freud, madame Schaffer develops her personal theory of libido to explain hysteria and construction of the feminine. According to Jacqueline Schaeffer, that's just the conversion hysteria "underlies the discovery of psychoanalysis as a method of psychopathological understanding and treatment".

Keywords: hysteria, libido theory, hysterical identification, projective identification, gender difference, phallic defenses, masochism.

ПСИХОАНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ

Аддикция (алкогольная): попытка метапсихологического осмысления

А. И. Коротецкая

Коротецкая Аурелия Ивановна – психоаналитик, психиатр, член Парижского психоаналитического общества, член Международной ассоциации психоанализа, член IPSO им. П. Марти, член Московской психоаналитической ассоциации. Проректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Представлены взгляд на алкогольную зависимость как проявление нарциссического расстройства и попытка «самолечения» как способ справиться с нарциссическими страданиями. Указано, как объясняются данные нарушения с точки зрения второй теории влечений Фрейда.

Ключевые слова: зависимость, алкогольная зависимость, нарциссизм, расстройство, влечения, З. Фрейд.

Нарциссические нарушения становятся главными переживаниями, с которыми обращаются к психоаналитику в последние годы. Существуют разные подходы к данным расстройствам, как и многочисленные клинические формы их проявления, в том числе – многочисленные зависимости. Зависимости, в том числе алкоголизм, становятся все более сложной, едва ли преодолимой проблемой нашего общества. При этом в психоаналитических кругах сегодня нет никаких сомнений о многофакторном происхождении данных зависимостей.

Если обратимся к этимологии слова «аддикция» (зависимость), можно вспомнить значение латинского слова *addicere* – приговорить. В слове Жака Андре находим следующее: «Уже само происхождение слова напоминает о порабощении, о теле, находящемся в рабстве обязанностей, с той отличительной особенностью, что раб и повелитель живут на этот раз вместе».

При зависимости желание ничем не отличается от нужды, от самой примитивной потребности.

Однако потребность, если она жизненно важная, витальная, характеризуется тем, что она проходит сразу же после получения удовлетворения; в то время как бутылка алкоголика становится бездонным колодезем.

Аддикция – это скорее настойчивая потребность, нежели нужда. Первоначальный смысл слова "требовать" – фискальный: настоятельно требовать принадлежащее по праву, что положено. Потребность при аддикции настойчива и претенциозна; она никогда не уменьшается, вместо убывания по мере удовлетворения она лишь еще больше возрастает. Тираническая и ненасытная, потребность превращает желания в приказы. Но кто отдает эти приказы? На первый взгляд – тело, клетка, жаждущая утолить потребность, к примеру, в алкоголе. А на деле – бессознательное. Оно является настоящим повелителем, будь оно переполнено тревогой или возбуждением.

Возможно, что первоначальным источником всех аддикций является зависимость от другого, которая настолько требовательна к присутствию другого, насколько неизбежны бесконечные разочарования другим, зависимость, заставляющая нас бесконечно повторять: "Любишь ли ты меня? Любишь ли ты меня?"»

Если мы сосредоточимся лишь на алкоголизме как заболевании, то опыт подсказывает нам, что мы можем говорить больше о «болезнях», потому что любая попытка представить причины возникновения и развития алкоголизма как некую единую для всех схему выглядит в лучшем случае карикатурно. Мы не можем говорить о некой причине или группе причин, могущих вызвать возникновение этого заболевания у людей, больше того, мы все знаем, как одно и то же событие – внешнее или внутреннее – может вести у разных людей к разным последствиям. Однако мы можем и обязаны понимать с точки зрения психоаналитической метапсихологии те процессы, которые устанавливаются в психическом аппарате больного алкоголизмом. Известно, что все они функционируют под императивным давлением навязчивого повторения, которое, если вспомнить вторую теорию влечений Фрейда, является выражением *par excellence* работы влечения к смерти, чем и объясняется тщетность многих терапевтических усилий. Тем более что сила давления этих влечений столь разнообразна при данной патологии, и мы сталкиваемся с реальностью следующего утверждения Алена де Мижола: «Не существует алкоголика как такового, иначе он был бы мертв, прежде чем жил».

Пытаясь понять функционирование алкоголика, мы неизменно сталкиваемся с выраженным расщеплением Я при данной патологии (о чем упоминал еще Фрейд) как с предпочтительным защитным у них механизмом. И в работе с ними мы находим два вида психофункционального, которые следуют друг за другом, либо пересекаются, либо каким-либо способом смешиваются, в зависимости от внешних факторов или от внутреннего давления, с которыми субъект вынужден справляться в своей жизни.

Клиницисты больше всего сталкиваются с тем, что можно назвать «алкогольным сектором Я». Однако ничего у алкоголиков не проявляется простым и однозначным способом, поскольку у них сосуществует так называемый «неалкогольный сектор Я» – своеобразная вторая, «теневая» область их психической территории. Это нельзя вообразить наподобие географической карты с четко обозначенными границами, больше это похоже на смесь двух жидкостей различной конденсации, находящихся в одном сосуде. В зависимости от силы встряхивания (извне или, что более значимо, – изнутри) эти жидкости могут смешиваться, проникать друг в друга или же при постоянном встряхивании могут создать новую взвесь из двух неоднородных изначально веществ, что и происходит иной раз при неблагоприятном течении алкоголизма, в такой взвеси жидкости столь тесно перемешаны, что отделить их друг от друга становится невозможным.

Ведь больные алкоголизмом, так же как и другие субъекты, перед требованиями внешнего мира или внутренним давлением оказываются способными на разные другие защиты – они прибегают к фантазированию (хоть оно и беднее, чем у других), к вытеснению, изоляции, аннулированию и др., однако, как по мановению ветра, они вдруг исчезают из поля нашего зрения, для того чтобы переместиться в другое измерение, где уже нет мира – ни внутреннего, ни внешнего, во всем их разнообразии, все конденсируется в один значимый объект – алкоголь, вокруг которого далее строится их единственный мир. Можно описывать алкоголиков в понятиях различного спектра пограничного функционирования, но, учитывая период, когда они к нам обычно обращаются, то вернее всего состояние их можно описать в понятиях первертного функционирования. Мы можем вспомнить, что Фрейд описывает этот универсальный защитный механизм (перверсия) именно как результат расщепления Я. Фрейд помещает возникновение данного механизма защиты в период решения фаллических, то есть связанных со вторичным нарциссизмом, задач. В его размышлениях шла речь о мальчике, который сталкивается с «реальностью» кастрации женщиной в период «последствия», следующий за угрозой, довлеющей над ним из-за его мастурбаторной активности, и многие приняли именно этот момент в развитии психики единственно ответственным за расщепление. Поэтому многие объяснения перверсии как психического феномена вновь обращают нас к моменту обнаружения разницы между полами. Фетиш или перверсия имеют финальной целью удержание либидинального инвестирования генитальных органов и возможность получения наслаждения посредством генитальной зоны или чего-то другого, появляющегося в результате регрессивного смещения.

Алкоголь же, даже если и выполняет роль фетиша в самом начале потребления, достаточно скоро приводит к исчезновению эрогенности генитальной области, все происходит таким образом, как будто эта область больше не обладает возбуждением и это возбуждение не подвергалось вытеснению. Цель психического события маленького мастурбатора, описанного Фрейдом, как будто бы теряется у алкоголиков, и мы можем предположить, что у них изначально другая цель – не отрицание внешней реальности (различия полов и опасность кастрации), а отрицание внутренней

реальности либидинального инвестирования самих генитальных зон. Вспомним в связи с этим слова Мишеля Фэна: *«Эротическое либидинальное инвестирование тела поддерживается лишь в условиях, когда такое тело естественным образом продолжается в психическом аппарате, топически сконструированном»*. Это наводит на мысль, что, возможно, причина такого состояния находится в более раннем периоде развития, еще до установления инвестирования генитальной области, так как данный процесс у алкоголиков претерпевает тотальную неудачу. Несомненно, существует внутренняя причина того, что потом будет проецировано на внешнее – на алкоголь, а именно травматические шрамы, из-за которых влечения не в состоянии связываться. Речь о внутренней реальности, при которой существуют немые и даже омертвленные части, о наличии которых ведомо лишь бессознательному и которые являются болезненной и непереносимой территорией в психике, постоянно подвергающей Я невозможности приобрести свою целостность. Взросление психики и появление перед ней новых задач лишь усложняют процесс попыток интеграции Я. И каким же образом возможно с этим справиться? Ответ приходит сам собой – посредством расщепления – которое (расщепление) еще и усиливается всякий раз, когда психика сталкивается с необходимостью синтеза Я, что для нее является невозможным. Придется вспомнить Ференци и его теорию ранней травмы – он ее изложил не по поводу алкоголиков, но вполне применимо и к приключившемуся с ними. Что расщепление есть результат непереносимости травмы, о которой невозможно забыть, как и невозможно ее перерабатывать. В случае алкоголиков встреча с алкоголем становится тем событием, которое позволяет ему хоть опосредованно соприкоснуться с расщепленным участком Я. Опять же мы можем вспомнить о специфичности психического времени, которое, как мы знаем, имеет более циклический, нежели линейный характер. Ведь психическое время не характеризуется последовательностью этапов или стадий, при которой каждая из них исчезает, чтобы освободить место вновь наступающей, а можно сказать, что каждая предыдущая стадия выживает и проявляется во вновь наступившей. Также психическое время характеризуется возвратом назад («регрессией») и новым прочтением, новой интерпретацией и последующим обогащением прошлого в свете настоящего. Это верно для стадий психосексуального развития (например, преобладание оральных составляющих при эдиповой истерической организации), но также верно и для нашей жизни в целом: прошлое присутствует в нашем настоящем, и наше развитие, как и наши новые достижения, возвращает нас в прошлое, чтобы по-новому его осветить. Понятие «après-coup» (последействие) является иллюстрацией этой особенности нашей психической жизни, и есть такие последствия, которые меняют нашу концепцию и даже сам опыт архаического переживания (Грин). В случаях алкоголиков при развитии и вхождении последнего в фаллический, а далее – в эдипов период психика вновь вынуждена сталкиваться с необходимостью принять новые внутренние и внешние условия психического существования человека – разницу между полами, кастрированность женщин, страх кастрации мальчиков,

и в конце концов появляется новый императив – необходимость интеграции частичных влечений под приматом генитальности. Другими словами – новый этап, при котором вновь необходимо сделать попытки интеграции Я. И вновь эта задача становится невыполнимой. Если обратиться к коллективному бессознательному, дающему метафорические ответы на почти все экзистенциальные вопросы, то можно вспомнить утверждение о том, что пьют «с горя». Мы, психоаналитики, можем уточнить – пьют от невозможности преодолеть горе, прорабатывать горе из-за сепарации с первичным материнским объектом. Опять же, если обратимся к клинике, откуда черпали теоретические познания все психоаналитики, то можем вспомнить большое количество пациентов, находящихся в симбиотических отношениях с матерью. А если еще и вспомнить про знаменитое «третьим будешь?», то становится очевидным, что такое поведение алкоголиков есть не что иное, как внешняя драматизация их внутренних переживаний, их внутренняя необходимость в появлении третьего, отделяющего их от матери, – потребность в Другом, Третьем, в Отце и его Законе.

Однако вернемся к теме расщепления. Причина того, отчего пьет конкретный человек в этой конкретной ситуации, заключается вовсе не в том, что у него алкогольное расщепление Я, а потому что он может справиться с теми психическими изменениями, которые происходят с ним, лишь с помощью своего Я, которое уже ампутировано расщеплением и из-за этого оно (Я) станет алкогольным. Это еще раз вынуждает нас утверждать, что не бывает единого расщепления, единожды и навсегда произошедшего, каждый алкоголик имеет свою индивидуальную причину расщепления своего Я, свою историю травмы, и даже если схематически эти травмы можно объединить под общим названием «нарциссическая дефицитарность» или же, применяя терминологию Грина, «нарциссизм смерти», то путь, приводящий конкретного алкоголика именно к алкогольному выбору, неповторим. Отсюда и особый результат индивидуальной психотерапии, а особенно – психоанализа – в случаях алкогольной зависимости. Таким образом, мы вправе утверждать, что зависимость, в том числе алкогольная, является выражением нарциссического страдания индивидуума.

О нарциссизме З. Фрейд начал говорить достаточно рано, и можно предположить, что основные постулаты данного способа функционирования он предложил в знаменитой статье «Горе и меланхолия» 1915 года, когда попытался объяснить особенности меланхолии. Фрейд в данной статье предложил новый регистр проблемы – не в области потери объекта, уточняя, что потеря объекта есть проблема горя. Меланхолия – явление другого порядка. При меланхолии объект был разочаровывающим. То есть при меланхолии мы сталкиваемся с нарциссическим разочарованием в первичном объекте. Такое разочарование создает ядро спутанности в субъекте, субъект более не опознает себя как результат отношения с объектами, тогда меланхолия становится не проблемой потери объекта, а проблемой потери субъекта. Необходимо вновь найти потерянный субъект. Первичный объект был инкорпорирован субъектом и в данном виде остается в его психическом. Мы находим в знаменитом труде

Фрейда не менее знаменитую его фразу: «Тень объекта падает на Я». Что это за тень? Мы знаем, что Я как инстанция ассимилирует все, что на него «падает», и именно из этого себя строит. Когда тень объекта падает на Я, Я больше не знает, что у него внутри от себя, а что – от тени. Именно по этой причине внутри субъекта возникает спутанность, которая, развиваясь, приводит к отчаянию и разочарованию. Нарциссическое разочарование – крайне травматическое чувство, это и есть то, что обуславливает болезненную нарциссическую рану. Она, эта рана, оживляет всякий деструктивный процесс, к коим, несомненно, относятся зависимости. И если в «Горе и меланхолии» Фрейд говорит нам об одной возможности разрушения – о суициде меланхолика, который призван избавиться субъект от ненавистного объекта, то немного позднее он раскрывает еще одну сторону деструктивности – уже связанную со своеобразной структурой Я субъекта, которое образовалось вследствие инкорпорирования в нем ненавистного объекта. В данном случае Я станет источником формирования следующей инстанции – Сверх-Я, которое будет отличаться необыкновенной жестокостью. И такое Сверх-Я будет наказывать уже не только за действия, но и за мысли как за реальные поступки. В статье «Я и Оно», в главе «Зависимости Я», Фрейд объясняет это следующим образом: когда объект находится вне субъекта, то он в состоянии оценивать лишь действия субъекта, а когда он инкорпорирован и находится внутри, то он в курсе того, что субъект мыслит, и наказывает за это. В конечном итоге З. Фрейд связал это с влечением к смерти и указал на четкую связь с нарциссическим разочарованием. В чем же состоит такое нарциссическое разочарование? Работы постфрейдовских теоретиков психоанализа доказывают нам наличие у младенца несколько другого пути психического развития, нежели предполагалось ранее. Известное представление о психическом состоянии новорожденного как о своеобразной *tabula rasa*, на которую можно написать все заново, не соответствует реальности. Оказалось, что новорожденный входит в жизнь с имеющимися уже представлениями и ожиданиями. Это было по-разному описано и названо, как, например: У. Бином – «преконцепциями»; Лапланшем – «потенциальностью»; Ж. Л. Донне – «виртуальностью», а С. Левобиси – «врожденной оснащенностью». Но, во всяком случае, ребенок рождается, и у него уже существуют некоторые ожидания и некоторые представления о том, что же он ожидает иметь в этом мире. Но все его ожидания и представления нуждаются в подкреплении и утверждении со стороны «окружения», того самого «зеркала материнского лица», о котором нам говорил Винникотт. Именно объект стоит между Я потенциальным и Я, которое строится в итоге. Нарциссическое разочарование и является результатом провала встречи между ожиданиями младенца и ответом, который дает окружение. Окружение разочаровывает его в фундаментальных ожиданиях. В самоощущениях ребенок получает опыт того, что Винникотт назвал «агонией» младенца. Обратим внимание на выбранное слово: древнегреческое *agonia* – «бой», «борьба», «душевная борьба». То есть это не пассивное принятие происходящего, а активная попытка избавиться от неудовольствия, которая, впрочем, может израсходовать все психические

силы и привести в лучшем случае к нарциссическому способу функционирования. Различной глубины, впрочем; в худшем – к смерти.

Однако важно, что встреча между субъектом и объектом случилась в разочаровывающем субъекта виде, что стало для него травмой, которую он будет пытаться перерабатывать всю свою жизнь, оживляя ее в навязчивых ее повторениях. Навязчиво повторяются те травмы, которые переживались во времена, когда субъект еще не обладал достаточной способностью к синтезу, то есть это все то, что происходило до появления языка, но у субъекта был доязыковой, телесный способ записи опыта и такой же способ коммуникации.

Таким образом, можно предположить, что расщепление устанавливается при столкновении с неким архаичным, телесным восприятием, схожим с тем, что Ференци описывает под названием «аутосимволизация»: *«Похоже, что в ответ на опасность часть Я отщепляется и становится аутовоспринимающей инстанцией, которая пытается самому себе помочь. Это может произойти в раннем и очень раннем детстве»*.

Мы также можем попытаться концептуализировать такие психические переживания, отталкиваясь от «теории негатива» Андре Грина. Известно, что объект, абсолютно необходимый для структурирования психики, должен после этого действия стереться. То есть в данном качестве (структурирующий психику) его необходимо забыть; он останется как объект притяжения или отвержения. А в случае, когда невозможно «забыть» объект, происходит нечто вроде перверсии данной функции объекта; потому что истинным качеством объекта является его способность ошибаться. Именно поэтому Винникотт говорит о «достаточно хорошей матери», той, которая обязана ошибаться, не мочь приспособиться, иногда быть неадекватной. Ведь функция объекта парадоксальна – он обязан стимулировать, разбудить влечения и одновременно их контейнировать. И еще он должен дать субъекту ощущение того, что **всегда** существует **более чем один** объект. Все остальное приложится. Другими словами, «достаточно хороший объект» подготавливает субъекта к моменту необходимой сепарации таким образом, что этот процесс сопровождается вполне переносимым аффектом грусти и тревоги, а не отчаянием брошенности, как отправление в небытие. (В отличие от тревоги, такое отчаяние не поддается анализу, оно лишь требует, чтобы его существование признали. Отчаяние, прежде чем превратиться в опыт брошенности, покинутости, является определенным состоянием, состоянием новорожденного, беспомощного, неспособного выжить без посторонней помощи, использовать собственные ресурсы для удовлетворения своих первичных потребностей, как витальных, так и психических. Крик отчаяния требует лишь одного (невозможного) – найти что-то, чего никогда не существовало: значительную и непрерывную добродетель материнского присутствия, не ведающего, что такое материнская недостаточность.)

Когда же все происходит иным способом, устанавливаются «нарциссические отношения с объектом» или даже «наркомания объекта», что мы находим у алкоголиков. У них наблюдается то, что в психоанализе

принято называть «сверхценностью негативного аспекта отношений». Это происходит потому, что в опыте ребенка были травмы, с которыми он не смог справиться, ребенок не мог выдержать отсутствия своей матери, и в ответ у него развивается такое состояние, при котором именно ее отсутствие (негатив матери) становится единственной реальностью. Такой опыт распространяется на все психические структуры и более не зависит от будущего появления или исчезновения объекта. Это означает, что последующее присутствие объекта уже не будет влиять на полученную негативную модель, она (негативная модель) станет основной характеристикой опыта, пережитого субъектом. Негатив становится организующим объектные отношения, независимым от присутствия или отсутствия объекта. Винникотт описывает такое положение вещей в развитии ребенка в статье, касающейся переходных феноменов и объектов. Описанную ситуацию можно понимать двояко: либо как обратную сторону (негатив) структурирующего, положительного опыта создания переходного объекта и тех ресурсов, которые этот опыт предоставляет для процесса сепарации, либо (именно это является темой Грина) как отрицательное воздействие того негатива, который в потенциале своем был творческим, но страдание, отчаяние, беспомощность состояния негативности смогли быть переведены лишь в психический паралич. Однако такая беспомощность охватывает не только субъекта, но включает в себя и объект. Можно противопоставить эти два решения.

Первое, творческое, узнает на протяжении сепарации страх возможной потери и отвечает на это процессом создания внутриспсихического объекта – придается отличный, новый статус уже существующему объекту. При этом происходит включение в процесс одновременно и Я, и внутренних объектных репрезентаций. Психика не ограничивает себя лишь этим изменением – продукцией переходного объекта – и не лимитирует себя сверхинвестированием репрезентаций; психика отвечает на нехватку реальности, которой страдают репрезентации, учреждением фиктивной реальности, которую она смещает в другое пространство, отличное от пространства репрезентаций. Психика получает в свое распоряжение объект и возможность его воспринимать в данном пространстве и вызывать физические, а не только психические удовольствия. Важно, что такой объект не воспринимается как галлюцинация.

Второе же решение – опыт негативности возобновляется и заключается на самом себе. Психика придает отсутствию все атрибуты плохого, надеясь, что, если он предоставит себя в качестве жертвы, добычи для объекта, станет возможно появление позитива. Объект нагружается чувством вины, которая приводит к возвращению объекта, и – после того как этот объект уничтожается, даже прежде чем он воспринимается – идет попытка оживления объекта. Это происходит не в поле реальности, не в переходном поле или в поле репрезентаций, а в поле «сюрреального», исключительно аффективного воображаемого, созданного единственной силой жалобы. Такое функционирование основано на идентификации с первичным объектом, который выражает свое неудовольствие по отношению к младенцу, которому не предоставлялось ощущение безопасности.

Негатив негатива, недостаточность отсутствия, удвоенное присутствие, которое усугубляет страдания, а не прекращает его, и это вновь и вновь запускает болезненный процесс. Такое положение вещей имеет своей целью в конце концов сделать так, чтобы объект вышел из своего отсутствия. Демонстрация взаимного плохого отношения тут становится производителем фикции аффекта, который занимает место всех репрезентаций. Для достижения такого результата производится самоампутация Я, и это приводит к появлению чувства пустоты, пропасти, которая является не чем иным, как дублем – нечто вроде страдания, боли по самому себе, – который смог заключить себя в форму, которую нельзя никак репрезентировать, следовательно, она недоступна для какого-либо использования, потому что единственное, что можно использовать, – это нерепрезентабельность объекта (*невозможность репрезентировать объект почему-то становится у алкоголиков не такой невыносимой в момент, когда он встречается с алкоголем. В результате, по-видимому, происходит нечто, по внутреннему воздействию похожее на процесс репрезентирования, но этот процесс ложный, однако для психической экономики выгодный, и это приводит к необходимости его повтора*). Конфликт строится вокруг реакций, спровоцированных не-существованием объекта. Этот конфликт неразрешим, единственная возможность – искать, исходя из исчезновения самого Я, что пытается проделывать в своей душе алкоголик. В первую очередь – спецификой выбора своего объекта. Существует сходство между объектом-алкоголем и объектом-фетишем: если коротко, то объект-алкоголь в «работе горя» является тем же, что и объект-фетиш в работе кастрации. Прибегать к вещи (к алкоголю) для того, чтобы избежать боли, которая возникает при переживании зависимости от другого живого существа, пытаться заменить существо вещью, чью «инаковость» легче признать и отсутствие легче (?) переносить.

Алкоголик активно отказывается быть субъектом своей истории, а хочет быть пассивной жертвой какой-нибудь вещи, алкоголя. Такую вещь возможно поместить вместо ускользающего в процессе сепарации первичного объекта, алкоголь станет эрзац-объектом и поможет избежать душевного страдания, неизменно сопровождающего работу горя по утрате объекта сепарации; а также такой объект, как алкоголь, обладает удивительной способностью быть всегда «под рукой», в руке, подвластным действию (именно действие, агирование – характерная черта алкоголика).

Действовать, а не переживать. «Заставить себя умереть, не умирать», – говорил нам алкоголик, чьи соматические ресурсы были практически исчерпаны. Тут уместно отметить присущее алкоголику *ордалическое функционирование*. Речь идет о поведении, содержащем принятие смертельного риска, при помощи которого субъект (как правило, подросток) пытается позиционировать себя как хозяина собственной судьбы. Мы подошли вплотную к смерти, которой играет алкоголик в попытке ее обуздать, нейтрализовать очередной дозой «воды жизни». Другими словами, мы сталкиваемся с работой влечения к смерти, которая выявляется в атаках на мышление, в тех самых «атаках на связи» (Бион), оставляя нам

кое-какие догадки по поводу того, почему же опыт ничему не учит алкоголика. Потому что он, алкоголик, не имеет истории с продолжительностью во времени, возможностью проработать свой опыт – ведь он своей ненавистью, исходящей из влечения к смерти, уничтожает все связи между явлениями, переживаниями, мыслями. Тот, кто работает с алкоголиками, знаком с ощущением полного застывания собственного мышления – возможно, это эффект проективной идентификации. В тот момент нас, нашего мышления более не существует. Именно это пытается транслировать нам алкоголик, его способ чувствовать себя субъектом – это «я не существую». Не существую, потому что этот мир слишком рано, еще во времена, когда только формировалась моя психика, разочаровал меня. Именно это слово – «разочарование» – мы находим в трудах Фрейда всякий раз, когда он говорит об алкоголизме.

Однако важно, что встреча между субъектом и объектом случилась в разочаровывающем субъекта виде, что стало для него травмой, которую он будет пытаться перерабатывать всю свою жизнь, оживляя ее в навязчивых ее повторениях.

При введении понятия «отрицание» Фрейд напоминает свою же характеристику невроза и психоза: «Полагаю, что важным отличием невроза от психоза является то, что при неврозе Я, подчиняясь реальности, подавляет часть Оно, а при психозах Я под воздействием Оно отделяется от реальности». Однако ни один из этих механизмов не срабатывает при хроническом алкоголизме, остается лишь внутреннее, телесное восприятие, которое примет статус внешней, а не психической реальности в момент встречи с внешним восприятием – алкоголем, который в данный, привилегированный момент даст субъекту ощущение единства Я, даже если это ощущение окажется ложным, – опьянение послужит попыткой связать внутреннее расщепление, устанавливая отныне его вовне. Возможно, что таким образом устанавливается экстериоризация всего того, что было отщеплено в алкогольную часть Я, из-за того, что не смогло найти репрезентирования в психике. В эту внешнюю часть, как в «помойную яму», становится возможным «выливать» все неудобное, тревожащее и несвязанное, все то, что субъект творит – «но он же был пьяным!». Алкогольный сектор Я становится носителем ненависти к себе, а «помойная яма» отсылает нас к «анальности» алкогольного Я. По поводу ненависти к себе Фрейд пишет в письме от 9 февраля 1936 года: «Это может возникнуть по причине сильной ненависти субъекта к своему отцу и идентификации с ним; результатом становится расщепление и ненависть к себе». Ненависть к себе, как и разочарование и стыд, у алкоголиков заменяет чувство вины, которое появляется в результате решения эдиповых конфликтов. В связи с этим напомним об отсутствии у алкоголиков возможности идентифицироваться с имago сильного и любящего отца, о неудаче прохождения пассивного периода доэдиповой гомосексуальности, которая не позволяет сблизиться с отцом и установить четкую сексуальную идентификацию, а также интериоризировать отцовский образ – защитника от архаической и захватывающей матери. В своих

актингах алкоголики могут перейти к манифестным гомосексуальным действиям, однако их смысл – не в утверждении отрицания различия полов (как у первертов) и получении, пусть и регрессивного, генитального удовольствия, а в попытке любой ценой противостоять смерти и умиранию любого влечения. В этом кардинальное отличие алкоголиков от первертных – там, где перверты не могут принять разницу полов, то есть не могут отличать мужское – женское, алкоголики пытаются провести демаркационную линию между мертвый – живой.

P. S. «Все то, с чем нам приходится сталкиваться, вся наша жизнь слишком тяжела, в ней много боли, много разочарований, много невыполнимых задач.

Без помощи седативов мы не можем все это выдержать».

З. Фрейд, 1930 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фрейд З. Психика: структура и функционирование / Пер. А. М. Боковой. М.: Академический проект, 2007.
2. Фрейд З. Невроз и психоз / Пер. А. М. Боковой // Психология бессознательного. Собр. соч.: В 10 т. М.: ООО «Фирма СТД», 2006.
3. Фрейд З. Вопросы общества и происхождения религии. М.: ООО «Фирма СТД». Москва, 2007.
4. Фрейд З. Влечения и невроты / Пер. А. М. Боковой. М.: Академический проект, Москва, 2007.
5. Green A. Narcissisme de vie, narcissism de mort; Les editions de minuit, Paris. 2007
6. Green A. La folie privée. Psychanalyse des cas-limites, Gallimard, 1990.
7. Racamie P.-C. De psychanalyse en psychiatrie. Paris: Payot, 1979.
8. Rosenberg B. Sur la negativ // Les cahiers du Centre de Psychanalyse et de Psychotherapie. 1981. N 4.
9. Grunberger B. Le suicide du melancolique // Le narcissisme. Paris: Payot, 1971.

Addiction (Alcoholic): an Attempt at Metapsychological Comprehension

A. I. Korotetskaya

Korotetskaya Aurelya I., psychoanalyst, psychiatrist, member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), member of the International Psychoanalytical Association (IPA), member of the IPSO named after P. Marti, member of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA). Vice rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chistyoprudy.

A view at alcohol addiction as a manifestation of narcissistic disorder and an attempt to "self-medicate" to cope with narcissistic suffering are presented in this article. It is indicated how these violations are explained from the point of view of Freud's second theory of attraction.

Keywords: addiction, alcohol addiction, narcissism, disorder, drives, Z. Freud.

ПЕРВОФАНТАЗМЫ

Каннибалистическая фантазия и вопросы идентификации

О. А. Кальчева

Кальчева Ольга Алексеевна – психолог, преподаватель психологии, методист в АНО ДПО «Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах», дополнительное образование в области психоанализа, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации (МПА).

Бессознательное, в психоаналитическом понимании, содержит наследуемые архаические следы примитивной психической организации первобытных людей. Первофантазм каннибалистической трапезы, описанный Фрейдом, является таковым, а именно структурирующим психическим элементом, который существует до зарождения структуры субъекта и имеет символическое значение в развитии мышления. Каннибалистическая фантазия тесно связана с первофантазмом первосцены, с вопросами зарождения жизни, обладанием объектом, задачами идентификации и бессознательным чувством вины. Говоря о роли каннибалистического первофантазма, мы можем подумать об истоках амбивалентности влечений, о бессознательном психическом акте поглощения и разрушения, а также о сохранении и присвоении качеств орального объекта. Овладение агрессивными влечениями, наряду с любовью к объекту и последующим отказом от инцестуозного объекта любви, является психической судьбой индивидуума.

Ключевые слова: первофантазм, каннибалистическая фантазия, убийство первобытного отца, покаяние, амбивалентная фаза развития влечений, агрессивные влечения, идентификация, инкорпорация, интеграция агрессивных импульсов, любовь, ненависть, бессознательное чувство вины, obsессивный невроз, Сверх-Я.

Мы находимся в поле психоанализа, где первофантазм (Лапланш, Понталис, 2010) является филогенетически наследуемой структурой, вокруг которой организуется «психическая реальность» субъекта. Психическое развитие связано с развитием фантазирования, воображения, мышления, речи.

Способность мыслить, выражаться посредством речи (слов) стоит на страже принципа сбережения экономики психических процессов. Мышление призвано помочь «душевному аппарату переносить повышенное возбуждение при отсрочке отвода» (Фрейд, 2007, с. 3) (отсрочка прямой разрядки). Благодаря введению принципа реальности сложились благоприятные условия для связывания свободно перемещаемых катексисов и перехода от первичного процесса к вторичному.

Мир фантазии и воображения связан с желаниями, которые влекут и движут человека и требуют своего удовлетворения. Нетрудно заметить, что в обычной жизни одни желания могут быть удовлетворены посредством выполнения действия, церемониала, свершения события, организации и проведения совместных с другими людьми мероприятий, торжеств. Другие желания, остающиеся неосознаваемыми (вытесненные инфантильные), являются причиной испытываемого беспокойства и тревожности. Защищаясь от давления желаний, Я развивает психические защиты, которые позволяют желаниям реализоваться в работе сновидения, в образовании симптома, навязчивых и болезненных состояний (в переработанном виде, посредством смещения и сгущения), компромиссных образований. Здесь мы наблюдаем деление на два мира: мир внешний – реальной жизни и мир воображаемый, который в психоанализе относят к «психической реальности».

В архаических слоях бессознательного обнаруживается начало начал психического – первофантазмы (первосцена, соблазнение, кастрация, возвращение в утробу матери, каннибалистическая трапеза), которые никогда не покидали бессознательного. Они являются на сцену в ходе психоаналитической работы в результате реконструкции и работы воображения, переработки влечений в сексуальные влечения. Фрейд допускает «сосуществование в одном ряду с эдиповым комплексом первофантазма: на этот раз субъект не встречает структуру, а движим ею, но, напомним, внутри фантазма и именно как конфигурации бессознательных желаний, а не в качестве члена возможных комбинаций» (Лапланш, Понталис, 2010, с. 260).

«Фантазирование есть фундаментальная психическая активность, движущей силой которой является желание или, точнее, желание, не удовлетворенное в реальности. Фрейд связывает его появление в психической жизни с введением принципа реальности. Последний очень быстро устанавливается в области влечений Я: галлюцинаторное удовлетворение пищевого желания скоро разочаровывает. Напротив, сексуальные влечения могут легче избежать этого, определенные модальности мышления используются для их воображаемого удовлетворения, которое и является фантазированием» (Патопсихология. Психоаналитический подход, 2008, с. 105). Буланже отмечает, что открытие психической реальности привело Фрейда к отказу от теории травмы реального акта соблазнения, следствием стало открытие роли в образовании невроза «другой реальности (психической): реальности инцестуозного желания, эдипова комплекса и его вытеснения» (Патопсихология. Психоаналитический подход, 2008, с. 105).

Фантазия содержит в себе: воплощение инцестуозного вытесненного желания, аффект, переработанный во влечение, мнестический след удовлетворения, акустические осадки слов, символические образы первичных объектов – и разыгрывается по вписанным в психическое конструкциям первофантазмов. Такими основными сценариями являются: первосцена, соблазнение, кастрация. Реконструкция первосцены описана в работе З. Фрейда «Из истории одного инфантильного невроза» (1918). Первофантазмы лежат у истоков мышления, пробуждают любопытство, интерес открывать вопросы и искать объяснения о собственном происхождении, о сексуальности, разности полов. Другие первофантазмы – каннибалистический (поглощение) и возвращение в утробу матери (смерть) – лишь мельком появляются в работах Фрейда. Попытку проиллюстрировать все первофантазмы Фрейд предпринял в упомянутой выше работе, описывая психоаналитическую работу с Человеком-Волком, но ведущим фантазмом остается первосцена.

В текущем докладе предпринимается попытка прояснить психоаналитическое содержание фантазии «каннибалистическая трапеза», которую З. Фрейд описал в работе «Тотем и табу (Некоторые соответствия в душевной жизни дикарей и невротиков)» (1912–1913).

Понятие каннибализма знакомо человечеству давно и связано с первичной потребностью утоления голода. В этом акте нет ничего символического, что могло бы привлечь взгляд современного психолога, если бы не те аффективные ощущения и переживания, которые возникают, когда воображение рисует оживающие картины поедания человеческой плоти.

Будучи наследием прообраза первобытной орды, каннибалистические картины лежат в архаических глубинах человеческого. Окаменевшие, невыразительные, они не тревожат тела и души, пока человек не коснется их своим воображением.

Фрейд пишет, что для «дарвиновской первобытной орды» характерно лишь наличие жестокого, ревнивого отца, «который владеет всеми самками и отгоняет от них подрастающих сыновей, и ничего более» (Фрейд, 2008, с. 426). Как если бы не было ничего, кроме повторения действия в цепочке: потребность (голод, половая потребность) – утоление потребности (поглощение, половой акт), что с психоаналитической точки зрения могло бы соответствовать немедленной разрядке, навязчивому повторению, описанному в «Добровольных галерщиках» Ж. Швеком (2015).

Наследием первобытной орды остаются примитивные организации у некоторых племен, пишет далее Фрейд, – «это мужские союзы, состоящие из равноправных членов и подлежащие ограничениям тотемической системы при наследовании по матери. Могло ли произойти одно из другого и каким образом это было возможно? Ссылка на праздник тотемной трапезы позволяет нам дать ответ: как-то раз изгнанные братья сговорились, убили и съели отца и тем положили конец отцовской орде» (Фрейд, 2008, с. 426).

Для человека современного воображаемые картины из жизни дикарей-каннибалов, которые, врываясь в восприятие, будоражат, аффективные переживания мгновенно затапливают все существо. Ощущения

окрашиваются яркими тонами – от отвращения до смакования – и несут в себе спонтанные побуждения к ответным действиям (актам): отвернуться, убежать, выbleвать, наряду с побуждением хватать, рвать, глотать.

Каннибалистическое для современного человека включает в себя:

- непосредственное питание,
- религиозный аспект (ритуал),
- суеверие,
- символическое значение.

Символическое значение сцены убийства и поедания отца обнаруживается далее у Фрейда в «Тотем и табу» (1912–1913): «Объединившись, они (братья) осмелели и совершили то, что было бы не под силу каждому в отдельности. То, что убитого они еще и съели, вполне естественно для дикарей-каннибалистов. Жестокий праотец, несомненно, был образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. Теперь в акте поедания они осуществили идентификацию с ним, каждый присвоил себе часть его силы» (Фрейд, 2008, с. 426).

Перед нами стоит путь, по которому пошло человечество и каждый индивид отдельно в своем эмоциональном развитии – путь поглощения и идентификации, присвоения чувств, от фазы примитивной агрессивности и до жестокости желаний, направленных на объект, к комплексу противоречивых чувств к отцу: «...они ненавидели отца, который стоял на пути их потребности во власти и их сексуальных притязаний, но они также любили его и им восхищались» (Фрейд, 2008, с. 427). Убийство отца утолило их ненависть, поедание его плоти удовлетворило потребность владеть его качествами, лишь нежные побуждения к отцу не нашли ответного действия. Выразить свою нежность к отцу братья смогли, раскаявшись, «возникло сознание своей виновности, которое здесь совпадает с пережитым всеми раскаянием» (Фрейд, 2008, с. 427).

Далее Фрейд рассуждает, что укрепление мертвого отца произошло через создание образа тотема, раскаяние проявилось в форме двух запретов тотемизма: не прикасаться к освободившимся женщинам отца и не убивать тотемное животное, что совпадает с вытесненными желаниями эдипова комплекса. Здесь мы дошли до объяснения рождения амбивалентной фазы в развитии влечений. Можно выделить два направления преобразования влечений: первое – образование социальных организаций, нравственные ограничения (покоится на запрете на инцест с желанными женщинами, ради которых был убит отец), второе – создание религии (запрет на убийство, проявление послушания, ради усмирения чувства вины). Подавление ненависти и культивирование покорности (любви) касательно одного объекта делают невыносимыми страдания невротиков. Запрет на прикосновение, крайняя амбивалентность чувств ярко выражаются в симптомах навязчивых мыслей, суеверий, навязчивых повторений у обсессивных невротиков. Они вынуждены удерживать далеко друг от друга представление и аффект, вытесняя самую связующую ассоциативную нить. Безумные комбинации навязчивых мыслей сводят их с ума, лишают способности трудиться, учиться, любить, создавать пары, принимать решения. «Бесконечные сомнения невротиков являются следствием

конфликта сильной любви к объекту и столь же сильной ненависти, приводящим к частичному параличу воли и неспособности совершать поступки. За счет смещения это торможение может распространиться на все сферы жизни пациента» (Фрейд, 2007, с. 16).

Агрессивные влечения оживляют сцену «каннибалистической трапезы» (поглощения) и побуждают подумать об их источнике и судьбе, наряду с вопросами идентификации.

Психический каннибализм отсылает к исследованию вопросов оральной фазы психосексуального развития по З. Фрейду, орально-садистической стадии по К. Абрахаму. Оральная стадия психосексуального развития берет свое начало в базовой потребности утоления голода, выживания, когда непосредственно физиологический процесс питания предшествует развитию психического мира новорожденного.

Голод побуждает новорожденного отправиться «на охоту», быть жестоким, требовательным агрессором по отношению к материнскому соску, молоку. Первая «охота с добычей» сменяется второй, третьей... пока действие не превратится в своеобразный ритуал поиска иного рода наслаждения, через снятие голодной боли живота. Д. Винникотт связывает развитие личности с развитием эмоциональным, интеграцией чувств, и прежде всего с последовательной интеграцией агрессивных импульсов. Он отмечает, что агрессия ребенка, которая толкает его вырваться из утробы матери, побуждает захватить сосок материнской груди своим ртом, хаотично трепыхаться и толкаться, не означает желание причинить боль, не несет в себе личностного агрессивного желания. Подобная агрессивность есть лишь синоним деятельности, физиологической активности и является первоначальной стадией до-интеграции, где цель не осознается. Этот период занимает лишь первые часы, дни, возможно, несколько недель, которые предшествуют началу организации личности, Я новорожденного. Это время крайне важное, базовое, ибо непризнание, неподдержание врожденной агрессии как будущей активной составляющей любви может повлечь трудности в социальной адаптации и успешности. Следующая ступень развития Эго и присвоения агрессивности, по Винникотту, сопряжена с интеграцией, опознаванием цели, появлением чувства вины (Винникотт, 2019). Третья ступень является завершающей. Преобразованная агрессивность участвует в межличностных отношениях, в ситуациях треугольника, образовании конфликтов. Винникотт относит агрессивность к неотъемлемой составляющей в деле интеграции личности (Винникотт, 2019).

Обратимся снова к понятию каннибализма. Психический каннибализм может быть представлен как попытка найти и овладеть объектом, удовлетворяющим частную потребность (нужду) субъекта в разрядке возбуждения – по типу утоления голода. Механизм инкорпорации – захват и проглатывание – идет рука об руку с первичной идентификацией – быть тем, что я проглотил, а также интроекцией, помещением вовнутрь. Из психоаналитической теории Фрейда известно, что психический аппарат функционирует благодаря преобразованию энергии «неудержимой силы инстинкта» в сексуальную энергию и, на уровне психического, вложению

либидинального влечения в репрезентацию удовольствия, из которого строится Я субъекта, устанавливается «власть... в рамках человеческой сексуальности... то, что меняет объекты, выбор, цели, позиции... Стать хозяином и властелином природы и в первую очередь обладателем женщины!» (Андре, 2022, с. 19).

В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд (1905) пишет: «Знакомство с историей человеческой культуры не оставляет места сомнениям – действительно, половое влечение теснейшим образом связано с жестокостью. Однако поиски объяснения не продвигаются дальше настойчивых констатаций: агрессивность – одна из сторон либидо. Некоторые авторы считают элемент агрессивности в половом влечении пережитком эмоций, свойственных каннибализму, то есть констатируют, что в осуществлении полового влечения участвует аппарат овладения объектом, поначалу служивший для удовлетворения весьма важной онтогенетически более древней потребности человека – в пище. В работах других исследователей утверждается, что всякая боль несет в себе возможность неких приятных ощущений» (Фрейд, 2017, с. 65). В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд мало говорит о роли матери, больше об отце. Образ отца является базовым для идентификации у Фрейда.

Вообразим мать, которая ждет, желает спящего младенца, когда он проснется, чтобы кормить его, чтобы разделить с ним что-то принадлежащее ей – молоко, грудь, она грезит о том, что будет поглощена, высосана. Наслаждение матери ребенком, опустошающим ее грудь, симметрично наслаждению младенца, захватывающего сосок груди, глотающего молоко матери. Мать и младенец проживают взаимное наслаждение, но несколько отлично. Вернемся к фантазии «тотемической трапезы»: вождь поедает с другими членами племени убитое тотемное животное, принадлежащее божееству – сырое мясо, кости, кровь, – в этой сцене есть равенство: божеество – тотемное животное – вождь. Это сближает человека и божеество, человек обретает те же качества, что и божеество, поедая одну и ту же с ним жертвенную пищу.

Здесь недалеко и до обнаружения образа отца, который на время грудного вскармливания делится со своим ребенком (ребенком племени – семьи) грудью принадлежащей ему женщины. Одна женщина-наложница для всего племени. Ребенок получает не только молоко, но и нечто, что сопровождает процесс прикосновения и сосания груди, что-то, что делал мужчина-отец, доставляя наслаждение матери ночью. Незримо отец присутствует в ритуале кормления, в грезах матери по касанию к ней ее мужчины. Это нечто является другого порядка наслаждением, символическим наслаждением, основанным на взрослой сексуальности пары мужчины и женщины – образы, перетекающие в психическое ребенка на оральной фазе психосексуального развития.

Основная задача орального периода развития – «установить базовую идентичность субъекта». В помощь реализации этой задачи развития личности вступает идентификация – это установление аффективной деятельности, первичного общения-контакта с матерью. Это краткий период, когда идентификация не защита, а скорее помощник. Идентификация

известна нам как защитный психический процесс Я, с помощью которого обособляется личность, идет присвоение качеств, черт, свойств желанного объекта, происходит строительство по образу другого. Идентификация, наряду с инкорпорацией, в случае утраты объекта участвует в оральном поглощении объекта, при организации меланхолии, описанной в работе Фрейда «Горе и меланхолия». Субъект заглатывает объект и идентифицируется с утраченным объектом. Спасает свое Я, предлагая себя в качестве объекта любви. Усиление амбивалентных чувств обнаруживается в самоупреках, которые адресованы утраченному объекту (Фрейд, 2007).

Бержере (2008) выделяет: первичную идентификацию, вторичную идентификацию, идентификацию своих объектов с объектами группы. Первичную идентификацию он связывает с оральной инкорпорацией, прегенитальным действием, где объект проглатывается без предварительного разделения на нежность и враждебность, на себя и не-себя, основной задачей выступает установление базовой идентичности субъекта. Вторичная идентификация ознаменована наступлением эдиповой фазы. Цель – «утверждение сексуальной идентичности субъекта со всеми возможными психопатологическими трансформациями» (Патопсихология. Психоаналитический подход, 2008, с. 134). Происходит последовательный отказ ребенка от инкорпорации любимого родителя, от фантазии сексуального отношения с ним. Ребенок находит утешение, овладев качествами, которые этот объект представлял для него. «Вторичные идентификации, связанные с родителем того же пола, обычно направлены на дополнение и генитальную организацию первичных идентификаций и прокладывают путь последующим отношениям настоящего объектного и генитального типа» (Патопсихология. Психоаналитический подход, 2008, с. 135). Третий тип идентификации описан Фрейдом в работе «Психология масс и анализ Я», идентификация происходит через заражение и имитацию, «вне всякой прямой либидинальной связи». «Истерическая» идентификация, четвертая, касается только одного общего аспекта для субъекта и объекта.

Центральным вопросом орально-садистического периода развития индивидуума остается открытие и присвоение либидинальных качеств объекта, наряду с собственными агрессивными влечениями. Разворачивается интрапсихическая борьба, в которой рождается собственное Я субъекта, полное страстей и желаний, конфликтов возможностей и ограничений, идентичности и разности.

Открытие субъектом дуальности влечений к одному объекту отсылает нас к связи между каннибалистическим фантазмом и инцестом с матерью. Мать, которая принадлежит другому. Каннибалистический фантазм в своем развитии восходит к эдиповой проблематике и актуализирует фантазмы первосцены, где завладение вождленным объектом ограничивается присутствием третьего – отца. Ребенок обречен совершить убийство отца (психического), дабы покаяться и в этом покаянии обрести способность выдерживать чувство вины, обрести совесть, отказаться от сексуальных притязаний на желанную фигуру родителя, интегрировать запрет на инцест и закон отца в инстанции Сверх-Я. Справиться

с переработкой абивалентности влечений, признать свое место и хранить бережно в бессознательном фантазмы инфантильной сексуальности до времен наступления пубертата.

Древнему человеку предстояло познать себя и договориться с собственной агрессией и страстью, любовью и ненавистью, совершить убийство и покаяться, принять судьбу вечности душевной муки между стремлением владеть (разрушать) и чувством виновности. Прошли тысячелетия. Со свойственной бережливостью наше психическое бессознательное хранит прообразы былых сцен первобытной орды, чтобы опереться на них, когда нам потребуется пережить горе или влюбленность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андре Ж.* 100 слов психоанализа. М.: Когито-Центр, 2022.
2. *Винникотт Д. В.* От педиатрии к психоанализу // Агрессивность и ее связь с эмоциональным развитием. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019.
3. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу // Первофантазии, первофантазмы. М., СПб.: Институт общегуманитарных исследований, 2010.
4. Патопсихология. Психоаналитический подход / Под ред. Ж. Бержере // Ж.-Ж. Буланже. Метапсихологический аспект. М.: Аспект Пресс, 2008.
5. *Фрейд З.* Вопросы общества и происхождение религии // З. Фрейд. Тотем и табу (Некоторые соответствия в душевной жизни дикарей и невротиков) (1912–1913). М.: Фирма СТД, 2008.
6. *Фрейд З.* Навязчивые состояния. Человек-Крыса. Человек-Волк // А. Куликов. Когда утрачиваются различия между мыслью и действием. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2007.
7. *Фрейд З.* Психика: структура и функционирование // З. Фрейд. Печаль и меланхолия (1917 [1915]). М.: Академический проект, 2007.
8. *Фрейд З.* Психика: структура и функционирование // З. Фрейд. Положение о двух принципах психического события (1911). М.: Академический проект, 2007.
9. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2017.
10. Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина // Ж. Лапланш, Д.-Б. Понталис. Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма. СПб.: Питер Принт, 2005.

Cannibalistic Fantasy and Identification Issues

O. A. Kalcheva

Kalcheva Olga A., psychologist, psychology teacher, methodologist at the ANO DPO "Institute of Psychology and Psychoanalysis on Clean Ponds", additional education in the field of psychoanalysis, associate member of the Moscow Psychoanalytic Association (MPA).

The unconscious, in the psychoanalytic sense, contains inherited archaic traces of the primitive mental organization of primitive people. The primal fantasy of the cannibalistic meal, described by Freud, is such a structuring mental element that exists before the origin of the subject's structure, and has a symbolic meaning in the development of thinking. Cannibalistic fantasy is closely connected with the primal fantasy of the primal scene, with questions of the origin of life, the possession of an object, identification tasks and an unconscious sense of guilt. Speaking about the role of cannibalistic primal fantasy, we can think about the origins of the ambivalence of drives, about the unconscious psychic act of absorption and destruction, as well as about the preservation and appropriation of the qualities of an oral object. The mastery of aggressive drives, along with the love of the object, and the subsequent rejection of the incestuous object of love, is the psychic fate of the individual.

Keywords: *pervofantazm, cannibalistic fantasy, murder of the primitive father, repentance, ambivalent phase of the development of drives, aggressive drives, identification, incorporation, integration of aggressive impulses, love, hate, unconscious guilt, obsessive neurosis, Super Ego.*

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Новые вызовы и возможности практики психоаналитической работы в условиях новой реальности коронавирусной пандемии

*И. В. Шибаета,
А. С. Лейкина*

Шибаета Ирина Владимировна – тренинговый аналитик, супервизор МО ЕКПП, руководитель центра «Потенциал» (Екатеринбург).

Лейкина Ася Семеновна – доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования, кандидат филологических наук, ассоциированный член МПА.

В последние годы мы встретились с вызовами, с которыми, пожалуй, не встречались в течение долгого времени. Пандемия коронавирусной инфекции изменила образ жизни, привычки, темп жизни, актуализировала те темы, которые ранее не казались столь значимыми. Эти изменения затронули и те сферы, которые казались незыблемыми. Это относится и к психоанализу, психоаналитической терапии. Психоаналитические сообщества впервые за долгое время начали перестраивать формат и техники. Так, Международная психоаналитическая ассоциация впервые допустила проведение онлайн-психоанализа при определенных условиях. Кроме того, период неопределенности и затяжного кризиса актуализировал и осветил новые темы, которые раньше были малодоступны для проработки. А тема кризиса и потерь стала главенствующей не только в психоаналитической терапии, но и на консультации коучей. В статье подробно рассмотрен вопрос о том, как пандемия повлияла на изменения формата работы психологов, психоаналитиков, психоаналитических коучей; как поменялся формат сессии и с чем пришлось столкнуться коучам и психоаналитикам в своей работе.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, психоанализ, кризис, изменения, психоаналитический коучинг, онлайн, контрперенос, кадр, психоаналитическая техника.

Психоаналитическая терапия, психоанализ характеризуются четкими жесткими рамками, ограничениями и правилами – это называется «кадр», «сеттинг» или «рамка». В психоанализе важным, если не основополагающим терапевтическим фактором является соблюдение правил: времени встреч, места встреч, оплаты. Большое внимание уделяется требованиям, выдвигаемым к психоаналитику, его поведению и формату его работы. Так, большое внимание уделяется нейтральности терапевта и его непрозрачности. Клиент ничего не должен знать о реальной жизни терапевта, его предпочтениях, привычках, подробностях его личной жизни. Это важно для успешной терапии и для развития переноса клиента. Известно, что психоаналитик должен быть нейтральным и совершенно непрозрачным для клиента. В кабинете разыгрываются сценарии, которые необходимо прорабатывать в рамках терапии, и потому большое значение в психоанализе придается именно этим рамкам. В разных школах эти правила называются по-разному, но их соблюдение является основой успешной терапии.

Именно личное посещение психоаналитика, формат «лежа на кушетке» в классическом психоанализе во многом обеспечивают успешное прохождение терапии. В психоаналитическом консультировании, коучинге, таких жестких рамок нет, но тем не менее специалист, который работает в психоаналитической или психодинамической технике, также должен следовать достаточно жестким правилам. Важно, чтобы клиент мог прийти в безопасное пространство и сказать все, что приходит ему в голову. Формат консультирования и коучинга отличается меньшей частотой встреч, ограниченностью во времени, отсутствием возможности глубокой проработки. А потому считается, что требования к кадру могут быть мягче. Такой формат во многих случаях не исключает дистанционного участия. В случае же психоанализа необходимо личное присутствие и с положением на кушетке, без возможности видеть своего аналитика. Так было до периода пандемии.

Пандемия внесла свои изменения, связанные со следующим моментом: переход в дистанционный онлайн-формат; невозможность посещения аналитика лично; вторжение реальности в терапевтическое пространство (психоаналитики болеют, попадают в больницу, умирают). А темы потери и кризисов все чаще звучат в кабинете аналитика. Большинство экспертов сходятся во мнении, что произошли два очень существенных момента за время пандемии. Во-первых, аналитикам впервые пришлось столкнуться с необходимостью решать вопрос: останавливать терапию на время пандемии или переходить в формат телеанализа. Во-вторых, пришлось столкнуться с увеличением прозрачности терапевта и вторжением реальности в терапевтическое пространство. Однако школы и направления в психоанализе столь разнообразны, что для многих из них переход в онлайн-режим не стал каким-либо выдающимся или знаковым моментом. Это допускалось и до пандемии.

Многие терапевты, консультанты и коучи работали дистанционно со всеми клиентами. И потому для таких специалистов значимых изменений в период пандемии не произошло. С другой стороны, более ортодоксальные

направления и школы, такие как школа французского психоанализа, британская школа, предъявляют особенно жесткие требования к правилам, кадру. Но в новой ситуации даже самые консервативные и ортодоксальные школы вынуждены были подстраиваться под текущие условия и находить выходы из сложившейся ситуации. Данное явление было беспрецедентно, потому что ранее необходимости резко менять формат сессии не было. Международная психоаналитическая ассоциация, Британское общество и Французское общество вынуждены были дать согласие на изменение формата терапии и допущение онлайн-терапии. Это стало большим шагом в мире психоанализа. Более того, были выпущены рекомендации для аналитиков, работающих онлайн, в которых четко прописывались все требования к помещению, где проводится сессия, внешнему виду аналитика, а также технические нужды и тонкости, которые необходимо соблюдать.

Специалисты отмечают, что проведение терапии онлайн вынужденно меняет формат терапии. Так, аналитик становится участником и свидетелем реальной жизни клиента, а клиент – аналитика. Это значит, что такое понятие, как «непрозрачность аналитика», было пересмотрено в сторону больших допущений. А потери вынужденно заставили терапевтическую пару на время отойти от классических форматов работы. В меньшей степени это сказалась на форматах, где не предусмотрены жесткие рамки: консультирование, психоаналитический коучинг.

Существует немало исследований, в которых проводится анализ того, как пандемия и переход в дистанционный формат повлияли на технику психоанализа, в чем произошли изменения и как эти изменения повлияли на клиентов. В основном авторы указывают на следующие последствия при переходе в онлайн-формат: повышение уровня тревожности у клиентов, усиление параноидных фантазий (о подслушивании третьими лицами, несанкционированной записи сессии на компьютер аналитиком), усиление сопротивления. Особое внимание было уделено аналитикам и тому, как они чувствуют себя в онлайн-пространстве, аспектам контрпереноса.

Вторая часть исследования и публикации была посвящена тому, как изменилась содержательная часть анализа, которая сейчас происходит в терапии. Многие авторы отмечают, что воздействие травматичной и непредсказуемой реальности вынуждало специалистов на время отказываться от нейтральности, особенно в период потерь, горя и острых кризисов. Как известно, психоанализ большое внимание уделяет переработке прошлого опыта, но не экстренной адаптации к требованиям реальности. Скорее для этих целей подходил формат консультирования, коучинга. Пандемия же вынужденно переводила формат психоанализа в кризисный, требующий переработки текущего опыта и адаптации к новой реальности. В целом все авторы сходятся во мнении, что приходится менять технику и привносить элементы кризисной терапии. Кроме того, зарубежные авторы говорят о том, что обозначился «новый третий», который появился в рамках терапии. Теперь в кабинете присутствуют аналитик, клиент и смертельно опасный вирус. Кто-то в качестве аналитического третьего выделяет онлайн-формат терапии. Неизвестный третий, который появляется в виде

COVID-19, может поднимать ранние фантазии об ужасе неизвестности и беспомощности. Это может усиливать регресс пациентов и вызывать тяжелые переживания. Также отмечается, что в анализ стала привноситься тема не только индивидуального, но и социального. Особенно активно об этом говорит в своих исследованиях и статьях Вамик Д. Волкан. Когда приходится учитывать групповой или социальный эффект происходящих перемен и изменений, то как это влияет на аналитический процесс, аналитика, клиента и мысли, которые он приносит на сессию? В свою очередь Вамик Д. Волкан говорит о том, что COVID-19 поднял темы психологии больших групп и наций, бессознательных фантазий и того, как они могут влиять на восприятие текущего опыта. Вамик Д. Волкан отмечает недооценку психоаналитиками тем психологии больших групп и группового опыта.

Другой исследователь, Илона Коган, в своем обзоре говорит, что некоторые группы пациентов, семьи которых пережили опыт холокоста в Израиле, во время пандемии нуждаются в изменениях техники психоаналитической терапии. Акцент должен делаться на происходящем в кабинете, контрпереносе и переживаниях клиентом опасности в текущей ситуации. Она подчеркивает, что таким пациентам важно помогать видеть разницу между текущей и травматической ситуацией, которую пережили семьи в прошлом. Также в техническом плане Илона Коган отмечает, что в период кризиса в терапии она не прорабатывает защиты в том случае, если эти защиты помогают пациентам адаптироваться и лучше сохранять контроль. В этот период очень важно с уважением относиться к психической устойчивости пациентов и поддерживать их до тех пор, пока они сами не откажутся от защит. Она заключает, что период пандемии принес явные изменения как в техническом плане, так и в смысловой нагрузке.

С другой стороны, специалисты, которые занимаются в основном психодинамической краткосрочной психотерапией и коучингом, легче адаптировались к новому формату. Столкновение с кризисом, сложности в проживании перемен, адаптации – стали ведущими мотивами клиентов для обращения к специалисту.

Однако время кризиса, с точки зрения Манфреда Кетс де Вриса, реальность пандемии дает возможность развивать новые качества, встречаться с иными условиями реальности: постоянной неопределенности и необходимости быстрой адаптации. Манфред Кетс де Врис видит в этом возможность для открытия новых ресурсов личностей и выработки нового формата лидера.

Интересно то, какой консолидации достигли психоаналитические сообщества как реакции на пандемию 2020 года. Авторы отмечают, что большинство психоаналитических ассоциаций и организаций активно начали взаимодействовать между собой и обмениваться информацией. С одной стороны, возникла мощная консолидация, а также потребность и необходимость в поддержке своих членов, обучении и снабжении новой информацией, с другой – совместное исследование текущей ситуации и обстановки. Число конференций и круглых столов в онлайн-формате

значительно увеличилось в период 2020–2022 годов. Важно отметить, что в этот период многие организации создают проекты с бесплатной кризисной поддержкой для всех желающих. А также возможность получить бесплатные супервизии для специалистов, которые нуждаются в дополнительной помощи при работе с пациентами, оказавшимися в сложной жизненной ситуации.

В техническом плане аналитическим сообществам пришлось становиться гибче и допустить переход в онлайн-пространство. В смысловом плане основные акценты были расставлены на происходящем в кабинете, привнесении реальности в терапию. Стало учитываться влияние групповых эффектов на состояние клиента, а также травматического прошлого пациента и его семьи на текущее восприятие реальности.

Что касается российского опыта, то исследования и публикации на тему пандемии и ее влияния на психоаналитическую практику практически отсутствуют. И с этой целью нами на базе психологического центра «Потенциал» в Екатеринбурге в 2020 году было проведено исследование о влиянии смены форматов терапии на клиентов, проходящих психоаналитическую терапию и консультирование. В исследовании участвовали клиенты, посещавшие специалистов центра и давшие свое согласие на участие в исследовании. Все специалисты центра (пять человек) специализируются на работе с клиентами в психоаналитической технике.

Цель исследования – изучить влияние перехода в онлайн-формат на психоаналитическую терапию.

Задачи

1. Описать, как переход в онлайн-формат повлиял на течение терапии: разрыв, изменение частоты сессий;
2. Исследовать реакции клиентов на переход в режим онлайн;
3. Исследовать контрперенос специалистов при переходе в онлайн-режим.

Материалы и методы

Исследование было разделено на три этапа. На первом этапе изучались данные специалистов о клиентах, проходивших терапию в период с марта 2020 по декабрь 2020 года и давшие согласие на обработку данных. На данном этапе ведущим методом исследования был опрос через анкетирование.

На втором этапе клиентам было предложено заполнение анкеты из пяти пунктов. Задачей анкетирования было описание реакции клиентов на переход терапии в режим онлайн, значений и ассоциаций, связанных с онлайн-форматом.

На третьем этапе было проведено собеседование с каждым сотрудником центра с целью определить и описать эмоциональные реакции специалистов, их отношение к онлайн-терапии и переходу к ней.

На первом и втором этапе с клиентов бралось информированное согласие.

Результаты и обсуждение

Всего на первом этапе в исследование было включено пять специалистов центра «Потенциал», практикующих в технике психоаналитической/психодинамической терапии, с опытом работы от 3 до 20 лет. На основании анкетирования были получены данные о 59 клиентах, проходивших терапию или закончивших ее в период с марта 2020 по декабрь 2020 года.

Продолжительность терапии клиентов на момент начала исследования составляла от 3 месяцев до 11 лет.

На момент исследования терапию прервали 8 человек из 59. Прервали на момент перехода в онлайн-режим (три месяца) и после вернулись четыре человека, продолжили терапию в формате онлайн 47 человек.

Таким образом, большинство клиентов перешли на работу в онлайн-формате.

Терапию закончили в основном клиенты, которые только начали психоаналитическую терапию или консультирование на момент перехода в онлайн и на момент карантина посещали терапию от 3 до 6 месяцев. Кроме того, прервали терапию те клиенты, кто на момент перехода в онлайн уже имел сопротивление, разрушающее терапию.

После окончания карантина вернулись в личный формат 44 человека из 47. Трое остались в онлайн-формате, обосновывая это тем, что так удобнее, безопаснее и спокойнее.

42 из 47 клиентов сохранили одинаковую частоту встреч при переходе в онлайн. Все, кто «лежал на кушетке», за исключением одного клиента, перешли в формат «сидя».

Мотивом для смены послужили «неудобство», ограниченность пространства.

Таким образом, в терапии остались 47 человек, и четверо возобновили терапию после окончания карантина. Причиной прерывания терапии на момент карантина названы следующие причины: отсутствие возможности для сохранения конфиденциальности, страх перед онлайн.

Таким образом, на первом этапе исследования было установлено, что большинство клиентов продолжили терапию и перешли в формат онлайн. Причинами, которые были обозначены клиентами при прерывании терапии, стали: страх за финансовую несостоятельность, страх быть подслушанным, потеря мотивации и переезд.

На втором этапе исследования было включено 17 клиентов, те, кто согласился заполнить анкету и ответить на шесть вопросов.

На первый вопрос о том, поменял ли переход в онлайн-формат что-то в терапии, «да» ответили 14 человек, «нет» – три человека.

То есть практически все клиенты отметили субъективные изменения в восприятии терапии при переходе в режим онлайн.

На второй вопрос о том, что именно поменялось, были даны ответы с такими ключевыми словами: «более поверхностно», «легче выражать эмоции», «контроль», «можно видеть лицо аналитика», «усиление негативных чувств», «повышение тревоги», «отсутствие особого пространства». Одновременно с этим клиенты отмечали, что появилось больше свободы.

Таким образом, для клиентов смена формата терапии была оценена неоднозначно. Были отмечены как плюсы, так и минусы перехода в онлайн. К явным плюсам клиенты отнесли свободу, возможность сохранить терапию. А также частью клиентов было отмечено, что в режиме онлайн легче выражать свои чувства.

Третий вопрос касался ассоциации клиентов относительно онлайн: «Что для вас онлайн и какие у вас ассоциации с ним?»

Ответы были: «свобода», «сохранение связи», «вынужденная необходимость», «новые возможности», «удобство», «суррогат», «что-то искусственное», а также «повышение самооценки».

На четвертый вопрос «Какие чувства у вас вызывает переход на онлайн?» 10 человек назвали тревогу, пять человек – радость, два человека – интерес.

Таким образом, у большинства клиентов переход в онлайн вызвал тревогу, что может объясняться фактом перемен, происходящих в терапии.

Пятый вопрос: «Является ли, на ваш взгляд, онлайн-формат равноценной заменой терапии с личным присутствием в кабинете?»

11 человек ответили нет, и шесть человек – да.

Таким образом, можно сделать вывод, что, хоть онлайн и допустимый формат терапии и порой совершенно незаменим, все же личное присутствие в кабинете является наиболее предпочтительным и оптимальным.

По результатам данной части исследования можно сказать, что переход в онлайн-режим вызывал противоречивые чувства. У части клиентов сопровождался тревогой, что можно объяснить достаточно внезапными переменами, которые вторглись в пространство терапии, и потерей личного контакта с терапевтом. Особенно это касалось клиентов, кто проходил психоанализ, лежа на кушетке, и кто с переходом в онлайн, не имея возможности лежать, вынужден был сесть лицом к лицу. Другими клиентами было отмечено, что переход в онлайн помог лучше выражать свои чувства. Это явление было объяснено тем, что онлайн часто воспринимался как увеличение дистанции между консультантом и клиентом, что уменьшало аффекты в терапии. Онлайн как будто обеспечил возникновение некоторой прослойки в терапевтической паре, которая помогает снижать градус аффекта, особенно у клиентов, функционирующих на пограничном уровне. Но, с другой стороны, онлайн увеличивал тревогу у клиентов с тревожным типом привязанности. В ряде случаев отмечалось появление параноидных фантазий у клиентов. Онлайн-терапия большинством клиентов рассматривалась как альтернатива личному присутствию в случае отсутствия объективных возможностей приходить лично.

Также важно отметить, что переживания при переходе в другой формат были интенсивнее у клиентов, проходящих длительную терапию, нежели у тех, кто проходил консультирование или коучинг. В этих случаях онлайн-формат часто воспринимался как более удобный.

На заключительном этапе исследования были исследованы контрпереносные реакции специалистов центра «Потенциал».

В результате опроса пятерых психоаналитиков и психологов было установлено, что переход в онлайн-режим сопровождался субъективно:

повышенной утомляемостью, появлением тревоги и напряжения, ощущением незащищенности, вторжением в личное пространство и раздражением. Часть специалистов отмечали появление соматических симптомов: боль в спине, шее, головная боль. Боль в спине и головную боль напряжения связывают с длительным нахождением в неудобном положении перед компьютером. Кроме того, не исключали и факт соматизации тревоги и эмоционального напряжения.

В целом можно сказать, что переход в онлайн скорее доставляет неудобство и дискомфорт для специалистов, расценивается как увеличение нагрузки и необходимость большей переработки сопротивления. Исключение составляют те специалисты, кто активно работал онлайн и до пандемии. Для этих специалистов пандемия не была ознаменована такими глобальными переменами.

Таким образом, по данному этапу исследования можно сделать следующие выводы.

1. Переход в онлайн-режим может усиливать негативный перенос. Клиенты с несформировавшимся рабочим альянсом склонны к разрыву терапии.

2. Некоторые клиенты отмечают уменьшение тревоги и оживление терапии, тогда как склонные к параноидным реакциям, наоборот, отмечают повышение тревоги и отказываются от дистанционного формата.

3. Контрперенос характеризуется повышением раздражительности, напряжения и ощущением незащищенности.

4. Телеанализ возможен при отсутствии альтернатив; предпочтительнее переход в онлайн, чем перерыв в терапии.

5. Важно исследовать появление «аналитического третьего».

6. Для некоторых пациентов телеанализ более предпочтительный, чем личный.

7. В период карантина в ограниченном пространстве аналитик становился более прозрачным, выходя на сессию в домашней обстановке.

8. Дистанционные форматы предоставляют больше возможностей и увеличивают доступность психоанализа, психоаналитической терапии.

9. Переход в онлайн-режим оказывает тем большее воздействие, чем более жесткие рамки установлены изначально.

Влияние пандемии нами было изучено с нескольких сторон, в различных аспектах. Поскольку на настоящий момент период пандемии продолжается, наблюдение и описание динамики клиентов постоянно дополняется. Важно отметить, что с началом спецоперации пандемия отошла на второй план. И на первый план к хроническому стрессу и длительному периоду неопределенности добавились еще новые факторы: острый стресс, изоляция, новые потери и крах надежд. Данные изменения происходят в текущий момент, и можно отметить, что уровень и степень травматизации растут и множатся. Наблюдается уникальная ситуация, когда острый стресс накладывается на длительно текущий хронический. В этой ситуации к психическому аппарату предъявляются высокие требования, а нагрузка предельно высока. У многих клиентов отмечались

соматизация, психотический регресс, особенно в первый месяц спецоперации. Ведущие темы, которые становятся актуальными: тема потери, беспомощность, безнадежность, «ужас без конца», тема войны и ужасов войны, ненависти к тем, кто принимает решение (родительские фигуры). А мощные групповые эффекты усиливают эмоциональную нестабильность каждого члена большой группы. В начале спецоперации в обществе, большой группе, отмечались снижение уровня функционирования с выраженным расщеплением, идеализацией и обесцениванием, и преобладание аффектов ярости, ужаса, ненависти. У собственников бизнеса в ситуации неопределенности, потерь, краха отмечается активация примитивных защит, а также в первые недели часто – гипомания, отрицание реальности, уход от нее в фантазии. Но требования реальности, необходимость решать срочные, текущие проблемы стимулировали возвращение наблюдающей части Эго. Часть нашли ресурсы в помощи и организации поддержки для команды, другие – в организации нового проекта в момент передела рынка, третьи – переключились на возвращение контроля над реальностью через наведение порядка в офисе, ремонт, уборку территории. И эти данные подтверждают мнение Манфреда о том, что кризис – это всегда не только вызов, но и новые возможности для лидера. В период кризиса актуализируются те стороны личности и черты характера, которые до этого были не востребованы. А необходимость быстрой адаптации к реальности заставляет активировать зрелую, наблюдающую часть, а личность вынуждена адаптироваться к новым условиям, что помогает функционировать на невротическом уровне. И эта известное явление – любой кризис либо открывает новые возможности для личности, либо разрушает ее.

В целом можно сказать, что период кризиса – это всегда вызов и испытание для психического аппарата. Это открытие новых смыслов, проработка тех травм и тем, которые не были актуализированы или не были проработаны. Чаще всего поднимается тема потерь, брошенности, преследования. Сложность ситуации заключается в том, что внешняя ситуация запускает активацию внутренних процессов и непереработанных травм, что может нарушать восприятие реальности, заполняя аффектами наблюдающее Эго. А это может еще больше усугублять воздействие внешней реальности. И так, входя в резонанс с внутренними процессами, нагнетать все больший аффект. Такая ситуация может усиливать регресс вплоть до катастрофической соматизации. Это опасное развитие событий нуждается в профилактике. И на приеме у консультанта нуждается в проработке, контейнировании и активации наблюдающего Эго. В чем, в общем, и состоит задача терапевта, психоаналитического коуча.

Как кризис активирует и поднимает вытесненный травматический опыт, можно видеть в следующем примере.

На консультацию обратился мужчина, 32 лет, с запросом на сложность в принятии решения, несвойственную ему ранее нерешительность, страхи. Кроме того, его беспокоили проблемы со сном в виде длительного периода засыпания, частые боли в спине. Клиент является собственником бизнеса, женат, имеет дочь шести лет. Выяснилось,

что сложности возникли в последний год, ни с чем не может связать. Речь бедная, плохо понимает и называет свои чувства. На консультацию обратился после того, как заметил, что к провинившейся сотруднице, плохо выполняющей свои обязанности, вследствие чего компания несла немалые убытки, испытывает сочувствие и жалость, желание помочь. «Не смог ее уволить, хотя она проморгала налог, теперь мы должны миллионы. А я не могу ее убрать, превратился в слабака». Ранее за собой такого не замечал. Полгода назад вынужден был закрыть один из своих магазинов ввиду низкой рентабельности и необходимости перестраивать бизнес. Кажется, событие перенес без каких-либо переживаний. «Привык творить и жить в состоянии хаоса и поиска новых идей. Что-то начинается, что-то заканчивается». О периоде пандемии говорит как о хорошем времени, к которому нужно адаптироваться. На первой сессии клиент сказал, что у него часто меняется настроение и от этого могут страдать его близкие, дочь. А ради нее он все готов сделать, поскольку хочет, чтобы у нее «было все. Не то, что у меня – голое и нищее детство с отцом-алкоголиком». Клиент вскользь упомянул, что его мать трагически погибла, когда ему было шесть лет. После гибели матери отец начал пить, не следил и не ухаживал за сыном. Клиента воспитывала бабушка. Жили бедно, и клиент начал работать с 13 лет, а первый бизнес начал в 17 лет. Не закончил высшее образование – «у меня было много дел, всегда было достаточно денег. Я еще с детства начал перепродавать, как-то крутиться. Никогда ничего не боялся, только в последние месяцы стал проявлять какую-то слабость». Для решения своего запроса готов был работать и сотрудничать. По отношению к специалисту занял снисходительную, поддерживающую позицию.

Была выдвинута гипотеза, что клиент имеет выраженное бессознательное чувство вины, связанное с потерей матери в детском возрасте, выпадающей еще и на эдипальный период, что обострилось и усугубилось на фоне синдрома годовщины (дочери шесть лет), необходимостью быстрых перемен и потерь в период пандемии. Клиент был склонен отрицать влияние на него пандемии. Однако накануне обращения к специалисту жена и дочь переболели коронавирусной инфекцией, что увеличило его тревогу и чувство вины. Клиент не мог принять решения уволить своих сотрудников, поскольку в каждой женщине видел слабую мать, на грани жизни, которую нужно оберегать. Так, травма потери была актуализирована несколькими факторами: шестилетием дочери, потерями в бизнесе, необходимостью постоянных перемен и кризиса. Но текущей задачей являлось преодоление текущей ситуации, связанной с необходимостью серьезных кадровых решений и невозможностью их совершить. Путем исследования текущей ситуации, проработки чувств в текущем моменте клиент пришел к пониманию, что переполнен ответственностью перед своими сотрудниками и жалостью к ним и запретом на выражение агрессии. Им было принято решение о выплате отступных. А разрешение себе принимать жесткие решения относительно людей, которые вредили его бизнесу, а значит, его семье, помогло ему совершить кадровые изменения. Было принято решение об окончании консультирования.

Однако с началом спецоперации и возникновением резкого кризиса у клиента отмечалось ухудшение состояния.

Кажется, события никак не интересовали его. Однако, когда наступили перебои с поставками и курс рубля снизился, клиент начал демонстрировать признаки выраженной тревоги: перестал спать, забывал есть, отмечались гипермоторные реакции (не мог сидеть на месте, постоянно включал и выключал приложения на телефоне), скачки мыслей. При этом тревоги не чувствовал, говорил о гневе и ненависти ко всем, кто причастен к этой ситуации. Концентрация на конкретной ситуации (ремонт в офисе, наведение порядка дома) на время успокаивала его. Однако новые события, неопределенность с поставками, резкое падение спроса заставляли его принимать хаотические решения, что приводило к еще большим потерям. В какой-то период он не спал несколько дней, пытался купить новый бизнес, имея большие убытки и не имея возможности его оплатить. Эти хаотичные действия приносили еще больше убытков, а страх бедности дочери лишь усугублял и усиливал его страх.

На тот момент мною было предложено сделать акцент на решении текущих проблем бизнеса (сведение бюджета, сокращение штата, проведение ревизии). Клиент смог осознать свое состояние после посещения врача и обнаружения у него ряда патологических состояний (повышение давления, гиперхолестеринемия). Реальность отрицать было сложно. Им был разработан план по поддержанию себя и бизнеса. Кроме того, были найдены в реальности те поддерживающие действия, которые помогли ему справляться с тревогой (спорт и ремонт офиса, езда на машине), клиент научился идентифицировать и отслеживать у себя тревогу.

В приведенном примере прослеживается связь его текущего состояния и уязвимости перед прошлым опытом, травмой потери семьи в детском возрасте, травма привязанности по дезорганизованному типу привязанности, что проявлялось некоторой хаотичностью в отношениях с близкими и партнерами, что сбивало с толку всю команду и дезориентировало. С бизнесом клиент выстраивал хаотичные, напряженные отношения, ему было сложно планировать, мог внезапно менять запланированные ранее действия. Это, безусловно, влияло на всю команду, не позволяя строить долгосрочные планы. Клиент рационализировал свою импульсивность творчеством и внезапным обнаружением новых смыслов. И, конечно, в предложенном формате терапия привязанности не представляется возможной, несмотря на явные показания. Более того, в данном случае оптимальным вариантом для клиента был формат именно психоаналитического коучинга, поскольку на первый план была выдвинута необходимость поиска быстрого решения и реагирования в бизнесе. Именно такой формат позволяет как быстро найти решение в сложной ситуации кризиса, так и оказывает помощь, выводя клиента во взрослую позицию.

Период пандемии представляет собой в первую очередь кризис, длительный и внезапный, требующий гибкости и способности к созданию новых смыслов. Пандемия сказалась на всех сферах жизни. И психоанализ, в частности психоаналитический коучинг, не мог остаться в стороне. По сути, период пандемии вынудил консервативное и ортодоксальное

психоаналитическое сообщество пойти на уступки современности, реальности и стать гибче, с допущением техник дистанционного анализа. В новых условиях аналитик вынужденно стал более реальным, а сама травматическая реальность все более явно стала вторгаться в аналитическое пространство, становясь «аналитическим третьим». С другой стороны, пандемия привнесла новые темы и смыслы. Без преувеличения можно сказать, что период пандемии – это период потери и горевания, но одновременно новых возможностей и путей развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Benvenuto S.* (2020). The virus and the unconscious. my diary. European Journal of Psychoanalysis, Special issue "Psychoanalysts Facing Coronavirus" (electronic journal). Retrieved May 2, 2020. from <https://www.journal-psychoanalysis.eu/the-virus-and-the-unconscious-my-diary>.
2. *Prince R.* (2021). Pandemic psychoanalysis. The American Journal of Psychoanalysis, volume 81, pages 467–479 (2021).
3. *Velykodna M.* (2021). Psychoanalysis during the COVID-19 pandemic: Several reflections on countertransference, Psychodynamic Practice, 27:1, 10–28.
4. *Velykodna M., Frankova I.* (2020). Psychological and psychotherapeutic assistance during the COVID-19 pandemic: current challenges [In Ukrainian]. In Scientific Bulletin of KSU. Psychosomatic Medicine and General Practice, 5(1). (electronic journal) doi:10.26766/PMGP.V5I1.213
5. *Velykodna M., Tsyhanenko H.* (2020). Which theories and conceptions do psychoanalysts and psychoanalytic psychotherapists consider helpful in their practice during the COVID-19 pandemic unfolding in Ukraine? Psychological journal 6(8), 88–100. doi: 10.31108/1.2020.6.8.7
6. *Volkan V.* (2019). Large-group identity, who we are now? Leader-follower relationships and societal-political divisions. American Journal of Psychoanalysis, 79, 139–155.
7. *Western S.* (2020). Covid-19: An intrusion of the Real The unconscious unleashes its Truth. Electronic Essay on Academia.edu. Date of access 05/02/2020. https://www.academia.edu/42201252/Covid19_An_intrusion_of_the_Real_The_unconscious_unleashes_its_Truth

New challenges and opportunities for the practice of psychoanalytic work in the new reality of the coronavirus pandemic

***I. V. Shibaeva,
A. S. Leikina***

Shibaeva Irina V., training analyst, supervisor of ECCP, head of the center "Potential" Yekaterinburg.

Leikina Asya S., Associate Professor of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting, Candidate of Philological Sciences, Associate member of the IPA.

In recent years, we have faced challenges that, perhaps, we have not faced for a long time. The coronavirus pandemic has changed the way of life, habits, pace of life, actualized those topics that previously did not seem so significant. These changes have also affected those areas that previously seemed unshakable. This also applies to psychoanalysis, psychoanalytic therapy. For the first time in a long time, psychoanalytic communities began to rebuild the format and techniques. For example, the International Psychoanalytic Association, for the first time allowed online psychoanalysis under certain conditions. In addition, the period of uncertainty and protracted crisis has actualized and highlighted new topics that were previously little available for study. And the theme of crisis and loss has become dominant not only in psychoanalytic therapy, but also in coaching consultations. In this article, I would like to consider in detail how the pandemic affected the changes in the format of the work of psychologists, psychoanalysts, psychoanalytic coaches; how the format of the session changed, and what coaches and psychoanalysts had to face in their work.

Keywords: *coronavirus, pandemic, psychoanalysis, crisis, changes, psychoanalytic coaching, online, countertransference, frame, psychoanalytic technique.*

Символизация в эпоху диджитал – меланхолия разбитых зеркал

П. А. Чеботкевич

Чеботкевич Полина Александровна – психоаналитически ориентированный психотерапевт, магистр психологии (НИУ ВШЭ).

Через теоретические психоаналитические концепции от Фрейда до наших дней показано значение, которое символизация имеет в психоанализе. Язык и речь являются наиболее эффективным способом формирования репрезентаций, развития мышления и идентичности субъекта. Речь обнажает аффекты и конфликты, создавая палитры смыслов, позволяющих человеку развиваться психически и символизировать, присваивать опыт, в том числе травматический. Возможность называть – это возможность справиться психически, а значит – развить мышление и селф. Диджитал-реальность, являясь тотально перцептивной средой, убивает репрезентацию, возможную лишь в отсутствие объекта. В цифровом мире все визуализировано, все персональное заменено на универсальное, слова – на знаки препинания и эмодзи, эмоции – на лайки и просмотры, юмор заменен мемами. Речь также становится аффективно уплощенной, избегающей конфликтов. Диджитал коммуникация директивна – она диктует правила получения одобрения и контакта, демонстративно игнорирующие все личное. При кажущемся многообразии форм и доступности общения люди переживают одиночество в сети, впадая в меланхолию. Невозможность прожить потерю объекта, поскольку он никогда не был найден, влечет нарциссическое отношение к объектам – все они являются лишь зеркалами. Такие объекты не инвестируются, являются частичными и заменяемыми, а следовательно, не происходит и развития через горе их утраты. На примере психоаналитической психотерапии пациентов поколения зумеров автор размышляет о том, каков обратный путь придания вербального, психического смысла переживаниям пациента, зашифрованным скупым языком диджитал-реальности.

Ключевые слова: символизация, репрезентация, диджитал, слово, нарциссический объект, речь, цифровой, десексуализация, отсутствие.

*«Темные улицы тянут меня к себе,
Я люблю этот город, как женщину "X".
На улицах люди, и каждый идет один,
Я закрываю дверь, я иду вниз.*

*Я знаю, что здесь пройдет моя жизнь,
Жизнь в стеклах витрин,
Я растворяюсь в стеклах витрин,
Жизнь в стеклах витрин».*

В. Р. Цой. «Жизнь в стеклах»

Символизация – работа по созданию репрезентаций, возможная лишь в отсутствие объекта. Уилфред Бион в своем докладе «Теория мышления» (*«A Theory of Thinking»*) утверждает, что мышление начинается там, где нет вещи, а, следовательно, есть Я, отдельно существующее от вещи, мыслящее о ней. Репрезентация, согласно словарю Лапланша и Понталиса, – психическое выражение эндосоматических возбуждений. Влечение, находясь на границе тела и психики, всегда происходит из перцептивного раздражения органов чувств, дальнейшая же его судьба зависит от того, может ли оно быть представлено психически, то есть репрезентировано. Репрезентация, то есть представление о чем-либо, возможна только в отсутствие самого перцептивного раздражения – то есть когда это раздражение и непосредственное влияние объекта на органы чувств человека заканчивается – возникшее из этого соматического возбуждения влечение оставляет мнестический след и запускает репрезентационную активность, в результате которой рождается репрезентация, а затем внутрипсихический объект – тогда уже формируется символ, рожденный в отсутствие объекта реального. Он возникает, когда есть возможность принять отсутствие объекта, соединить в одном объекте (ранее бывшем «двумя разными объектами – хорошим и плохим») обе части – то есть принять его амбивалентность и потерю. Символ используется не для отрицания потери, но для ее преодоления, пишет Ханна Сигал в статье «Заметки о формировании символа». Таким образом, происходит объективация окружающего мира, и одновременно с развитием мышления – способности субъекта принять отсутствие определенного и амбивалентного объекта и справиться с этой потерей – становится возможным и процесс субъективации, то есть коммуникация с собой с помощью символов, видения и принятия себя самого целостным и одновременно отделенным от утраченного такого же целостного объекта. Эта способность внутреннего диалога с собой, в свою очередь, является основой вербального мышления и необходимым условием для возможности коммуникации уже посредством слов, поскольку вербальное мышление является внутренним общением, связыванием смыслов посредством словесных (вербальных) символов друг с другом. Способность человека вести внутренний диалог на вербальном уровне предшествует и его способности вербально символизировать и во внешней коммуникации с другими объектами.

Таким образом, можно, исходя из концепции теории объектных отношений, указать на следующую цепочку умений индивида, постепенно развивающих Эго (Я) и делающих мышление способным к восприятию все более сложных, противоречивых и амбивалентных объектов, отношений и чувств: способность отделиться от объекта, объединить его символически из хорошего и плохого в целостный, соответственно, перестать присваивать себе его хорошие части и выбрасывать плохие, таким образом приняв амбивалентность и отделенность (неподвластность) объекта себе. После этого отделения других объектов, не являющих собой Я, возникает способность увидеть свое Я и принять себя, признать существование себя не идеального, не способного бесконечно управлять любыми объектами, не всемогущего; символизировать объект и психически репрезентировать (представить его), таким образом, с помощью символизации справиться с тревогой сепарации и пережить потерю исчезающего неподвластного объекта, сохраняя себе в момент его отсутствия собственные внутренние репрезентации объекта как целостного – то есть не боясь потерять хороший объект или быть поглощенным плохим объектом (также способность галлюцинировать – представлять объект). Последнее влечет за собой возможность и самому не расщепляться вслед за объектом, который, будучи символизированным как целостный и амбивалентный, перестает восприниматься как преследующий и ускользающий.

Представьте себе ребенка, говорит А. Жибо, который теряет объект перцепции, но может опираться на внутреннюю репрезентацию матери во время ее отсутствия. Примером такой репрезентации является отбрасывание и возвращение катушки (репрезентации матери) внуком З. Фрейда – когда он возвращал ее по своему желанию. Во время отсутствия объекта создается его внутренняя репрезентация, благодаря чему развиваются и творческие способности ребенка. На этом примере Фрейд описывает то, как ребенок может проделывать работу по символизации отсутствующего объекта благодаря игре, которая защищает ребенка от ужаса безграничности потери – у игры есть правила, пространство и время, и игра подвластна воображению ребенка, – то есть одновременно с идеей игры, ее правилами и концепцией. У ребенка развивается воображение – тот самый мыслительный аппарат, который способен представлять, воображать.

Пространство и время неразрывно связаны в реальности, и оба эти фактора являются необходимыми атрибутами для запуска процесса символизации – ведь не только место, где отсутствует объект, должно быть безопасным, также должно быть безопасным и одновременно достаточным и время этого отсутствия. Ребенок ожидает удовольствия – прихода объекта, но он способен выдерживать это время и фрустрацию от того, что удовлетворение не появляется здесь и сейчас. Пространство, время и язык – те спутники, которые помогают ему развиваться фантазийно и переживать это отсутствие с пользой для своего психического развития. Дональд Винникотт в книге «Игра и реальность» пишет, что для того, чтобы появилась возможность для создания этого пространства для игры, не нужно, чтобы объект слишком долго отсутствовал, но и нужно, чтоб он

не был слишком присутствующим, слепленным, слишком близко. Однако игра в эпоху диджитал приобретает совсем иные правила, делающие ее безвыигрышной.

Поколение, появившееся на свет в 2000-х, оснащенных повсеместными интернетом и социальными сетями, с раннего детства попадает в своеобразное зазеркалье – мир, состоящий из бесконечных стекол гаджетов: смартфоны, планшеты, цифровые камеры, позволяющие запечатлеть без всякого труда тысячи кадров и видео и иметь к ним постоянный доступ, а также возможность практически непрерывно получать визуальный контент. Поскольку в общепринятой классификации поколение людей, родившихся в период с 1996 по 2017 год, называется поколением Z или «зумерами» («Hope and Rebirth: Psychoanalytic Reflections on Generation Z», 2022), этот термин будет использоваться в статье в этом значении.

Итак, люди поколения зумеров рождены фактически со смартфоном в руках. Выросшие под прицелом камер гаджетов, они и сами постоянно находятся в череде перцепций – экраны мониторов сопровождают их с самого рождения, делая из них одновременно постоянных актеров и зрителей, наблюдающих непрерывное шоу и участвующих в нем. Стекла камер, телефонов и планшетов, однако, не являются живыми объектами, а лишь их симуляциями, не имеющими психики. Соответственно, этому поколению с детства уготована странная и новая для психологии участь: всегда быть чересчур на виду внешне, при этом неконтентизируемыми и непонимаемыми, поскольку чувства, какими бы они ни были, должны будут упереться в стекло, а не быть разделены с другим, сочувствующим, живым человеком. Внешне очень видимое, это поколение не получает признания своих личных, индивидуальных чувств и осязания своих границ, поскольку диджитал-мир трансграничен – в нем нет ни временных, ни пространственных ограничений. При кажущейся доступности и непрерывности общения, когда возможно в любой момент установить контакт парой касаний пальцев, люди переживают одиночество, впадая в меланхолию среди миллионов таких же одиночек – ведь присутствие объектов в цифровой реальности иллюзорно, они всегда «онлайн», но всегда частично – в виде набора пикселей или знаков. Возможность видеозвонков и общения с родителями посредством интернета, телефона и текстовых, фото- или видеосообщений никогда не оставляет современных людей в одиночестве, предоставляя им симуляцию постоянного присутствия объекта, которое, как описано выше, препятствует развитию психики и символизации. Объект всегда иллюзорно и частично доступен, причем, в случае младенца и ребенка младшего возраста, – доступен внезапно, преследуя, без соблюдения временных границ. Пространственно нынешние дети тоже зачастую лишены возможности переживать отсутствие матери в одном и том же месте, иными словами, у ребенка не может сформироваться никакого привычного ощущения того, где и сколько он будет ожидать мать и когда и откуда она появится. Так же происходит и с миром взрослых современных пациентов и их отношений в том же мире быстро меняющихся и быстро заменяемых объектов, где, как уже было отмечено выше, нередки случаи, когда субъект не получает достаточного опыта

нахождения наедине с первичными объектами вне постороннего вмешательства, в силу большого количества социальных связей и предельной трансграничности общения. Младенец, попадая в этот мир, сразу становится окружен большим количеством объектов, часто меняющихся и не предоставляющих ему какой-либо стабильной неизменной связи с единством места, времени и образа действий (как это происходит в психотерапевтическом сеттинге). Если в прежние времена количество людей, окружавших ребенка с рождения, и связи между ними были более-менее стабильными, то в настоящее время мир совсем не таков. За более чем сто лет с момента возникновения первых трудов Фрейда общественная реальность изменилась кардинальным образом: внешний вид объектов может меняться сколь угодно часто, место пребывания младенца и его окружения меняется порой по несколько раз в день, связи между родственниками зыбки, состав семьи может меняться много раз – матери выходят на работу, ребенка отдают на воспитание бабушкам, могут происходить разводы, смена партнеров обоими родителями, появление других детей и связей, возможны также перемена страны проживания и языка, на котором говорит окружение. Очевидно, что установить достаточно крепкую связь с матерью, которая сама пребывает в столь же нестабильной реальности, для младенца становится невозможно, что влияет в свою очередь и на процесс галлюцинирования объекта и его внутриспсихической репрезентации. Таким образом, сама реальность современного человека почти не оставляет возможности для успешной интериоризации объекта, обрекая его на меланхолию от невозможности проделать символический обратный путь обретения утраченного. 3. Фрейд описывает меланхолическое страдание от утраты не внешнего объекта, а части самого Я, то есть как нарциссическую утрату (З. Фрейд, 2004(а)).

В таком случае возникает соблазн замены качества связи с одним объектом количеством связей. Ведь если объект не слишком изучен, он не может восприниматься как уникальный, а если он не уникален, значит, заменяем, частичен. В словаре по психоанализу Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса описан частичный объект – «объект частичных влечений, при которых личность в целом не становится объектом любви» (Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис, 1996). Для людей с ненадежным объектом задача принятия объекта не угрожающим хоть в каком-то случае является довольно сложной. Жильбер Дяткин в своей работе «Пограничные состояния» со ссылкой на работу Андре Грина пишет, что такие пациенты «постоянно находятся в поисках психической дистанции, которая им позволит обезопасить себя от двойной угрозы внедрения объекта и его окончательной потери, поэтому их поведение крайне противоречиво, они желают только тех, кого боятся потерять, и бросают тех, кем они обладают, из страха, что объект полностью их захватит» (Green, 1979, p. 56).

Если объект заменяем и ненадежен, то сколько психических сил требуется объекту, чтобы избегать привязанности к такому объекту, сохранять дистанцию, изолировать от себя собственные чувства, скрывая их за интеллектуализацией, пустой речью, снами, связанными исключительно с текущими жизненными событиями. Живя в цифровом мире, будто в доме

без стен, где объекты исчезают и появляются на экранах мониторов, без всякой предсказуемости, и то покидают, то сваливаются, как снег на голову, преследуя и требуя внимания, современные пациенты зачастую обрекают себя на бесчувствие, как на наиболее экономически выгодный путь к существованию, и преодолеть это препятствие бывает довольно сложно, в том числе и психотерапевту, поскольку эти фрустрации не символизированы вербально. Речь их становится аффективно уплощенной, избегающей чувств, способных обострить внутренние конфликты и поднять из бессознательного нерепрезентированные аффекты.

Генри Кристал описывает это как признак алекситимии (Кристал, 2017), поскольку вербальная бедность является свидетельством бедности психической. Например, часто пациенты не способны представлять себе события или их возможное развитие в случае отсутствия фактических знаний о них. Если такой пациент и выдает некую историю из жизни, скажем, родителей, то при появлении любых пробелов в истории он останавливается в своем повествовании подобно путнику, внезапно встретившему на пути пропасть. Связывания на основе своего собственного опыта не происходит – в таком случае пациент просто говорит «я не знаю». Любые попытки со стороны психотерапевта побудить пациента к фантазированию и предположению наталкиваются на непонимание: знать и воспринимать перцептивно, буквально держать реальность под контролем и в фактической плоскости крайне важно для сохранения психической безопасности, в то время как любая фантазийная, дополненная, неизвестная и неконтролируемая реальность с другими данными или возможностями воспринимается как тот самый непостижимый, преследующий и необъятный безымянный ужас, неподвластный мышлению. Можно предположить, что данная «холодность» связана с той же боязнью зависимости от объекта и привязанности к нему и желанием тотального контроля над реальностью и избеганием ее расширения в глубь психического, которые были описаны выше как метод защиты от реальности в целом. Для этого объекты, даже будучи важными, должны оставаться полностью и без потерь заменяемыми (Кристал, 2017). Сны многих пациентов очень конкретны, связаны с ежедневными переживаниями и в буквальном смысле повторяют их, не обнаруживая ни сгущений, ни смещений, ни какой бы то ни было символизации.

В цифровом мире все визуализировано, все персональное заменено на универсальное, слова – на знаки препинания и «эмодзи», эмоции – на лайки и просмотры, юмор заменен мемами. Становится сложно фантазировать о чем-либо субъективном. При этом диджитал-среда активно использует контент, сужающий вербальную символизацию – комиксы, компьютерные игры, презентации, короткий видеоряд, – в ущерб вербальному выражению и осмыслению. Редукция языка и речи, одновременно с уменьшением возможностей мимического и телесного (жестового) самовыражения, и очень ограниченный набор эмодзи, смайлов, стикеров и мемов приводят к отсутствию себя и каких-либо чувств, которые

не укладываются в этот универсальный набор. В этих условиях индивиду приходится с младенчества учить язык зазеркалья гаджетов, как будто только он дает иллюзию внимания, весьма, впрочем, призрачную и ускользающую.

Система «*лайков*» – настоящий современный наркотик, это те самые символы общественного одобрения, валидации, которых зумеру всегда не хватает. Их отсутствие возбуждает в человеке колоссальную тревогу и желание действовать без возможности остановить гонку за одобрением. «Мир должен знать, что я ем» и «Не выложил – значит, не съел» – характерные, хоть и ироничные на первый взгляд, фразы-показатели того, что даже при получении базовых удовольствий (таких как еда) индивид в цифровой реальности не может получить полного удовольствия, если не получит одобрения подписчиков с помощью лайков. Нарциссическая подпитка внешним общественным Идеалом Я становится все более необходимой, и ее отсутствие лишает субъекта покоя, побуждая к постоянному демонстративному действию (*acting-out*), без возможности пассивизации, отсутствие которой, в свою очередь, свидетельствует о наличии именно оперативного функционирования, которому чужда пассивность (Смаджа, 2014). Зумер удостоверяется в своем существовании исключительно через внешнюю среду – он есть лишь то, что известно о нем миру и на что от мира есть обратная реакция, рефлексия, пусть даже выраженная только в форме «лайка». Постоянные тестирования окружения на получение реакции – так называемый «*пинг*» – становятся совершенно необходимым действием, вызывающим практически непрерывную зависимость, присутствующую даже во сне. Все подчинено не проживанию и собственному психическому развитию, но демонстрации существования. Для зумеров характерна крайняя озабоченность количеством просмотров, которое полностью заменяет собой качество связей и объектов, эту связь возвращающих. Все объекты становятся лишь чередой бесконечных зеркал, отражения в которых нужно приобретать любой ценой, невзирая на качество самого зеркала. В случае если «зеркало» не дало ответа, субъект немедленно спешит получить другие ответы, чтобы подтвердить себе свое существование, «*валидироваться*», как говорят зумеры. Эта нескончаемая гонка за своим отражением обедняет психику, становясь засасывающей воронкой зависимости от бесконечно меняющихся объектов – выкидывания «негодных зеркал» и поиска новых. Жизнь в непрерывном действии становится судьбой заточенного в зазеркалье объекта – разбивая одно зеркало, он сталкивается с новыми, которые постигнет та же участь – быть разбитыми при малейшей задержке в «отражении».

3. Фрейд в «Экономической проблеме мазохизма» пишет, что либидо младенца, пробуждаемое матерью, соблазняющей ребенка к жизни, встречается с влечением к смерти, которое призвано, разрушив организм и расщепив его до клеточного уровня, вернуть таким образом каждый элемент к стабильности – то есть к независимости от каких бы то ни было влияний, и движения (Фрейд, 2006). Данная фантазия о всемогуществе и творении мира своим присутствием в нем может быть достаточно точно проиллюстрирована игрой ребенка «в ку-ку», когда ребенок закрывает глаза

и в этот момент представляет, что он исчез и также исчез мир, порожденный только лишь им самим. Как часто современные пациенты прибегают к этому методу и во взрослой жизни, не желая смиряться с непрерывностью и приматом реальности. «Я тебя не вижу – значит, тебя не существует», – в диджитал-реальности представлено огромное количество симуляций, позволяющих реализовать свою символическую смерть – отказ видеть другого, как бы уничтожающий другого. Цифровая реальность, выступая удобным и частичным дубликатом реальности, обладает массой способов симуляций данного ухода и символического уничтожения объектов или себя.

Алан Кирби в своей книге «Диджимодернизм. Как новые технологии упраздняют постмодерн и переопределяют нашу культуру» называет эту эпоху «культурой текста», однако лишенного индивидуальности, в отличие от предшествующих эпистолярных жанров, а само понятие «диджимодернизм» происходит не только от digital – цифровой, но и от digits в значении «пальцы» – когда печатание является действием, а не творчеством, ассоциацией или сублимацией. Движением пальца в этом мире создаются и разрушаются отношения, шлются подарки, цветы и письма, совершаются сделки, создаются музыкальные произведения (диджейский пульт), фантазия волшебной палочки фактически воплощена в жизнь. Еще в 1993 году в статье «Новые болезни души. Душа и мысленные представления» Юлия Кристева пишет: «Ибо всплывает утверждение: нынешние мужчины и женщины – которые снедаемы стрессом и стремятся к получению и трате денег, к удовольствиям и смерти – обходятся без репрезентации их опыта, которую мы называем психической жизнью. *Действия и непосредственный отказ* от них заменили интерпретацию смысла» (Кристева, 2005, с. 149).

Действия по уничтожению связей многообразны и в основном сводятся к буквальному стиранию объектов и коммуникации с ними из поля видимости так, как если бы отсутствие внешнего одновременно означало и отсутствие внутреннего. Блокировки контактов в социальных сетях и мессенджерах, удаления чатов или сообщений, не получивших ответа, отписки и отмененные действия – метафорически представляют собой ту самую игру «в ку-ку», сталкивающую субъекта со своим всемогущим одиночеством. Испытывая нарциссическую иллюзию уничтожения связи, субъекты диджитал-реальности обрекают себя на тотальное одиночество, в невозможности эту связь сохранять. При этом обратной стороной этого всемогущества является постоянный тягостный страх того, что и сам субъект может быть стерт другим.

В современном мире появилась даже специальная фобия точек – **пунктумофобия** – боязнь получить сообщение с точкой в конце. Эта тревога также относится к отсутствию смайлов в тексте, что воспринимается, особенно вместе с наличием точек, как признак негативного настроения визави. С психоаналитической точки зрения данный знак препинания действительно имеет крайне важное символическое значение в письменной речи и особенно – в диалоге. Точка разделяет себя и Другого – проводит совершенно очевидную и недвусмысленную

границу окончания речи. Этот символ интерпретируется как «я сказал все, что считал нужным, дальнейшее зависит от тебя» или «у меня нет вопросов, а значит, нет никакой нужды продолжать диалог, мы можем не продолжать его, я без него обойдусь» или же, что воспринимается еще более травматично, – «мне больше нечего сказать, я готов закончить диалог». В этом смысле точка воспринимается как отвержение, незаинтересованность объекта в общении и становится в буквальном смысле нарциссическим ударом для субъекта. Подобно закону отца точка разделяет слияние с объектом и кастрирует – делает любую коммуникацию небесконечной и лишает иллюзии постоянной доступности субъекта и его готовности отражать. Как закрывающаяся за матерью дверь детской на ночь, точка ставит некий предел, за которым объект уходит от субъекта к кому-то третьему, при этом одновременно обозначая твердость и бесстрастность, с которой этот уход производится. Объект не жалеет и не страдает оттого, что покидает субъекта, и это ранит большее всего.

Страх, связанный с неизбежностью разрыва связи, как было сказано выше, не дает возможности инвестировать объекты и саму связь либидинально. «Фрейд связывал различие между объектной инвестицией и нарциссической инвестицией с десексуализацией последней. В итоге направление влечений в сторону Я вызывает развитие нарциссизации лишь под прикрытием относительной десексуализации, необходимой для функционирования Я» (Коротецкая, 2021, с. 41). Десексуализация в данном случае касается не только объекта, но и самого субъекта, вынужденного для спасения себя от грядущего разрыва атаковать саму идею пары, *состоящей из двоих, и их уникальных отношений*. В перспективе, которую постструктуралисты видели уже во второй половине XX века, чрезмерная эротизация и сексуализация внешней реальности имеет следствием прогрессирующую десексуализацию, отказ от полоролевой идентичности и отрицание разницы полов и разницы поколений. «Управляемая разнузданность», как называет ее Бодрийяр, пропитана гнетущей тоской и представляет собой не что иное, как коллективную, обезличенную среду, где нет ни субъекта, ни объекта, а сексуальность становится нарциссической и скучающей сама с собой (Бодрийяр, 2021(a)). Тело, обладавшее мощным сексуальным потенциалом при вытеснении, запретности порнографичности, как «скованный страстный позыв», расколдовано во времена зумеров окончательно, лишено какой бы то ни было загадочности и очарования; бывшее некогда местом таинства, где происходит мощнейшая энергетическая связь двоих, в которой рождается новое, оно становится лишь манекеном, симулирующим идеальную сексуальность, но не имеющим пола. «Все бесполо, зато все – сексуализировано» (Бодрийяр, 2021(b)).

В статье Эвелин Кестемберг «Фетишистское отношение к объекту» отмечено, что «роль нарциссических инвестиций весьма значительна», – власть над объектом служит нарциссическому удовольствию субъекта от контроля над объектом. Учитывая это, несложно понять, почему общая десексуализация у поколения зумеров сосуществует с бисексуальностью достаточно бесконфликтно. Желание обладать половыми органами обоих

полов освобождает от необходимости контакта и дарит иллюзию ауто-эротизма и ненуждаемости в объекте (Кестемберг, 2005). Бисексуальность в тандеме с десексуализацией обращает нас к идее самопорождения, идеальности, нахождения в себе самом всего, что нужно, и возможности дистанцироваться от другого. Атака на пару как отрицание разницы между полами и поколениями отсылает к нарциссическому всемогуществу и отрицанию отца, который разделяет с матерью, и матери как любовницы отца. Сексуальность обоих родителей, уникальная история пары, их связь и их чувства отрицаются. Идея «Я могу переспать с кем угодно» реализуется буквально. При этом атака на связь происходит в данном случае без конфликта и бунта, не доходя до эдипального осознания. Плотной застревая в нарциссических фиксациях, где любой объект, без разницы какой, инвестируется исключительно нарциссически и является не отдельным, а подвластным субъекту, субъект так и не преодолевает эдипов конфликт. Бисексуальность в данном случае также служит избеганию конфликта и мук выбора объекта как проявления воли и взятия на себя ответственности за принятое решение. Кроме того, это обеспечивает отсутствие очередного препятствия к заменяемости объекта – поскольку любой объект способен послужить зеркалом субъекту. Сама суть связи двоих, обладающей собственным творческим потенциалом и способной создавать новые уникальные отношения, отрицается: «...отношения человека к его родителям, к сестрам и братьям, к предмету его любви... то есть все отношения, которые до сих пор были предметом психоаналитического исследования и имеют право считаться социальными феноменами, становятся тогда противопоставленными другим процессам, названным нами нарциссическими, при которых удовлетворение первичных позывов от влияния других лиц уклоняется или отказывается» (Фрейд, 2001).

Характерным признаком стремления к асексуальности и отказу от связей и различий является устойчивая мода на два вида одежды, сами названия которой говорят о многом с психоаналитической точки зрения: унисекс и оверсайз. Десексуализация себя и максимально возможный отказ от всего телесного и индивидуально обозначающего самость, создание образов «как под копирку», без какой-либо непохожести на другого призваны сместить все акценты на реальность, в которой все одинаковы и заменяемы, поэтому никто не стоит ни привязанности, ни страданий от потери объекта. Клонированный бесконечным множеством воспроизводимых копий объект наиболее безопасен для коммуникации. Бодрийяр пишет: «Игра фасонов уступает место телесной игре, а та, в свою очередь, игре *моделей*» (Бодрийяр, 2021(b)). Таким образом, одежда теряет свой знаковый, «церемониальный» характер, которым она обладала во все времена до второй половины XX века, являясь знаком отличия, неким реквизитом для социальной роли (такое ее значение отмечает и Ж. Лакан). Но при этом процессе нейтрализуется не только одежда, а также и тело, когда нагота становится лишь симулятивной моделью тела, все более и более, в том числе с помощью моды, стремящегося к агендерности, то есть к стиранию разницы полов и отрицанию даже значения сексуального инструмента.

Отказываясь, таким образом, от проживания собственных конфликтов, потерь, аффектов, противоречий и влечений, субъект вместе с тем отказывается и от развития, его психика не укрепляется, а постоянная череда перцептивных симуляций удовольствий самого различного рода, всегда доступных и заменяемых, лишает возможности развить свою идентичность, определяя выбор в пользу уникального объекта, отказываясь (то есть принимая кастрацию) от других, а также возможности самому быть воспринятым в качестве такого объекта. Наслаждения и удовольствия становится невозможно достичь, поскольку ни один объект, из боязни его утратить, не инвестируется либидинально, но одновременно и сам субъект ощущает себя таким же заменяемым и лишенным особенности для кого-либо.

Пришло время обратиться к эпиграфу, выбранному для этой работы, – песне Виктора Цоя «Жизнь в стеклах». Эта метафора возникла из представления о том, что современный пациент психически существует как будто между двух стекол, дающих ему достаточно света, но совсем не дающих тепла человеческого восприятия: одно стекло отделяет его от внешнего мира – это стекло чужого смартфона или камеры, устремленное на него с рождения, в том числе первичными объектами, другое стекло – стекло его собственного смартфона – отделяет его от собственных чувств и желаний, поскольку пробиться к ним из-за неиссякающего потока информации, рекламы, симуляции коммуникаций и потребления непросто.

Кроме того, постоянная перцептивность опыта заслоняет от субъекта память о прошлом, воспоминания стираются и закрываются огромными и бурными потоками разноперой информации обо всем на свете, кроме самого человека. Психика, подобно растению, развивается, только уже не в тени другого, а в ярком свете разнообразных вывесок, кричащих слоганов, интернет-рекламы, мемов, кино, картинок, презентаций, слайдов, видео с TikTok и YouTube, которые светят так ярко, что от этого света и грохота слепнет и гложет душа, но тепла это свечение не дает, а оно необходимо любому растению для развития – не только свет, но и тепло. Это депрессия не в тени черного солнца, а в его холодном электронном свечении от экранов гаджетов. Разговаривая с электронными помощниками, находя путь и расписание автобусов по навигаторам, а не спросив у прохожего, посылая смайл вместо слов «я тебя целую» и стикер – вместо букета цветов, люди отдаляются друг от друга, но, что еще более важно, – отдаляются от себя, все больше отрезая от себя все выступающие фрагменты, не вписывающиеся в «прокрустово ложе» предлагаемых системой символов.

Когда в результате такого невнятного и непонятного себе самим поведения двое все же сходятся, их ожидает череда страданий от реальной связи вне цифровой сети, которая скоро становится столь невыносима, что связи рвутся, причиняя боль обоим и оставляя ощущение тотального одиночества. Одиночества в сети. Однако и разрыв контакта в диджитале тоже невозможен окончательно – здесь каждый на виду у каждого, и лишь собственная дементализация через смерть речи и отсечение чувств может быть спасением от этого преследования всех всеми.

Часто пациенты диджитал используют речь как нечто чужеродное – чисто формально коммуницируя, но не включая в нее никаких аффектов, функционально, чтобы она не навредила им остротой какого-либо слова. Несмотря на скуку и безнадежность, которые это может вызывать у психотерапевта, важно помнить, что мы можем предоставить свою речь и свое психическое пространство для символизации, постепенно оживляя речь пациента, связывая, ища в его словах его репрезентации и аффекты, его конфликты и парадоксы, его личные маяки и якоря и его историю. Именно вокруг аффектов собирается идентичность, и боязнь страдания будет мешать этому развитию и исключать конфликт, не давая, таким образом, прийти через эти страдания к себе и своей идентичности.

В эпоху диджитал работа психоаналитика с символизирующей способностью субъекта, его возможностью говорить, связывать, ассоциировать, шутить, создавать вербальные метафоры и аллюзии к своему материалу представляется беспрецедентно важной, поскольку сами люди часто во все разучаются это делать. Зачастую эта работа причиняет пациенту боль, поскольку связана с обнаружением конфликтов и парадоксов, уход от которых в нежелании с ними справляться и разрешать их и явился причиной дementализации и отказа от символизации. Важно помнить, что на этом пути мы можем встретиться с депрессией, и путь будет долгим, но необходимо быть терпеливым и дать пациенту и себе время, помня, что разговор, даже о болезненном и травматичном, делает богаче через страдания, ненависть, зависть, боль. Позволяет увидеть новые смыслы и ракурсы, почувствовать аффекты, присвоить себе образы и репрезентации, увидеть через них себя более полно, не через стекло.

Придавая переживаниям формы слов, разговаривая и проясняя с пациентами, что значит и какой смысл имеет для них принесенный в сессию материал, психоаналитик создает дополнительное, в том числе за счет своей психики и ее регредиентности, безопасное пространство для их проработки и символизации, о чем пишет Сезар Ботелла в своих работах «О припоминании: понятие памяти без воспоминаний» и «Фигурабельность и регредиентность». Становится возможным – преодолевая пустую защитную речь или молчание, – проживать аффекты, говорить о конфликтах, личном отношении пациента к чему-либо, о потерях и обретении репрезентаций своего опыта. Переживание, бывшее некогда немым и изолированным, переходит с помощью речи в психическое восприятие и развивает представление субъекта о себе. Именно с помощью диалога с другим пациент учится говорить о себе, находить свои слова, смыслы и представления, важные лишь для него, и получает все больше возможностей заменять внешние стереотипы внутренними, присущими только ему переживаниями, объектами и чувствами и опираться на них, а не на общепринятые бессмысленные клише. С помощью развития речи, репрезентаций, фантазии достигается одна из базовых задач развития собственной идентичности – появление способности переживать и репрезентировать отсутствие объекта. Страдания в связи с утратой, будучи обретенными в психике и названными, перестают нести с собой всеохватывающую и безымянную тревогу – речь облакает тревогу в границы слов и уменьшает

ее. М. Айзенштайн в работе «Требования к репрезентации» также пишет о работе аналитика и психоанализа: свободная ассоциативность создает реинтеграцию, разделяемую обоими главными действующими лицами, как условие «плавающего внимания». Представления гибко перемещаются по ассоциативным цепочкам, обеспечивая образность. Речь идет, согласно теории Фрейда, о превращении бессознательного в предсознательное с помощью репрезентаций слов. Тогда же, когда нет ни свободной ассоциативности, ни регрессии, ни доступных представлений, – единственными возможными инструментами являются инструменты аффекта или страдания, к которым мы можем получить доступ, даже если они выходят за рамки принципа удовольствия, включая то, что Ботелла называет «работой психоаналитика по переносимости». Это «эквивалент работы сновидения, кульминацией которой является особая форма мышления (регредентность), поскольку появляющаяся способность аналитика прослеживать новые связи в одновременности нескольких полей и уровней сеанса приведет к почти галлюцинаторной разборчивости связей между заметными эффектами речи анализируемого» (*Aisenstein, 2010*).

Работа символизации, как путь через аффекты, конфликты и страдания к ментализации, репрезентации собственного опыта и связыванию с помощью речи – названия, рассуждения, вопросов и прояснений – способна вывести пациента из замкнутого и холодного пространства диджитала в реальный, живой мир и позволить ему взглянуть на себя настоящего, не украшенного чужими «лайками». Задача психоанализа – сопровождать его в этом пути с чуткостью, терпением и интересом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бион У. Р. Теория мышления. Идеи У. Р. Биона в современной психоаналитической практике. Сборник научных трудов. Материалы Международной психоаналитической конференции. 13–14 декабря 2008 г. Москва / Под ред. А. В. Литвинова, А. Н. Харитоновой. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2008. 420 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2021(а). 384 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: РИПОЛ классик, 2021(б). 512 с.
4. Ботелла С. О припоминании: понятие памяти без воспоминаний // Международный психоаналитический ежегодник. Вып. 6. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа». М.: НЛО, 2016.
5. Винникотт Д. В. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. 240 с.
6. Грин А. Истерия и пограничные состояния. Хиазм. Новые перспективы. Уроки французского психоанализа: Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2017. С. 311–342.
7. Дяткин Ж. Пограничные состояния // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Том II. № 1. С. 6–19.
8. Кестемберг Э. Фетишистское отношение к объекту // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. С. 527–543.

9. *Коротецкая А. И.* Путь сновидения: от исполнения бессознательного желания к трансформационному процессу создания смыслов // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Том II. № 1. С. 37–49.
10. *Кристал Г. при содействии Д. Х. Кристала.* Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 544 с.
11. *Кристева Ю.* Душа и мысленное представление // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. С. 145–168.
12. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
13. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высш. шк., 1996. 623 с.
14. *Сигал Х.* Заметки о формировании символа. URL: https://childpsychoanalysis.ru/wp-content/uploads/2021/11/Sigal-Hanna_Zametki-o-formirovanii-simvola.pdf
15. *Смаджа К.* Оператуарная жизнь: Психоаналитические исследования. М.: Когито-Центр, 2014. 256 с.
16. *Фрейд З.* Печаль и меланхолия. Основные психологические теории в психоанализе. Мн.: Харвест, 2004(а). С. 176–193.
17. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я. Психоаналитические этюды. Мн.: ООО «Попурри», 2001. С. 422–480.
18. *Фрейд З.* Толкование сновидений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020 (а). 512 с.
19. *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020(б). 320 с.
20. *Фрейд З.* Тридцать первая лекция. Разделение психической личности. Основные психологические теории в психоанализе. Мн.: Харвест, 2004(б). С. 265–288.
21. *Фрейд З.* Экономическая проблема мазохизма // З. Фрейд. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 361–378.
22. *Aisenstein M.* Les exigences de la représentation, *Revue française de psychanalyse*, 2010, vol. 74, no. 5, pp. 1367-1392.
23. *Botella C. et S.* Figurabilité et régrédience. *Revue Française de Psychanalyse*, 2001, vol 65, pp. 1149-1239.
24. *Donnet J.-L.* L'humour et la séance. *Revue française de psychanalyse*, 2012, vol. 76, no. 5, pp. 1649-1658.
25. *Green A.* (1979) Le psychanalyste et la pensée habituelle. In *La folie privée*, Gallimard, Paris, 1990.
26. *Kirby A.* Digimodernism: How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture. N. Y. Continuum. vi, 282 p, 2009.
27. *Kristeva J.* Parler en psychanalyse. Des symboles à la chair et retour, *Revue française de psychanalyse*, 2007, vol. 71, no. 5, pp. 1509-1520.
28. *Kristeva J.* Translating Sadness, or Language as Anti-Depressing, *Figures de la psychanalyse*, 2013, vol. 26, no. 2, pp. 13-25.
29. *Lavallée G.* Quand la parole ne soulage pas, *Revue française de psychanalyse*, 2007, vol. 71, no. 5, pp. 1593-1602.

СЕМИНАРЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

1. Сезар Ботелла. Онлайн-семинар «Регрессиентность». 19 февраля 2021 г. Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах.
2. Жильбер Дяткин. Онлайн-семинар «Особенности психоаналитического процесса». 24–26 февраля 2022 г. НИУ ВШЭ.
3. Ален Жибо. Онлайн-семинар «Техника и практика психоаналитической психотерапии с не-невротическими пациентами». 21–23 апреля 2022 г. НИУ ВШЭ.
4. Рене Руссийон. Семинар «Символизация и работа символизации». 27–28 сентября 2019 г. НИУ ВШЭ.
5. Конференция IPA «Hope and Rebirth: Psychoanalytic Reflections on Generation Z». 28 января 2022 г.

Symbolization in the digital era is the melancholy of broken mirrors

P. A. Chebotkevich

Chebotkevich Polina A., psychoanalytically oriented psychotherapist, Master of psychology (National Research University "Higher School of Economics")

Through theoretical psychoanalytic concepts from Freud to the present day, the significance that symbolization has in psychoanalysis is shown. Language and speech are the most effective way of forming representations, developing thinking and identity of the subject. Speech exposes affects and conflicts, creating palettes of meanings that allow a person to develop mentally and symbolize and appropriate experiences, including traumatic ones. The opportunity to name is an opportunity to cope mentally, which means to develop thinking and self. Digital reality, being a totally perceptual sphere, kills representation, which is possible only in the absence of an object. In the digital world, everything is visualized, everything personal is replaced with universal, words are replaced with punctuation marks and emojis, emotions are replaced with likes and views, humor is replaced with memes. Speech also becomes affectively flattened, avoiding conflicts. Digital communication is directive – it dictates the rules for obtaining approval and contact, defiantly ignoring everything personal. With the apparent variety of forms and accessibility of communication, people experience loneliness online, falling into melancholy. The inability to live through the loss of an object, since it has never been found, entails a narcissistic attitude towards objects – they are all just mirrors. Such objects are not invested, are partial and replaceable, and therefore, there is no development through the grief of their loss. Using the example of psychoanalytic psychotherapy of patients of the Zoomer generation, the author reflects on what is the reverse way of giving verbal, mental meaning to the patient's experiences, encrypted in the stingy language of digital reality.

Keywords: *symbolization, representation, digital, word, narcissistic object, speech, desexualization, absence.*

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОСОМАТИКА

Связи теории Пьера Марти и Андре Грина по вопросу психосоматического функционирования

А. И. Мелёхин

Мелёхин Алексей Игоревич – кандидат психологических наук, доцент, психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог высшей квалификационной категории, сомнолог.

В статье показано, что концепции пограничных состояний и психосоматической дезорганизации, разрабатываемые параллельно Андре Грином и Пьером Марти, отличаются друг от друга с точки зрения клиники и психоаналитической теории, но, с другой стороны, состоят в родственных отношениях, которые оба автора подчеркивали со ссылкой на психоаналитическую модель Мориса Буве, особенно на невроз деперсонализации. Показано, что А. Грин интерпретировал понятия «опературное мышление», «эссенциальная депрессия», «психическая и соматическая дезорганизация» как формы радикальной негативности. Схему работы негатива можно противопоставить схеме ментализации, принятой в концепции Пьера Марти. Прослежена связь между работой деобъектализующей функции влечения (к) смерти, сбоя в ментализации и дементализации. Показано вслед за П. Марти и А. Грином, что психоанализ психосоматического пациента – это материнская забота о психике пациента за счет связывания репрезентаций до тех пор, пока отсутствуют третичные процессы.

Ключевые слова: психосоматическое функционирование, ментализация, дементализация, работа негатива, психосоматическая дезорганизация, влечение.

«У психосоматического пациента психическая активность репрезентаций недостаточна и сводится к роли сопутствующих отношений с внешним объектом, так что часть направленной энергии субъекта ускользает от умственной работы по обработке и интеграции и может в итоге нарушить соматическую функциональную организацию».
Пьер Марти

«...Судьба формы организации влечения, которая применима к психосоматическому функционированию, будет характеризоваться ранним разрывом связи влечения с будущим объектом, отсоединением энергетического компонента влечения от объекта, на который оно нацелено, оставляя его затем на произвол...»

Андре Грин

Андре Грин всегда проявлял интерес к соматическим проявлениям у пациентов (особенно болевым проявлениям, головным болям, болезни Крона) и, в частности, к работам психоаналитиков из Психосоматической школы в Париже (например, М. де М'Юзана, П. Марти, *рис. 1*). Сразу отмечу, что Андре Грин не говорил о «психосоматических заболеваниях», «психосоматической структуре личности», он использовал понятия: «психосоматика», «психосоматический коллапс», «психосоматический феномен», «соматический коллапс» и «соматизация».

Французские психоаналитики наиболее бережно перенесли наследие Фрейда в настоящее время, поскольку они, похоже, как отмечал А. Грин, не верят в какой-то сдвиг в психоаналитической парадигме (*Green, 2007*).

Проводя анализ пациентов с головными болями, он отмечал следующие особенности:

- Ее основная функция состоит, как и при конверсионных проявлениях, в замене «личной» проблемы телесным состоянием. Возникает она в таком случае, отмечает А. Грин, если вытеснение не способно преодолеть конфликт переноса. (Психо)соматический синдром сопровождается нарушением в восприятии, мышлении, изменяющим первичный процесс, он сопоставим с признаками отрицания, с которыми приходится сталкиваться в наблюдаемой реальности психозов. Психосоматическое заболевание в этом случае следует понимать как проигрывание, внутри нацеленное на тело.

На начальном этапе соматизации у пациента А. Грин устанавливает изменения в системе восприятия (*рис. 2*), отсюда важность *привязки к восприятию* у соматизирующего пациента. Это следует рассматривать как признак нерегулярности психического функционирования за счет проницаемости предсознательного. Речь пойдет об отмене различий между репрезентацией и восприятием (в том числе и внутренним восприятием тела и мышления), поскольку отменяется возможность «воспринимать» эти репрезентации, подобно тому как восприятие отменяется при негативной галлюцинации. В этом смысле восприятие можно рассматривать как своего рода представление внешней реальности. Но, подчеркивает А. Грин, нет нейтрального отражения, то есть между воспринимаемым образом у пациента и «реальностью» (т. е. окружающим миром) существует *разрыв*, который называется *алекситимией*. Напомним, что данное состояние определяется не только отсутствием слов у пациента для называния аффектов, но и невозможностью познания как собственных аффективных состояний, т. е. их осознания, так и других людей. Бессознательный аффект оказывается у данных пациентов отрезан от системы словесных репрезентаций.

Рис. 1. Исследования (концептуальный аппарат) парижской школы психосоматики П. Марти, которые учитывал в своих работах А. Грин

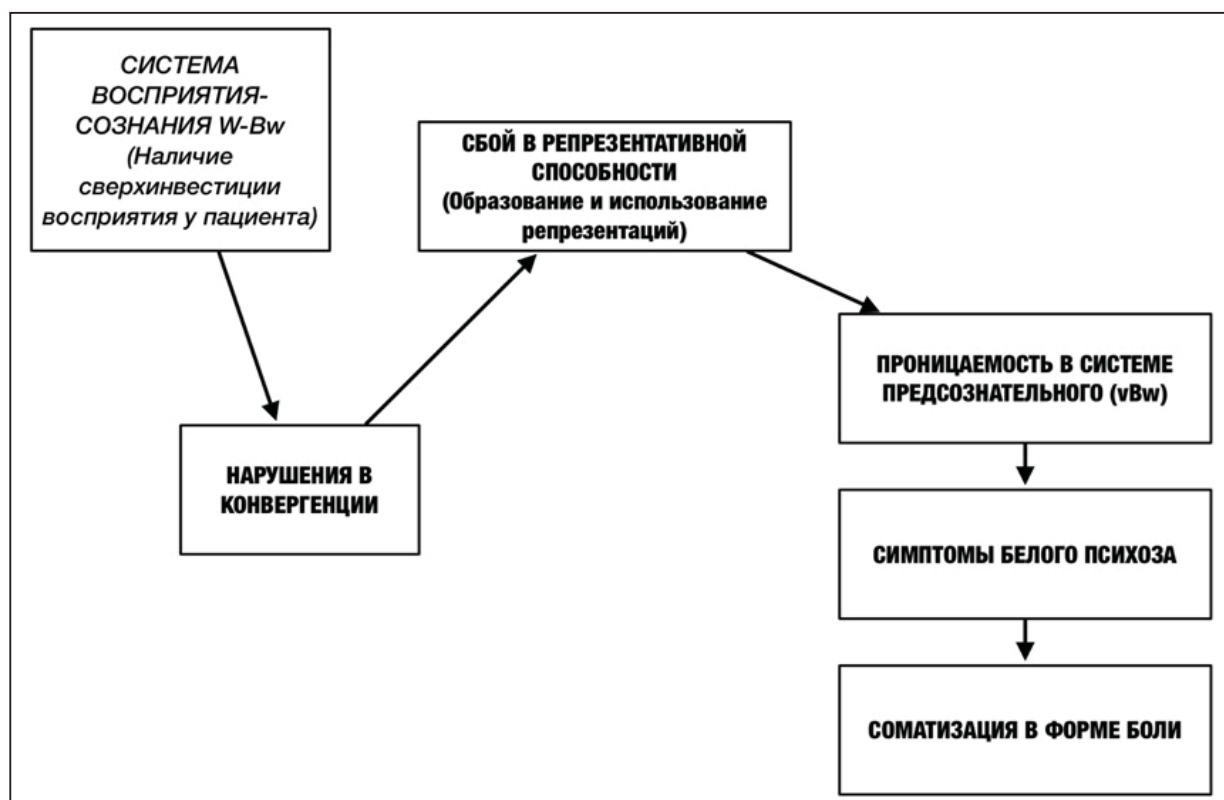

Рис. 2. Цикл соматизации на примере пациента А. Грина с головной болью

- По мере продвижения лечения у них возникают особенно жестокие и опасные образы, которые вторгаются в их психику, а также постоянная склонность к действиям: «нет места для репрезентации, только катексис в поисках разрядки» (Green, 2002).

Опора на данную школу и работы З. Фрейда привела Грина к рассмотрению гипотезы о *действии влечения (к) смерти* в процессе соматизации. Он пишет, что «телесные страдания заряжены нейтрализующей агрессией, то есть чистой деструктивностью в том смысле, в каком Фрейд говорит о влечении к смерти» (Jaeger, 2017).

А. Грин в ходе своей клинической практики задался вопросом о *соматическом кризисе* у пациентов (Green, 1973). Считается, что соматический кризис представляет собой «подлинное действие, направленное внутрь. Основной целью является изгнание аффекта из психической сферы». Позже он добавит, что «речь идет уже не только об изоляции аффекта, но и об изоляции значения» (Donnet, Green, 1973).

Интересно отметить, что А. Грин параллельно с П. Марти (Marty, 1980; 1990) задавался вопросом о природе психосоматических нарушений, и, согласно его гипотезе, она находится на уровне тела или большей части сомы. И речь идет о сильном разрушительном заряде соматического возбуждения, но его следует рассматривать как *психическое*. Это возбуждение, по А. Грину, предстает перед нами как пограничное понятие, как представление о психических возбуждениях внутри тела, достигающих психики. Однако для П. Марти причина нарушения носит психический, травматический характер, а соматическое поражение – вторично. А. Грин критикует этот взгляд, считая, что возбуждение, возникающее внутри тела, и возбуждение, которое достигает психики после травмы, не имеют никакого отношения друг к другу. Он выделял «короткую» цепь и «длительную» цепь в процессе трансформации и работы соматизации, вводя понятие *психологической работы или труда*. Грин подчеркивает, что судьба влечений на уровне тела, психическое восприятие влечения лежат в основе проблем психосоматики (Green, 2010).

Отношения А. Грина с Пьером Марти носили сложный и даже неоднозначный характер. Грин писал, что психосоматическая теория П. Марти – это попытка описать то, что имеется *перед психическим* (avant psychique) (Green, 1998). Он опирался на теорию психосоматики Пьера Марти, согласно которой психика может подвергнуться защитному процессу, в котором связи между соматическим и психическим могут быть нарушены, из-за чего непредставимые переживания у пациента вытесняются в тело в форме органических заболеваний вместо замены их рядом психических эквивалентов. Психоаналитик должен знать о потенциальной склонности пациента, наряду с «отыгрыванием» в реальности, «воздействовать» на тело посредством соматизации (Грин, 2000; Мелёхин, 2022).

Общие отношения А. Грина и П. Марти с Морисом Буве способствовали их сближению. Концепции пограничных состояний и психосоматических дезорганизаций, разрабатываемые ими параллельно, отличаются

друг от друга с точки зрения клиники и психоаналитической теории, но, с другой стороны, представляют родственные отношения, которые оба автора подчеркивали.

В концепции работы негатива А. Грин (2020) подчеркивает сближение между пограничным функционированием психической организации (хрупкость «Я», сбой в процессе символизации, тенденция к действиям ради действий и др.) и соматическими пациентами (часто соматизирующими), предлагая в то же время общую для обоих интерпретацию со ссылкой на психоаналитическую модель Мориса Буве, особенно на *невроз деперсонализации* (Delourmel, 2013).

Кроме того, работа Психосоматической школы в Париже прояснила многие аспекты, необходимые для лучшего подхода к понимаю *пограничного функционирования*.

В своей концепции М. Буве делает попытки гипотетически зафиксировать, какими были бы объектные отношения у пациента, если бы защиты были разрушены. Эти неорганизованные и бурные объектные отношения диктуют психоаналитику его отношение к пациенту. Отношения на расстоянии, созданные защитой пациента, делают объектные отношения ненадежными или даже невозможными, что касается Я, то они обедняют его отношения с самим собой, заменяются новыми отношениями, которые устанавливаются через дистанцию (Jaeger, 2018).

В связи с этим *анализ переноса* у пациента является важным элементом техники, подходить к нему нужно с позиции терпимости к индивидуальной организации влечений пациента, его раскрытия себя как внутреннему, так и внешнему миру. Выводы Мориса Буве оказались чрезвычайно полезными для анализа соматических и пограничных трудных пациентов.

Пьер Марти, в свою очередь, широко использовал понятие *невроза характера*, которое соответствует нозографической категории, определяемой как невротическая организация с изменчивой ментализацией. Определенный таким образом невроз характера стал для Пьера Марти (Marty, 1990) типом психической организации с наибольшим потенциалом *психосоматической дезорганизации*.

История, датируемая 1980-ми годами, иллюстрирует притяжение и глубокую амбивалентность, которые характеризовали отношения между двумя великими теоретиками и клиницистами, также «братьями» (по мнению Aisenstein, Smadja, 2017), которыми были А. Грин и П. Марти.

Однажды Андре Грин спросил коллег: «Значит, Марти думает, что я в Чикаго? Но они могли бы пригласить меня в Париж, на консультацию, например...» Пьеру Марти рассказали про это, и он ответил: «Ну, он может прийти, когда захочет». Знаменитая консультация была тогда устроена с его согласия, но без его помощи. Консультации записывались и транслировались в конференц-зале, где в тот день собралось огромное количество людей. Пациентка страдала болезнью Крона, которая проявилась вскоре после рождения ее единственного ребенка. Андре Грин провел блестящую консультацию, побудив пациентку обратиться к своим эдипальным конфликтам, обновленным в связи с беременностью. Затем Грин

поприветствовал П. Марти, который сказал ему: «Отлично! Я не мог бы сделать лучше» (Deburge, 2017).

А. Грин развил свой подход, согласно которому прежнее понимание невроза было недостаточно для объяснения *траектории жестокости разрушения тела*.

Фундаментальное разногласие между двумя психоаналитиками касается выбора *невротической организации* в качестве противопоставления психосоматическим организациям в концепции Пьера Марти.

Для Андре Грина именно модальности психического функционирования в «предельных» или пограничных состояниях представляют собой наиболее плодотворный противопоставленный ориентир для психоаналитического понимания психосоматических фактов. По его мнению, в этом глубокий смысл сближения двух клинических категорий – пограничных состояний и психосоматических расстройств. Таким образом, он думал, что «за кажущейся нормальностью пациентов скрывается своеобразное сумасшествие, скрытое в психике... И надо видеть безумие, которое населяет пациента за этим совершенно функционирующим фасадом». Андре Грин считает, что есть нечто, в чем *негатив* играет свою роль.

Работа негатива представляет собой руководящую нить «гринианского подхода» к процессам соматизации. Успех такого подхода к постижению пограничных состояний в сочетании с их метапсихологическим родством с психосоматическими состояниями побудил Андре Грина выдвинуть оригинальные психоаналитические гипотезы для объяснения абсурдных и загадочных фактов всей психосоматической области.

Однако прежде всего следует помнить, что для А. Грина (Green, 1973; 2020) работа негатива включает в себя два измерения, которые глубоко изменяют ход психических событий:

- *конструктивное измерение*, которое ведет к завершению процесса символизации;
- *деструктивное измерение*, которое в итоге приводит к дезорганизации психического функционирования.

А. Грин (2020) определяет два полюса работы негатива: на одном полюсе, под именем «первичных» защит, механизмы (вытеснение, отчуждение, отрицание и др.), общей целью которых является «лечение» психической деятельности. Это, несомненно, ядро того, что называется работой негатива, понимаемой главным образом с точки зрения функционирования Я. Другой полюс – дезорганизация. Он намеревался интерпретировать понятия Психосоматической школы в Париже: «опературное мышление», «эссенциальная депрессия», «психическая и соматическая дезорганизация» как формы *радикальной негативности*.

Схему работы негатива можно противопоставить здесь схеме *ментализации*, принятой в концепции Пьера Марти (1990). Затем мы можем связать две схемы, учитывая, что чем выше мы поднимаемся по ментализации, тем ближе мы подходим к конструктивному полюсу работы негатива, а чем дальше мы опускаемся по ментализации, тем ближе мы подходим к деструктивному полюсу негативности. Однако это сравнение двух

теоретических схем находит здесь свой предел, поскольку работа негатива полностью основывается на фрейдистской концепции влечения (к) смерти, а понятие ментализации концептуально зависит от эволюционных и контрэволюционных движений.

Теоретические подходы Андре Грина и Пьера Марти глубоко расходятся (подробнее см.: Мелёхин, 2022).

В подходе Пьера Марти только сексуальные влечения (первая теория влечений З. Фрейда) проявляют динамическую силу в пользу построения индивидуального существа в смысле эволюции и до его психического эволюционного конца. Индивидуальные движения влечения смерти, по мысли П. Марти, являются следствием мгновенного или продолжительного сбоя, всегда травматического происхождения, индивидуальных движений жизни, поддерживаемых сексуальными влечениями. Андре Грин не согласен с П. Марти, который не хотел применительно к «действию влечений» использовать термин «либидо» – его он считал слишком ограниченными для психического функционирования в случае оперативного мышления. Тем не менее Клод Смаджа (*Aisenstein, Smadja, 2017*) считает, что, несмотря на терминологические различия, существуют параллели между саморазрушением у З. Фрейда, прогрессирующей дезорганизацией П. Марти и деобъектализацией у А. Грина. Объектализующая функция последнего переключается с вкладом парижской школы, где описаны процедуры самоуспокоения и императив «вернуться к спокойствию» (*Aisenstein, Smadja, 2017*). Деобъектализующая функция является следствием влечения к смерти, которое имеет тенденцию молча восстанавливать прежнее состояние путем постепенного уничтожения психических образований и механизмов соматической регуляции – радикальный способ избежать оплакивания или пробуждения «чувства самоисчезновения Я» (*Green, 2007*), сопровождается угасанием влечений и возвращением к спокойной обстановке. У А. Грина первичная деобъектализация возникает при отсутствии галлюцинации объекта. Последователи П. Марти – М. Айзенштейн и К. Смаджа (*Aisenstein, Smadja, 2017*) – рассматривают операционные и пограничные состояния как клинические формы из-за разной степени негативности психического функционирования и предлагают заменить концепцию психосоматической структуры концепцией присутствия у одного и того же субъекта нескольких разных видов психического функционирования. Если либидинальные побуждения устранены или психическая работа недостаточна, бессознательное представление вещей в основе психической жизни может быть атаковано деструктивными побуждениями; это чревато отменой репрезентанта, следствием чего – как и для А. Грина – является внезапный выброс в тело. Эту гипотезу можно сравнить с концепцией Пьера Марти (*Marty, 1990*) о неправильности психического функционирования в области невротического характера, а также с концепцией невротической надстройки, маскирующей психотическое ядро в некоторых формах личности ложного Я у Д. Винникотта.

Андре Грин критиковал П. Марти за то, что последний не до конца реализовал потенциал второй теории влечения З. Фрейда – влечение (к) жизни, влечение (к) смерти. Грин обогатил данную теорию фундаментальными

теоретическими расширениями, которые подкрепляют и придают смысл работе негатива: *объективирующая функция влечения к жизни и деобъективирующая функция влечения к смерти* (Delourmel, 2013).

Гипотезы о психосоматических процессах, развитые А. Грином, составляют связную совокупность, ориентиром которой является работа негатива, а значимой направленностью является *деобъективирующая функция влечения к смерти*. Этот набор прослеживает контуры эвристической метапсихологии, которая позволяет сделать понятными психосоматические факты, наблюдаемые в результате аналитического лечения.

Теоретический вклад Андре Грина в понимание своеобразной игры влечений к жизни и смерти и их роли в функционировании психических процессов является фундаментальным, поскольку он проясняет и углубляет функции двух категорий конкурирующих влечений.

Теоретические положения Андре Грина основаны на двух допущениях:

- источником влечения является тело, но оно проявляется при встрече с ним как с *объектом*. Это то, что заставляет А. Грина утверждать, что объект выявляет влечение. Это придает объекту субъективное значение, определяющее влечение *après-coup*. Оценивается существенное несоответствие между значением, приписываемым объекту в концепции Грина, и общими значениями, поддерживающими объект в существующем состоянии и в чистой объективности;

- 3. Фрейд определил функции, соответствующие двум группам влечений, приписывая механизм связи влечениям к жизни, а механизм разъединения – влечениям к смерти. Однако, верный своему дуализму, он утверждает, что *ни один психический феномен не является результатом одного влечения*. А. Грин несколько не согласен с этим определением Фрейда, указывая на то, что влечения к жизни представлены последовательностью механизмов соединения, разъединения и повторного соединения, тогда как влечения к смерти представлены исключительно механизмом разъединения. Именно из этих двух предположений Грин формулирует свою *гипотезу драйвов* – о соответствующих функциях влечения жизни и смерти, а также гипотезы с большим потенциалом для понимания всех нормальных и патологических психических процессов.

А. Грин (2010) отстаивает идею о том, что влечения к жизни, по существу, направлены на обеспечение объективирующей функции. Это не означает, что их роль заключается только в установлении отношений с объектом («внутренним» и «внешним»), но также в том, что они могут преобразовывать структуры в объект, а также могут возводить в категорию объекта то, что не обладает какими-либо его качествами, при условии сохранения значительных вложений в психическое функционирование. Это определение *объективирующей функции* влечения к жизни подчеркивает существенную роль, отведенную сексуальным влечениям

в процессах преобразования объектов. С другой стороны, для Грина инвестиции – это носитель смысла, который дает им возможность превратить не-объект в объект; а этот объект, в свою очередь, обнаружит влечение *après-coup*, идентифицируя его и придавая ему смысл.

Влечение к смерти, напротив, по А. Грину (2010), должно было бы стремиться выполнять *деобъектализующую функцию* посредством отстранения. Эта деталь позволяет нам понять тот факт, что нападению подвергаются не только отношения с объектом, но и все его *заменители* – например, Я. На самом деле большую часть времени мы наблюдаем параллельное функционирование деятельности, связанной с двумя группами влечений. Само проявление деструктивности влечения к смерти – это *расплата*.

Мы должны хорошо понимать, что деинвестирование, составляющее основу работы деобъектализующей функции влечения к смерти, – это не просто изъятие инвестиций из объекта с последующим их переносом на другой объект. Это *истинный процесс смерти*, при котором всякое значительное вложение разбивается и лишается своего жизненного содержания, чтобы в конце концов прийти к *фрагменту психической смерти*. Теперь мы можем приблизить определение *деобъектализующей функции* к определению процессов *дезорганизации* (по Пьеру Марти, 1990), которая представлена в своей основе аннулированием всех психических образований.

В самом деле, сам Пьер Марти признавал родство его концепции смертельного движения психического, а затем и соматического характера с концепцией Андре Грина, выраженной в деобъектализующей функции влечения к смерти:

«Мы находим, – пишет Пьер Марти, – движение, параллельное движению нашей мысли, у Андре Грина, особенно когда в психоаналитической дискуссии о влечении к смерти он описывает понятия объектализующей функции посредством *связывания* и деобъектализующей функции посредством *развязывания*» (Marty, 1990).

Остается только один шаг, который мы и сделаем: считать, соглашаясь с Андре Грином, что большая часть психических свойств соматических пациентов, особенно с тяжелой соматической дезорганизацией, доступна для клинического и теоретического понимания из модели *деобъектализующей функции влечения к смерти*. Именно в этом смысле для Грина работы парижской психосоматической школы (опературное мышление, эссенциальная депрессия, регрессивная десублимация, прогрессирующая дезорганизация, предсознательная патология и др.) представляют собой ценный вклад в размышления над этим вопросом и, кажется, подтверждают гипотезу деинвестирования и деобъектализующей завершенности влечения к смерти.

В статье, написанной в июле 2007 года, «*Пульсация деструкции и соматические заболевания*» (Green, 2007), А. Грин предлагает метапсихологическую разработку основных психосоматических процессов, основывая

свои размышления на клинической работе. Эта разработка – самая глубокая и самая новаторская, которую он представил в области психосоматики. Это приводит к представлению метапсихологической гипотезы, которая должна объяснить, в непосредственной близости от психосоматической клиники, психические процессы, играющие роль в состояниях *дементализации* у соматических пациентов. Эта гипотеза особенно хорошо иллюстрирует, на наш взгляд, *работу деобъектализующей функции влечения к смерти в области психосоматики*.

Рефлексия Андре Грина в этом направлении развивается в три этапа (Jaeger, 2017).

- Сначала Грин пытается синтезировать разрозненные и разнообразные аспекты *клиники соматических пациентов*. Разобравшись с существованием ложного Я, чуждой воли в Я пациента, бесконечным горем или «посттравматической нарциссической тампонадой», он признает, что ни одна из этих гипотез его не убеждает. А. Грин утверждает, что каковы бы ни были предполагаемые возможности, им не хватает того, что их проявление не позволяет заподозрить поиск другого отсутствующего. Скорее мы будем иметь дело с отсутствием потенциального единства того, на кого направлена деятельность, без нашего понимания формы существования, которая из этого вытекает. И это отсутствие есть не что иное, как отсутствие субъекта как истинного полюса адресации обмена. В этом случае мне кажется, что связь – как бы иллюзорна она ни была, – инстинктивной воли, дающей субъективной основе очертания характера, как бы отсутствует. Не потому, что деятельность бессвязна, а потому что она обнаруживает фундаментальный изъян, который на самом деле мешает ей занять свое место в качестве влечения. Ему не хватает доступа к потенциальности, которая была бы связана с желанием, со ссылкой на другого (Грин, 2007, с. 51).

- А. Грин обнаруживает фундаментальный недостаток у этих пациентов – *неспособность конструировать субъективность*. Согласно Грину, если отсутствует субъект, то это потому, что отсутствует объект. И поэтому конструкция субъекта и конструкция объекта становятся неразделимыми. Субъект и объект конструируются и приобретают значение вместе в последовательных и круговых отношениях после переворота. Это приводит Грина к тому, что он называет обзором концепции влечения. В основе пересмотра Андре Грином теории влечения З. Фрейда лежит понятие «работы влечения». Здесь мы видим построение и смысл работы влечения как медленного трансформационного процесса, осью которого является встреча двух разнородных элементов из разных источников: количества движущейся энергии от тела и объекта от внешнего мира.

В этом экономико-динамическом виртуальном пространстве, где развиваются процессы трансформации влечений, мы можем концептуально поместить понятие ментализации (П. Марти), как оно было задумано основателями психосоматической школы в Париже. Напомним, что для П. Марти функциональное значение репрезентации определялось способностью интегрировать энергию влечений пациента в психические формы

посредством набора перцептивных черт. Пьер Марти (1990) использовал метафору *анатомической ткани* для обозначения богатства предсознательного («толщины предсознательного»).

- Работа функции деобъектализации влечения к смерти. Центральная идея заключается в разделении двух разнородных элементов, которые и составляют пару, формирующую влечение. И именно это расхождение между движущейся величиной, исходящей от тела, и набором перцептивных следов, исходящих от объекта и имеющих свои источники во внешнем мире, обнаруживает медленную и глубокую работу деобъектализующей функции и деинвестицию, которую она несет в себе.

Заключение

Работы П. Марти и А. Грина способствовали фундаментальным концептуальным изменениям, которые обогатили психосоматический подход. Концептуальная структура, в рамках которой Андре Грин предлагает свое понимание психосоматических фактов, является *работой негатива*. Именно в этих рамках он изложил свои гипотезы о психосоматических процессах, все они основаны на действии *влечения к смерти* и его *деобъектализующей функции*.

Мы можем наблюдать у А. Грина и П. Марти параллельную эволюцию мысли (хотя в случае Марти она более ранняя и сформулирована совершенно другим теоретическим языком) через их гипотезы о процессах соматизации, клинических констелляций патологического нарциссизма, которые выражаются в форме характера, поведения, нементализации, описанной Грином, и некоторых более головокружительных прогрессирующих расстройствах, могущих привести к смерти, которыми интересовался Пьер Марти. И то и другое можно рассматривать как разные судьбы глубоких и преждевременных изъянов нарциссических основ самости, препятствующих построению психического функционирования материнской роли психоаналитика. Великий пионер в изучении нарциссизма, А. Грин дополнил мысль П. Марти, определив обрамляющую структуру матери, негативную галлюцинацию, лежащую в основе психического функционирования и автономии мышления. Анализ психосоматического пациента вслед за А. Грином заключается не в полном понимании, а в укреплении третичных процессов, целью которых является объединение первичных и вторичных процессов. Это подчеркивает важность работы по связям репрезентаций. Психоанализ – это материнская забота о психике пациента – до тех пор, пока отсутствуют третичные процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грин А. Работа негатива. Психоаналитическая работа, фокусированная на концепте негатива. Киев, 2020. 488 с.
2. Мелёхин А. И. Психоаналитическая психосоматика. Идеи Андре Грина: от теории к практике. ЛитРес Москва, 2022. 110 с.

3. Aisenstein M. C., Smadja. Destins d'une rencontre. Andre Green // Revue française de psychosomatique. 2017. Vol. 52. P. 5–28.
4. Deburge Anne. André Green's ideas about the psychosomatic: Highlights of a debate // Revue française de psychosomatique, 2017. Vol. 52. № 2. P. 73–86.
5. Delourmel Christian. An introduction to the work of André Green // The International Journal of Psychoanalysis, 2013. Vol. 94. № 1. P. 133–156.
6. Donnet J.-L. et Green A. L'Enfant de a, Paris, Minuit, 1973. P. 263.
7. Duparc François. Considering the psychosomatic with the concepts of André Green // Revue française de psychosomatique. 2017. Vol. 52. № 2. P. 125–134.
8. Green A. La notion de crise en psychosomatique. Discussion de la présentation de Diane L'Heureux-Le Beuf // In Revue de psychosomatique. 1998. № 13. P. 55–68.
9. Green A. Pulsions de destruction et maladies somatiques // In Revue française de psychosomatique. 2007. № 32. P. 45–70.
10. Green A. Thoughts on the Paris school of psychosomatics // In Aisenstein, M.; Aisenberg, E. R. Psychosomatics today. London: Karnac books, 2010.
11. Jaeger Philippe. Between André Green and Pierre Marty, the psychosomatic // Revue française de psychosomatique. Vol. 52. no. 2, 2017. P. 29–48.
12. Marty P. L'Ordre psychosomatique. Paris, Payot, 1980. 149 p.
13. Marty P. La Psychosomatique de l'adulte. Paris, Puf, Que sais, 1990. 210 p.

Connections of the theory of Pierre Marty and Andre Green on the issue of psychosomatic functioning

A. I. Melehin

Melehin Alexey I., PhD, associate professor, psychoanalytically oriented psychotherapist, clinical psychologist of the highest qualification category, somnologist.

The article shows that the areas of borderline states and psychosomatic disorganization, developed in parallel by Andre Green and Pierre Marty, differ from each other from the point of view of the clinic and psychoanalytic theory, but, on the other hand, consist in kinship relations, which both authors emphasized with reference to the psychoanalytic model of Maurice Bouvet, especially on the neurosis of depersonalization. It is shown that A. Green interpreted the concepts of "operatural thinking", "essential depression", "mental and somatic disorganization" as forms of radical negativity. The scheme of the work of the negative can be contrasted with the scheme of mentalization adopted in the concept of Pierre Marty. The connection between the work of the deobjectifying function of the death drive, failure in mentalization and dementialization is traced. It is shown, following P. Marty and A. Green, that psychoanalysis of a psychosomatic patient is a maternal concern for the patient's psyche by linking representations as long as there are no tertiary processes.

Keywords: psychosomatic functioning, mentalization, dementialization, negative work, psychosomatic disorganization, attraction.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Негативная способность основателя стартапа и ее влияние на развитие молодой компании

**С. В. Красильников,
Е. В. Джабар-Заде**

Красильников Сергей Вячеславович – магистр психологии НИУ ВШЭ, врач-кибернетик, РНИМУ им. Пирогова, 20-летний опыт управленческой работы в крупном промышленном и инвестиционном бизнесе, в том числе в венчурной индустрии.

Джабар-Заде Екатерина Викторовна – магистр психологии НИУ ВШЭ, организационный психолог, психодинамический организационный консультант и коуч, преподаватель магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член и сертифицированный профессиональный бизнес-коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК). Более 20 лет опыта работы с руководителями первого, среднего и высшего звена, командами, топ-талантами, внутренними тренерами, коучами и экспертами по развитию персонала в крупных российских и международных компаниях.

Жизнь современного общества находится в постоянном процессе крайне важных изменений, которые происходят с удивительной скоростью и носят непредсказуемый характер. VUCA-концепция¹, не успев проявить все свои качества, сменилась BANI-концепцией², каким будет следующий актуальный акроним, не знает никто. Бизнес-ландшафт содержит такие области, как стартапы, которые и ранее

¹ В конце 80-х годов прошлого века начал применяться подход, а следом и акроним VUCA. *Volatility* – изменчивость, *uncertainty* – неопределенность, *complexity* – сложность, *ambiguity* – двусмысленность (Новиченкова, 2022).

² С подачи Д. Кашио (*Cascio*, 2020) возникают новый акроним и новая модель для описания реалий сегодняшнего дня BANI: *Brittle* – хрупкий, *anxious* – тревожный, *nonlinear* – нелинейный, *incomprehensible* – непонятный/непостижимый.

характеризовались крайне высокой неопределенностью, а в настоящее время «сконцентрировали» почти все возможные типы рисков. Проводя аналогию с биологическими системами, их можно сравнить с миллионами икринок, из которых выживут, превратятся во взрослых особей в лучшем случае тысячи. По статистике не более 1% стартапов становятся «единорогами»³, а 90% терпят неудачу (Тыркба, 2022).

Тем не менее именно стартапы как основной двигатель развития бизнеса остаются в центре внимания. Частные венчурные фонды, бизнес-ангелы, широко распространенные внутрикорпоративные «инкубаторы», «акселераторы», государственные институты развития будут наращивать инвестиции в поисках «единорогов». В свою очередь, качество экспертизы проектов для инвестирования оставляет пока желать лучшего. Зачастую основатели и сооснователи (фаундеры и ко-фаундеры) стартапов при принятии инвестиционных решений оцениваются по формальным признакам и на уровне личных симпатий/антипатий.

Основатели стартапов, работая в условиях неопределенности, могли бы существенно нарастить свою эффективность, развивая в себе негативную способность, которая связана с такими важными качествами, как эмоциональная устойчивость самого лидера и его команды, а также креативность и адаптивность к частым изменениям условий рынка.

Ключевые слова: негативная способность, стартап, влияние собственника, неопределенность.

Новая реальность, или Неопределенность навсегда

Современный мир, а вслед за ним и бизнес-среда кардинально меняются на наших глазах. По данным исследований, среднее время жизни компаний продолжает неуклонно снижаться (Viguerie, Calder, Hindo, 2021). «Черные лебеди»⁴, которые недавно только изредка появлялись и подрывали устойчивую и предсказуемую внешнюю среду, теперь практически поселились в нашем мире. Похоже, что неопределенность и непредсказуемость стали новой нормальностью.

Современный мир с наступлением 20-х годов текущего века стал кардинально другим из-за волны пандемий и идущих один за другим кризисов. Трансформация акронимов (от VUCA к BANI) отражает, с определенными допущениями, трансформацию ключевых параметров модели нашего мира: нестабильное стало хрупким, неуверенность переросла в тревожность, сложность приобрела черты нелинейности, а то, что ранее воспринималось неоднозначным, стало непостижимым.

³ В бизнесе «единорог» – это частная стартап-компания стоимостью более 1 миллиарда долларов США. Этот термин был впервые опубликован в 2013 году и придуман венчурным капиталистом Эйлин Ли (Lee, 2013).

⁴ Труднопрогнозируемые и редкие события, которые имеют значительные последствия. Автор теории – Нассим Николас Талеб (Талеб Н., 2012).

Не менее увлекательно наблюдать за информационными потоками, которые обрушиваются на нас. В далеком уже 2006 году британский математик и эксперт в области анализа данных Клайв Хамби выдал мысль, ставшую в то время лозунгом новой реальности: «данные – новая нефть», – и здесь важно понимать, что в «сыром виде» эти данные (как и нефть) почти непригодны для использования. С одной стороны, мы имеем избыток информации, с другой стороны, этой информации явно недостаточно для принятия бизнес-решений.

Стремительные перемены побудили к развитию даже неповоротливых «китов» экономики, а именно банки, телеком, государственные сервисы и логистические компании. Осознание необходимости трансформации перерастает в деятельность по генерации новых бизнес-идей, которые и призваны воплотить в жизнь стартапы.

Стартапы существуют в чрезвычайно изменчивой среде и для своего выживания обязаны быть чувствительными к изменениям и быстро адаптироваться к ним. Адаптация может носить различный характер – от небольших и тактических изменений до смены всей модели ведения бизнеса. «Одно из ключевых слов в Долине – "pivot". Оно означает быстрое изменение бизнес-модели – важнейшая черта мышления в Долине. Это одна из причин, почему Долина, несмотря на все сложности, цветет и пахнет – здесь легче реализовать pivot. Без pivot многие известные сейчас компании не выжили бы» (Кузьмин, 2020).

Широкое распространение получили внутрикорпоративные институты развития, типа акселераторов, инкубаторов, в которых одновременно отрабатывается множество гипотез, среди этих наработок проходит поиск компетенций и идей с потенциалом формирования преимущества перед конкурентами. Начинает возникать и развиваться государственная инфраструктура институтов развития (РВК, фонды Сколково, Бортника, ФРИИ и т. п.). Роль и место стартапов в качестве авангарда технологического развития бизнеса всех форм собственности, похоже, будут только усиливаться.

Текущая реальность требует пересмотра подходов к ведению бизнеса, а также требуемых компетенций для того, чтобы быть успешным в текущих реалиях.

О негативной способности

Неудивительно, что именно из среды поэтов родилась идея об особенном состоянии человеческой психики, в котором требуется пребывать поэту для получения доступа к новым, свежим рифмам, идеям. «<...> Кое-что у меня в голове прояснилось – и вдруг меня осенило, какая черта прежде всего отличает подлинного мастера, особенно в области литературы (ею в высшей мере обладал Шекспир). Я имею в виду негативную способность – а именно то состояние, когда человек предается сомнениям, неуверенности, догадкам, не гоняясь нудным образом за фактами и не придерживаясь трезвой рассудительности <...>» (Бион, 2010, с. 181).

Оригинальность идеи, озвученной Дж. Китсом в 1817 году, состояла в выявленной *необходимости* выдерживать это состояние и использовать его себе во благо. Необходимости находиться в неопределенностях и тайнах, не достигающих факта и разума (Rizi, 2019). Не убегать мыслями по известным, проторенным маршрутам, а, столкнувшись с тревожащей неизвестностью, принять это состояние и пребывать в нем, прислушиваясь к собственным ощущениям и возникающим из ниоткуда мыслям и идеям.

Негативная способность в контексте творчества может быть определена через особую восприимчивость к себе и миру, внутреннюю открытость и гибкость, влечение к новизне, чувствительность к дискретным восприятиям и наблюдениям (Rubin, 2003). Пронизывающая всю нашу жизнь неопределенность не оставляет практически ни единого шанса на выживание устоявшимся системам, в том числе системам получения новых знаний о мире. Негативная способность может послужить опорой при решении такого рода задач (Unterhalter, 2016).

Надо сказать, что неопределенность в той или иной мере стала предметом интереса большинства наук о человеке. И по мере нарастания турбулентных процессов неопределенность неизбежно затрагивает все аспекты жизни изменяющейся личности в изменяющемся мире. Зачастую для большинства людей определенность картины мира существенно важнее ее истинности (Леонтьев, 2015). Способность и готовность упрощать помогает человеческой психике справиться с зачастую слишком объемными задачами. Вместе с тем наш разум способен объяснить все, но не способен принять непредсказуемость (Талеб, 2012). В своей работе Талеб советует присмотреться к такой особенности психического аппарата, как «антихрупкость», которая «состоит в том, что она позволяет нам работать с неизвестностью, делать что-то в условиях, когда мы не понимаем, что именно делаем, – и добиваться успеха» (Талеб, 2014, с. 22). У этого состояния много общего с негативной способностью, хотя бы в части пребывания в состоянии «непонимания».

Психическая готовность к принятию неопределенности выступает в качестве маркера способности пребывать в состоянии открытости к новому. Здесь уместно было бы провести аналогию между состоянием «негативной способности и феноменом измененных состояний сознания (ИСС). «ИСС – это состояния, в которых изменяются ощущения, восприятия, эмоции и когнитивная сфера» (Россохин, 2009, с. 5). Далее в этом источнике: «...рефлексивная работа в ходе погружения в ИСС с проявляющейся символической презентацией, личностными содержаниями (т. е. образом личности, с которым отождествляет себя Я во время переживания конфликта, и частью личности, ранее не осознававшейся) и их взаимодействием друг с другом и есть механизм их интеграции в более целостный образ Я, характеризующийся новыми, реорганизованными способами и формами рефлексии, эмоционального восприятия и взаимодействия как с психической, так и с внешней реальностью» (Россохин, 2009, с. 5).

Надо сказать, что исследованию проблематики измененных состояний сознания, в частности особенностей функционирования психики в таких состояниях, уделялось много внимания на протяжении всей истории

человечества. Важным аспектом этого явления является множественность способов взаимодействия с этими состояниями (от практик дзен-буддизма на Востоке до опытов с химическими веществами, влияющими на состояние психики, на Западе).

В психоаналитической парадигме неопределенности и связанным с ней состояниям уделяется большое внимание. Более того, способность быть в таком состоянии считается неотъемлемым навыком профессионального психоаналитика, психоаналитического терапевта, психоаналитического коуча и психодинамического организационного консультанта, именно эта способность позволяет открыть доступ к тому, к чему сложно подходить, используя позитивные способности⁵.

«Равномерно парящее внимание», по мнению З. Фрейда, достигается, если устранить все сознательные воздействия на свою способность замечать и целиком довериться своей «бессознательной памяти», или, говоря технически, слушать и не заботиться о том, замечаешь ли ты что-нибудь (Фрейд, 2021). В данном контексте важно, что бессознательное выступает в виде самостоятельного инструмента восприятия.

У. Бийон говорит о необходимости выдерживать болезненные ощущения смятения, незнания, не выбирать более простой вариант «очевидного ответа», как минимум упуская возможность получения неочевидного решения двусмысленной ситуации.

Интересна современная модель Р. Бренд (*Brand, 2016*), в ней она описывает негативную способность как совокупность некоторых принципов или способностей: создание креативного пространства, самосознание, контейнирование, саморефлексия, «отпускание» и «проявление». Понимание составляющих негативной способности дает возможность для их развития. Оно также показывает взаимосвязь негативной и позитивной способности.

Таким образом, прикладное значение негативной способности в ситуации неопределенности возрастает, а традиционный инструментарий в виде позитивных способностей отходит на второй план и ждет своего часа. В связи с этим задача развития негативной способности у фаундеров бизнеса становится крайне актуальной.

Негативная способность основателя стартапа

Личность лидера, основателя стартапа, во многом определяет психическую реальность организации и является источником выживания и развития либо краха. И важным аспектом практики лидерства является

⁵ Лидерство, как правило, рассматривается с точки зрения положительных способностей, тех качеств и черт, которые позволяют человеку осуществлять решительные действия даже перед лицом неопределенности. Позитивная способность поддерживает «решительные действия», негативная способность поддерживает «реактивное бездействие», то есть умение лидера сопротивляться действиям, которые носят защитный характер (действия ради действия) и не приводят к решению задачи (*Simpson, French and Harvey, 2002*).

негативная способность, которая включает в себя терпение и умение выдерживать разочарование и беспокойство. Эта способность может помочь лидеру сохранить возможность мыслить в настоящий момент, даже в условиях неопределенности (*Simpson, French, 2006*).

Опираясь на модель Р. Бренд «принципы негативной способности» и модифицируя ее, можно сказать, что для успешного развития стартапа фаундеру необходимо обладать достаточно сильно развитыми способностями к контейнированию, креативу и адаптации. То есть успешное воспроизведение цикла «контейнирование – креатив – адаптация» является залогом выживания стартапа. Далее будут рассмотрены психоаналитические аспекты вышеуказанных способностей и их влияние на функционирование стартапа.

Креативность фаундера. Важно отметить, что сам термин «негативная способность» Д. Китса изначально относился к поэтическому творчеству и был применен в процессе рефлексии, связанной с творческим озарением, состояниями, которые следует культивировать в себе творческим людям.

«В мире, где нет неопределенности, нет творчества, неожиданности и развития» (Жибо, Россохин, 2022, с. 24). Наиболее продуктивным вариантом позитивного отношения к неопределенности является отношение к ней как к новой возможности. Стартапы создаются и развиваются, как правило, когда их основатели видят возможность удовлетворения платежеспособного спроса на продукт стартапа. Креативность лежит в самой основе появления и развития стартапа, так как креативность основателя рождает саму идею появления нового бизнеса. Соответственно, малореальным представляется запуск стартапа, начало нового бизнеса человеком с неразвитыми креативными навыками. Концепции творческого лидерства говорят о том, что творчество располагается на границе определенности и неопределенности, именно там, где так важно и сложно сохранять баланс в работе (*French, Simpson, Harvey, 2009*).

3. Фрейд в своей работе рассуждает об источниках творческого начала, а именно о процессе сублимации, «при котором исключительно сильным возбуждением, исходящим из отдельных источников сексуальности, открывается выход и применение в других областях, так что получается значительное повышение психической работоспособности из опасного самого по себе предрасположения» (Фрейд, 2012, с. 88).

Р. Мэй выдвигает тезис о том, что для того, «чтобы оригинальная идея могла проявиться, сознание нуждается в ослаблении внутреннего контроля, в отдыхе, в погружении в фантазии и грезы» (Мэй, 2020, с. 25).

Одним из ключевых факторов лидерства фаундера и залогом выживаемости стартапа является способность создавать рефлексивные пространства, в которых люди получают возможность свободно говорить о том, что они думают относительно своей деятельности (идей, решений), как они видят свою роль, с какими переживаниями себя находят и почему. Исследование этой эмоциональной, зачастую скрытой части жизни дает возможность родиться новому разговору, в котором будет увидено что-то

по-новому, а значит, и найдено что-то новое, то, чего не было в прежних рациональных бизнес-встречах.

Способность к контейнированию. Термин «контейнирование» был введен британским психоаналитиком У. Бином (1897–1979), предложившим модель «контейнер и контейнируемое». «Контейнируемое – это то, что проецируется, нуждается в эвакуации, как правило, это негативные осознанные и бессознательные переживания. Контейнер – это объект, вмещающий в себя контейнируемое» (Джабар-Заде, 2020, с. 137). В ситуации эмоционального напряжения, связанного с вызовами, реальными или ожидаемыми сложностями и неудачами, способность лидера к контейнированию и созданию контейнирующей среды помогает перерабатывать негативные переживания и освобождать человеческий ресурс для интеллектуальной работы. Одной из причин, мешающей фаундеру признавать неудачи и ошибки, является страх деморализовать свою команду. В то время как предупредительной мерой, позволяющей выявлять потенциальные ошибочные действия на ранних стадиях, может быть готовность говорить о сомнениях, неудачных сценариях, встречаться со своими страхами. Замалчивание тревоги гарантированно приведет не только к бессмысленной потере ресурсов и потенциальной катастрофе. В таких случаях полезнее жертвовать своей «безошибочной» репутацией, чем бизнесом (Рис, 2014).

Особую важность в наше время приобретают вопросы внедрения изменений. Зачастую своевременные и востребованные в организации перемены вызывают неожиданное сопротивление, что несет в себе противоположный, негативный эффект. Теория систем социальных защит, исследования организационных изменений Д. Кранца позволяют предположить, что потеря существовавших организационных защитных механизмов и неясные перспективы будущего ослабляют способности сдерживания эмоциональных состояний с большим потенциалом разрушения (Романько, Раздухова, Шаповалова, 2021).

Если рассматривать ситуацию с точки зрения успешной или неудачной утилизации рисков, можно обратиться к идеям Л. Хиршхорна и его позиции относительно эффективного и неэффективного контейнирования тревоги в организации. Особую важность в возможностях развития организации приобретает базовая задача лидера по контейнированию и управлению тревогой в организации (Шаповалова, 2020). Контейнирование может осуществляться через адаптивную организационную структуру и помочь выживанию стартапа в условиях тотальной неопределенности (Рис, 2014). В случае когда возможности для структурного контейнирования ограничены, это «<...> усиливает необходимость обязательного контейнирования со стороны руководителя, то есть в матричной структуре еще большее значение приобретает лидерское контейнирование» (Krantz, 1989).

Адаптивность. «Стартап – это предприятие, а не только продукт. Поэтому ему нужен менеджмент нового типа, специально адаптированный к условиям чрезвычайной неопределенности» (Рис, 2014, с. 28). Адаптация является ключевой компетенцией стартапа на всем протяжении

его жизненного цикла. Причем масштаб изменений, которые происходят в стартапе в процессе его существования, может быть самым разным.

Роль негативной способности состоит в поддержании состояния готовности к принятию нового, незнакомого (информации, идеи, объекта). Чтобы принять новое, начать процесс формирования новых связей, порой необходимо расстаться со старыми связями, идеями, концептами и т. д. «Отпустить старое» с точки зрения психоанализа – это проделать работу горя по отношению к объектам, с которыми предстоит расстаться. Соответственно, не располагая способностью «горевать», человек вряд ли сможет полноценно погрузиться в процесс поиска и нахождения чего-то нового, и это основа не только для адаптации, но и для креативности.

Согласно идеям М. Кляйн, в процессе развития и формирования психики наиболее существенное влияние на способность и особенности прохождения работы горя индивидуума оказывают как минимум два этапа: 1) этап перехода субъекта из параноидно-шизоидной в депрессивную позицию, по сути отделение субъекта от первичного материнского объекта; 2) прохождение субъектом эдипальной стадии – преодоление эдипова комплекса и признание отдельности родительской пары (Кляйн, 2007). Вышеупомянутые концепции предполагают, что если младенец способен выдерживать состояние неопределенности, справляться со страхом потери одного или обоих родителей, получать положительный опыт разрешения внешней ситуации, когда его тревоги и опасения не подтверждаются, интернализированные объекты доказывают свои положительные качества и устойчивость, то ребенок обретает уверенность в своих способностях. Ребенок, который способен выносить фрустрацию и неприятные переживания, возникающие в процессе тестирования реальности, и в дальнейшем будет обладать большей эмоциональной устойчивостью в ситуации неопределенности и неизвестности.

В основе процесса адаптации лежит процесс формирования новых связей между объектами, которые не могут быть полноценно и экологично сформированы, пока существуют связи с объектами «старыми». Поэтому можно предположить, что развитая негативная способность, способность к адаптации есть следствия способности субъекта проделывать работу горя.

Эмпирическое исследование влияния негативной способности основателя на жизнь и развитие стартапа

Предприниматели в силу особенностей собственного образования и жизненного опыта могут наделять понятия «контейнирование», «креативность», «адаптивность» собственными значениями, что, с одной стороны, может помочь выявить малозаметные нюансы, свойственные именно фаундерам, с другой стороны, может сузить границы исследования до уровня понимания фаундерами конкретного термина и лишить нас возможности без дополнительных уточнений обнаружить потенциально важные проявления негативной способности фаундера.

В качестве *объекта* исследования были выбраны фаундеры стартапов: эта группа основателей стартапов решает множество проблем – от генерации бизнес-идеи, подбора и расстановки ключевых сотрудников до организации финансирования за счет собственных и привлеченных средств. Успешными для целей исследования были определены такие стартапы, которые в ходе своего развития были полностью либо частично реализованы и как минимум не принесли убытков своему фаундеру. В исследовании приняли участие 10 респондентов, каждый из них имел два-три успешных стартапа. Все респонденты являлись основателями стартапов, входили в капитал стартапов «живыми деньгами», делились долей с ключевым персоналом и кофаундерами, руководствуясь своими представлениями о стратегии развития стартапов. Следует отметить некоторые сложности с подбором фаундеров для исследования и то, что, возможно, эти сложности были обусловлены событиями начала 2022 года. Большое количество потенциальных респондентов решало на тот момент массу проблем с актуальными бизнес-проектами.

Изначально планировалось провести интервью в формате личной встречи. *Предметом* исследования являлась негативная способность фаундеров стартапов, которая проявляется через способность к контейнированию, креативности, адаптивности и имеет потенциально важное значение для выживаемости стартапов. В качестве *метода* исследования было выбрано интервью, которое проводилось очно и онлайн, предполагало наличие логически выстроенных открытых и закрытых вопросов, глоссария терминов. Данный формат позволял исследовать возникающие в процессе диалога темы и идеи, которые могли быть упущены исследователями на этапе подготовки. Все вопросы были озвучены непосредственно в процессе интервью, предварительное ознакомление с вопросами могло лишить респондента непосредственности и спонтанности.

Задачи исследования: 1) изучить качества, необходимые фаундеру стартапа, чтобы стартап был успешным; 2) исследовать значимость способности выдерживать неопределенность среди других необходимых фаундеру стартапа свойств; 3) исследовать значимость способностей к контейнированию, креативности, адаптивности.

Результаты исследования говорят о том, что значимость способности выдерживать неопределенность для успешного развития стартапа находится в приоритетной группе качеств фаундера вместе с такими позитивными способностями, как навыки стратегического и тактического планирования, реинжиниринга бизнес-процессов «на ходу», знание рынка и управление развитием продукта. Данный перечень компетенций полностью отражает функционал руководителя организации, с поправкой на специфику стартапа. Респонденты упоминали такие качества, как «способность принять на себя ответственность», «авантюристичность», «готовность принять риски», которые тоже можно в той или иной форме отнести к негативной способности. Так, «риск» определяется как действие, направленное на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности, угрозой потери, неуспеха (Мещеряков, Зинченко, 2002, с. 430). По сути, готовность к принятию риска из этого определения

можно тоже рассматривать как готовность пребывать в ситуации с неоднозначным исходом. Таким образом можно предположить, что негативная способность, если принять «рискованность» в качестве одного из ее проявлений, встречается в ответах всех опрошенных фаундеров стартапов. Средняя оценка способности выдерживать неопределенность – 8,6 из 10. Один из респондентов добавил, получив оценку 10 баллов, что «если 5, то лучше и не браться за стартап». Венчурный бизнес имеет специфику, и неудивительно, что фаундеры, в данном исследовании серийные предприниматели, могут иметь некую схожесть. Можно предположить, что именно негативная способность является одним из таких качеств похожести. Несмотря на серьезную турбулентность бизнес-среды на момент исследования (апрель 2022 г.), большинство фаундеров демонстрируют устойчивость, а некоторые – небольшой оптимизм в видении перспектив их текущих проектов.

Термин «контейнирование» не был известен фаундерам стартапов. После небольшого пояснения все респонденты отметили высокую важность данной способности – 9,8 из 10 – и привели примеры, когда ее проявление помогало им поддерживать работоспособность в командах стартапов. Интересно отметить эмоциональность фаундера в процессе интервью и обсуждения историй его контейнирования команды. Примеры успешного решения эмоциональных проблем команды вызывали у фаундеров ощущение гордости за успешно сделанную работу. Некоторые говорили о том, что «это и есть проявление лидерства».

Креативность неожиданно получила небольшое значение – 5,6, и это было важно исследовать. Во-первых, важность креативности фаундера связывается с той креативной работой фаундера, которая продлевается им до самого старта проекта (стартап). Во-вторых, похоже, само слово «креатив» в исследуемой возрастной категории наделено каким-то иным смыслом, потому что в процессе определения креатива как творческого и нешаблонного способа решения задач оценка данного качества возрастала. В-третьих, креативность оказалась тем качеством, которое связано с навыками управления, а именно распределением ролей и зон ответственности в стартапе для максимальной полезности команды и ее руководителей. И эту мысль тоже интересно поддержать и развить с точки зрения неопределенности, человек по своей сути – это черный ящик, и работа с людьми требует способности выдерживать неопределенность, ведь мы не можем до конца знать, как будут восприняты наши слова и действия другими людьми.

Крайне высокую значимость получает адаптивность фаундера – 9,9 из 10. «Адаптируйся или умирай» – одна из фраз фаундера. Адаптироваться фаундерам приходится к разным по масштабу внутренним и внешним факторам среды. Респонденты говорили о том, что при создании стартапа невозможно просчитать все возможные обстоятельства, что стартап должен постоянно адаптироваться под сотни меняющихся факторов, в противном случае он обречен. Как уже подчеркивалось, в ответах респондентов «звучали» разные способы адаптации – от небольших технических изменений до кардинального изменения бизнес-модели и стратегии развития.

В процессе интервью часто обсуждалась тема так называемых приобретенных полезных качеств в процессе работы со стартапами. Список этих полезных качеств фаундера достаточно широк, и нет смысла их перечислять в этой статье, но стоит отметить процесс, благодаря которому происходит это пополнение арсенала полезных качеств – он всегда происходит через столкновение с неожиданностью, решение нетривиальных задач, в ходе чего происходит открытие чего-то нового. Опираясь на теоретические идеи, изложенные выше, можно сказать, что этот процесс связан с негативной способностью. Респонденты делились тем, как они справлялись с подобными ситуациями неожиданности, «дискомфорта», «затянувшегося ожидания». Чаще всего в качестве способа защиты от дискомфортных ощущений, неопределенности использовались:

1) физическая активность, которая направлена не на поддержание физической формы, а на снятие тревоги и напряжения – «вышел пройтись вокруг офиса», «надо прогуляться», «решил пройтись пешком по лестнице, обычно езжу на лифте».

2) интеллектуальная активность, которая проявляется в поиске быстрого решения в виде уже проверенных, испытанных в других ситуациях способов. В качестве оправданий своих действий в таких случаях респонденты приводят аргументы «медлить нельзя, промедление в нашем бизнесе ведет к проигрышу».

Опираясь на эти ответы, стоит упомянуть о таком явлении, как рассеивание (*dispersal*) – это один из способов выдерживать неопределенность. В ходе интервьюирования подавляющее большинство (9 из 10) респондентов констатировали тот факт, что выдерживать состояние неопределенности сложно. И их реакция в виде физического и интеллектуального рассеивания может говорить о разном уровне развития негативной способности. Нидлман определил этот термин как альтернативу адекватной реализации негативной способности. Вместо того чтобы просто ждать, жить с неразрешимыми проблемами, сдерживать напряженность и тревоги и принимать парадоксы и дилеммы, желание действовать побуждает нас рассеивать наши энергии (Edmonstone, 2016). «Распыление» на объяснения, физическую активность или эмоции по сути представляет собой своеобразную защиту от пребывания в состоянии неопределенности, неоднозначности, тревожности.

Качественные данные, полученные в ходе эмпирического исследования, позволяют сделать вывод о том, что помимо позитивных способностей, которые традиционно считаются основой успешного лидерства, негативная способность фаундера также оказывает влияние на жизнь и развитие стартапа. Позитивные способности в виде быстрых действий обладают понятной привлекательностью, но в ситуации неопределенности порой оказываются неэффективными. Негативная способность развивает у лидеров эмоциональную устойчивость, искусство ждать, помогает не только удерживать, но и исследовать тревогу и переживания, открывать в процессе этого исследования нечто существенно новое и полезное для будущих решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бион У. (2010) Внимание и интерпретация. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2010. 192 с.
2. Жибо А., & Россохин А. В. (2022). Психоанализ во Франции. Время, рожденное для удивления. Журнал клинического и прикладного психоанализа, 3(1), 6–37. [Электронный ресурс] URL: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru/article/view/14191>
3. Кляйн М. Скорбь и ее связь с маниакально-депрессивными состояниями // Кляйн М. Психоаналитические труды. Ижевск, 2007. Т. 2.
4. Кузьмин И. (2020). Почему Кремниевая долина цветет, а Россия рискует остаться на обочине инноваций. Интервью с Ильей Стребулаевым, «Секрет фирмы». [Электронный ресурс] URL: <https://secretmag.ru/stories/pochemu-kremnievaya-dolina-cvetyot-a-rossiya-riskuet-ostatsya-na-obochine-innovacii-intervyu-s-ilyoi-strebulaevym.htm?ysclid=l374w8246t>
5. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. (2002). Большой психологический словарь. [Электронный ресурс] URL: <https://spbguga.ru/files/03-5-01-005.pdf>
6. Новицкова М. (2022). Культурный профиль россиян: путь от мира VUCA к миру BANI, доклад IPSOS, FLAIR RUSSIA 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/flair-russia/kulturnyy-profil-rossiyan-put-ot-mira-vuca-k-miru-bani>
7. Рис Э. (2014). Бизнес с нуля: Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели. М.: Альпина Паблишер, 2014. 423 с.
8. Романько Е. А., Раздухова А. В. & Шаповалова Е. В. (2021). О чем молчит организация: тайна и ее влияние на структуру и функционирование организации // Журнал клинического и прикладного психоанализа, 1(4). 108–141. [Электронный ресурс] URL: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru/article/view/12018>
9. Россохин А. В. (2009). Психология рефлексии измененных состояний сознания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. [Электронный ресурс] URL: <http://psy.msu.ru/science/autoref/doc/rossokhin.pdf>
10. Талей Н. (2012). Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012. 680 с.
11. Талей Н. (2014). Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2014. 770 с.
12. Тырква Х. Единороги или зебры: экзотическая фауна мира стартапов (2022). [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/finance/416000-edinorogi-ili-zebry-ekzoticheskaya-fauna-mira-startapov>
13. Фрейд З. (2021). Советы врачам при ведении психоаналитического лечения (1912). Проект «Весь Фрейд» (freudproject.ru) [Электронный ресурс] URL: <https://freudproject.ru/?p=924&ysclid=l37deszm76>
14. Шаповалова Е. В. (2020). Психодинамический подход к организационному развитию. Журнал клинического и прикладного психоанализа, 1(1), 126–146. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru/article/view/10842>

15. *Aileen Lee* (2013). Welcome to the Unicorn Club: Learning From Billion-Dollar Startups [Электронный ресурс]. URL: <http://tcrn.ch/16W72XG>
16. *Anderson B., Beuren I. M.* (2021). Fostering individual creativity in startups: comprehensive performance measurement systems, role clarity and strategic flexibility // *European Business Review*. 2021. Vol. 33. No. 6. P. 869–891. DOI 10.1108/EBR-11-2020-026
17. *Brand Regina* (2016). A qualitative research study about the application of Negative Capability in the leadership context – The discovery of a hidden diamond to cope with disruptive change [Электронный ресурс] URL: https://flora.insead.edu/fichiersti_wp/InseadEMCCCTheseswave19/84279.pdf
18. *Cascio J.* (2020). Facing the Age of Chaos [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d>
19. *Cbinsights* (2021). The Top 12 Reasons Startups Fail, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbinsights.com/research/startup-failure-reasons-top>
20. *Edmonstone John* (2016). Action learning, performativity and negative capability, *Action Learning: Research and Practice* [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/14767333.2016.1168735>
21. *French R., Simpson P. and Harvey C.* (2009). Negative capability: A contribution to the understanding of creative leadership. In: Sievers B., Brunning H., De Gooijer J. and Gould L., eds. (2009). *Psychoanalytic Studies of Organizations: Contributions from the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations*. Karnac Books. URL: <http://www.karnacbooks.com/Product.asp?PID=27704MATCH=1>
22. *Gunnlaugson Olen* (2021). «Developing Presencing Leadership Acumen through Five Negative Capability Informed Practices». *The Journal of Values-Based Leadership*: Vol. 14: Iss. 2, Article 5. Available at: <http://dx.doi.org/10.22543/0733.142.1369> Available at: <https://scholar.valpo.edu/jvbl/vol14/iss2/5>
23. *Krantz J.* (1989). The Managerial Couple: Superior-Subordinate Relationships as a Unit of Analysis, *Human Resource Management*, 28 (2): 161–176.
24. *Rizi H. S.* (2019). King Lear: A Negatively Capable Outsider <http://kata.petra.ac.id> DOI: 10.9744/kata.20.2.76-82 [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/330282563_King_Lear_A_Negatively_Capable_Outsider
25. *Rubin J.* (2003). Psychoanalysis and Creative Living, *Journal of The American Academy of Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry*, 31(2). 361–380.
26. *Simpson P., French R. and Harvey C.* (2002). Leadership and negative capability, *Human Relations*, 55(10). 1209–1226.
27. *Simpson P., French R.* (2006). Negative capability and the capacity to think in the present moment: Some implications for leadership practice. *Leadership*, 2 (2). pp. 245-255. [Электронный ресурс] URL: <http://dx.doi.org/10.1177/1742715006062937>
28. *Viguerie S. Patrick, Calder Ned, Hindo Brian* (2021). Corporate Longevity Forecast [Электронный ресурс] URL: https://www.innosight.com/wp-content/uploads/2021/05/Innosight_2021-Corporate-Longevity-Forecast.pdf
29. *Unterhalter E.* (2016). Negative capability? Measuring the unmeasurable in education, *Comparative Education*, DOI: 10.1080/03050068.2017.125494

The negative capability of a startup founder and how it affects a new company's driving force for growth

**S. V. Krasilnikov,
E. V. Dzhabar-Zade**

Krasilnikov Sergey V., holds a Master of Psychology, at the Higher School of Economics (HSE), is a cyberneticist, Pirogov Russian National Research University, with and has 20 years of managerial experience in large industrial and investment businesses, including the venture industry.

Dzhabar-Zade Ekaterina V., a Master of Psychology at the Higher School of Economics (HSE), an organizational psychologist, a psychodynamic organizational consultant and a coach, a teacher of the Master's program "Psychoanalysis and Psychoanalytic Business Consulting" at the Higher School of Economics, a member of the International Society for Psychoanalytic Research of Organizations (ISPSO), a member and a certified professional business coach of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APKBC). Has more than 20 years of experience working with first, middle, and senior managers, teams, top talents, internal coaches, coaches, and personnel development experts in large Russian and international companies.

Modern society is always undergoing incredibly significant changes that happen at an incredible speed and cannot be anticipated. The BANI concept has taken the position of the VUCA concept, which lacked enough time to fully manifest all of its attributes. No one can predict what the next acronym will actually be like.

The corporate environment includes niches like startups, which were previously characterized by a high degree of uncertainty but now have "concentrated" almost all potential hazards. They can be compared, using biological systems as an analogy, to millions of fish eggs, only a small fraction of which will survive and develop into adults. Statistics show that only 1% of startups become unicorns, while 90% of them fail (Tyrkba, 2022).

Nevertheless, startups continue to be the primary driving force of business development and remain in the spotlight. Private venture funds, business angels, widespread intra-corporate incubators, accelerators, and state development institutions will boost their investments in search of unicorns. In turn, the quality of the project expertise for investment leaves much to be desired. When it comes to making investment decisions, founders and co-founders of startups are frequently evaluated on both formal and personal grounds.

Developing a negative capability, which is linked to crucial traits like the emotional stability of a leader and their team, as well as creativity and adaptability to frequent market changes, could help startup founders, who work in uncertain environments, become much more effective.

Keywords: negative capability, startup, owner's influence, uncertainty.

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Три случая самоповреждений кожи в современном кинематографе: психоаналитический взгляд

Е. С. Дон

Дон Елена Сергеевна – к.б.н., магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант.

В современном обществе проблема несуицидальных самоповреждений стоит особенно остро – количество пациентов, сталкивающихся с такими проблемами, растет с каждым годом. Поскольку самоповреждение и саморазрушение могут принимать абсолютно любые формы, от расстройств пищевого поведения, трудоголизма до зависимостей и беспорядочных половых связей, автору захотелось разобратся в причинах выбора именно кожи как объекта самоагрессии. Целью данной статьи стал теоретический анализ различных взглядов представителей психоаналитической традиции на функции кожи, причины атаки на нее, а также изучение опыта практического применения концепции «Я-кожи» Дидье Анзье в анализе работ современного кинематографа в психоаналитическом подходе. Было исследовано, насколько тесно склонность к самоповреждающему кожному поведению связана с провалом или трудностями в ранних отношениях с первичными объектами, приводящим к нарушению формирования и правильного функционирования психической кожи – первичной метафорической презентации Я, поддерживаемой телесной сенсорностью и названной Дидье Анзье «Я-кожей», а также какие характеристики первичных объектов могли повлиять на выбор такого поведения.

Ключевые слова: самоповреждения, кожа, объектные отношения, «Я-кожа», психоаналитическая психотерапия.

Данная статья будет попыткой осветить остро стоящую в современном мире проблему, связанную со самоповреждающим поведением, с точки зрения психоаналитической теории и практики. Объектом исследования будут являться пациенты, наносящие себе несуицидальные повреждения, то есть осуществляющие действия, в результате которых человек при отсутствии суицидальных мотивов причиняет себе боль или наносит поверхностное повреждение (*Klonsky et al.*, 2014). Согласно мануалу MSD, несмотря на то что используемые методы могут быть аналогичными используемым в ходе суицидальных попыток методам, такие пациенты не руководствуются мотивами самоубийства, манифестируя это путем явно несмертельного и повторяющегося характера самоповреждающих действий, хотя долгосрочный риск суицида в таких случаях все же возрастает (*Moutier*, 2021). Наиболее распространенные примеры несуицидальных повреждений связаны непосредственно с атакой на кожу и включают в себя порезы или проколы кожи острым предметом (например, ножом, лезвием бритвы, иглой) и обжигание кожи (как правило, сигаретой или зажигалкой), разовые или многократные повреждения обычно в легкокрываемых, но доступных местах (например, на предплечьях, передней части бедра).

В последнее время проблема несуицидальных самоповреждений особенно привлекает к себе внимание – рост количества пациентов, использующих подобные действия, растет с каждым годом, причем пик такого поведения приходится на 14–15-летних подростков (*Gandhi, et al.*, 2018). В наиболее развитых странах несуицидальные самоповреждения носят характер эпидемии. Так, за 15-летний период в Норвегии отмечен четырехкратный рост количества случаев самоповреждающего поведения среди подростков (*Tøgtøen*, 2020), в Великобритании, согласно данным *The Guardian*, количество случаев обращения удвоилось за шесть лет (*Marsh*, 2021). В России такие исследования все еще довольно редки; так, по данным Банникова с коллегами, около 17% российских школьников 7–11-х классов сообщили, что хотя бы раз в жизни использовали самоповреждающие действия (Банников и др., 2016), реальная статистика при этом может быть гораздо выше. Особенно резкий скачок самоповреждений в России и в мире произошел с начала пандемии COVID-19 в 2020; *Forbes* заявил о 99,8-процентном увеличении количества зафиксированных в больницах США обращений с самоповреждениями среди подростков 13–18 лет в течение полугода с момента начала пандемии (*Beer*, 2021); в Австралии количество таких случаев возросло на треть (*Clayton*, 2020). Однако, несмотря на схожие внешние обстоятельства, не все подростки и взрослые люди выбирают такую стратегию, чтобы справиться с непереносимыми чувствами, кроме того, такой способ реагирования существует довольно давно. Еще Геродот описывал спартанского лидера, который, будучи брошенным в шахту, за долги истязал себя имевшимся у него ножом. В XIX веке доктора Джордж Гоулд (*George M. Gould*) и Уолтер Пайл (*Walter L. Pyle*) описывали широко распространенный феномен, когда женщины по всей Европе кололи себя иглами для шитья (*Spiegel*, 2005). Тогда такое поведение было признано истерическим, а такие женщины

получили название «needle girl» («игольные девушки»), однако с тех пор взгляды на этот вопрос значительно расширились, а количество случаев и разнообразие способов самоповреждений значительно возросло.

Язык тела и символизация

Свен-Олаф Хоффманн характеризует диссоциативные состояния, к которым относит соматизацию, истерическое и посттравматическое стрессовое расстройство, как «разные конечные цели травматической этиологии неврозов» (*Hoffmann*, 2004). Матиас Хирш же считает, что самоповреждения также стоит отнести к этой группе состояний (Хирш, 2017), так как во всех описанных случаях травма, как правило, вызвана острым недостатком или вообще отсутствием заботы матери и, как следствие, провалом в развитии символизации в самом юном возрасте. Для того чтобы разобраться с причиной таких нарушений, рассмотрим процессы, происходящие во взаимоотношениях мать – младенец, начиная с рождения, и роль тела в этих процессах. Зигмунд Фрейд писал о том, что Я в первую очередь является физическим и возникает благодаря телу и из тела, а ранний опыт является довербальным, в виде своего рода схем, а не воспоминаний, и это опыт перцепции (Фрейд, 1923). Таким образом, к моменту, когда ребенок будет состоянием пользоваться речью, он уже умеет «разговаривать» на языке тела. По мнению Фрейда, ребенок начинает понимать, что он есть, отличая ощущения от прикосновения к себе и к окружающим предметам. Так, ребенок начинает различать себя и окружающую реальность, а объединяя прикасающуюся и воспринимающую части в одно целое, младенец проживает комплексную целостность (осуществляющую действие и принимающую) как «контейнер», что до этого было исключительно материнской функцией. Хирш полагает, что «самодеструктивная соматическая ажитация имеет именно эту подоплеку, переходящую в разряд патологического и содержащую разрушительный гнев» (Хирш, 2017). Томас Огден пишет о «режиме аутистического касания», в котором контакт с кожей интернализируется, однако характер данного процесса все еще является досимволическим, «объекта» в виде матери, по его мнению, в мире младенца еще не существует, и таким объектом воспринимается его собственное тело, чьи границы обеспечивают безопасность и помогают бороться со страхами растворения и исчезновения (*Ogden*, 1989). Несмотря на отсутствие зрелой символической репрезентации объекта, невероятно важна достаточно хорошая материнская фигура, опыт взаимодействия с которой со временем наделяется смыслом. Этот чувственный опыт помогает переживать состояние обособленности. Дональд Винникотт, Уилфред Бион и вслед за ними Джойс Макдугалл подчеркивали роль эмоционального отношения к телу ребенка, позволяющего младенцу сдерживать тревогу или физически болезненные состояния с помощью физического и эмоционального присутствия матери, которая затем интернализируется в развивающееся Эго (Бион, 1963; Винникотт, 1971; Макдугалл, 1989). Дональд Винникотт развил идею Лакана о стадии зеркала до того, что в ходе первых стадий развития отражением,

а точнее, «зеркалом» для ребенка является материнское лицо. Выражение ее лица и образ в целом отражают ее состояние и соответствуют тому, что она видит, когда смотрит на младенца, и тому, каким она видит своего ребенка (Винникотт, 1971). По словам Винникотта, «многим детям приходится переживать довольно длительные периоды, когда они не получают обратно то, что сами отдают, смотрят, но не видят себя, что приводит к тому, что младенцы начинают искать другие способы, чтобы где-то снаружи, при помощи окружающей среды, найти самих себя по кусочкам». Макдугалл, продолжая эту мысль, пишет о том, что младенец с самого раннего возраста обретает способность отличать привлекающие мать жесты и действия от отталкивающих ее, ведь мать является своего рода «мыслительным аппаратом» для ребенка в этой еще не символизированной вселенной (Макдугалл, 1989). По ее мнению, «самой ранней внешней реальностью ребенка является бессознательное его матери», которое и обеспечивает ее вовлеченность в мир ребенка. Бийон двигается дальше и обозначает функцию матери как альфа-функцию, которая способна принять бета-элементы младенца (например, страх), контейнировать их и модифицировать таким образом, чтобы он мог обратно принять это в свою личность (уже как альфа-элемент, который теперь может использоваться в качестве прекоцепции, которая в сопряжении с реализацией формирует концепцию). Альфа-функция в случае успешного развития впоследствии становится функцией самого человека (Бийон, 1963).

Ранний довербальный язык – язык тела – уже является способом коммуникации и таким образом уже дает начало процессу символизации. Так, по мнению Франсуазы Дольто, довербальное – это уже символическое, а способность к символизации есть у каждого с рождения, другое дело, что она должна получить развитие. «Это самовыражение человека, который еще не может говорить: ребенок говорит мимикой, и если его мимику не «слышат», не улавливают в ней ответа на то, что происходит вокруг него, – он прибегает к своему собственному способу слушать и осмыслять все то, что говорится в этот момент, он играет это своим телом, с риском надломить в себе «человеческое» и придать чрезмерную ценность животному» (Дольто, 1985). Роджер Мани-Кёрл (*Roger Money-Kyrle*) применяет концепцию Ханны Сигал о «символическом равенстве» в приложении к телесно выраженным образам, никак пока не представленным символически (Мани-Кёрл, 2008). Тем не менее эти предшественники еще не связаны с вербальным языком и символизируются путем проживания и функционирования внутренних органов и частей тела, чьи движения можно воспринимать как символическое выражение некоторых других представлений, которые есть в мире ребенка. Таким образом, Мани-Кёрл говорил не о символическом равенстве слова и вещи, а о символическом равенстве ощущений тела и некоторых представлений, возможно связанных с прекоцепцией. Рене Руссийон также отмечает, что, пока ребенок не научился говорить, он выражается с помощью языка жестов, мимики и положения тела, а также проигрывания сценариев, воспроизводящих прожитый опыт через действие (Руссийон, 2012). Как мы помним, впоследствии при возникновении сложностей

с психизацией прожитого опыта использование действий – следующий возможный способ этот опыт прожить. Отсюда можно заключить, что такие индивиды останавливаются на довербальном этапе, в развитии которого по той или иной причине возникли сложности. Таким образом, многие авторы сходятся на том, что довербальный язык младенца – уже символический, хотя и не с самого рождения, а когда по мере уменьшения взаимодействия с матерью через прикосновения и жесты они замещаются символической коммуникацией путем использования речи, с помощью которой младенец становится способен вербализировать свои мысли (Макдугалл, 1989). Еще одну интересную сторону этого вопроса подсветил Фрейд: даже произнесение матерью определенных слов и звуков создает в сознании ребенка объединение слова и движения, то есть создает двигательную репрезентацию языка.

Интересен подход Дидье Анзье, который полагает, что развитие психики отталкивается от телесных ощущений и фундаментальную роль здесь играет кожа. Эти ощущения снаружи и внутри субъекта в дальнейшем при взаимодействии с первичным объектом (материнским) получают новый смысл, а после, по мере формирования способности символизировать, опять смогут репрезентироваться в виде абстракции, становясь снами, мыслями и фантазиями (Ульник, 2008). Анзье выделяет четыре стадии на пути к символизации (Анзье, 1995): когда ребенок сначала воспринимает психическое как жидкость или газ, которые могут разлиться, затем появляется возможность переносить отсутствие, однако мысли о нем все еще требуют поддержки и контейнера, а внутреннее и внешнее еще двумерно; после появляются внутреннее пространство объектов и доступ к проективной идентификации и трехмерности, завершается все это переходом к объектным отношениям. Этапы могут проходить непоследовательно, и на любом из них что-то может пойти не так. Невозможность ощутить единство границ тела может привести к невозможности различать сами объекты и их репрезентации, как, например, если бы ядро переживаний личной идентичности было не дифференцировано от двойственного единства материнско-детских отношений. Другой важный элемент для формирования способности к символизации – звуковая оболочка. Младенец учится произносить звуки и коммуницировать жестами, и, согласно Анзье, это не просто переход от второго к первому с дальнейшим привнесением смысла, а два параллельных процесса, различия между которыми должны быть учтены и преодолены в процессе символизации. Используя теорию привязанности Джона Боулби (Боулби, 2003), Анзье ставит в один ряд контакт с матерью как влечение привязанности и формирование базового доверия, позволяющее изучать внешний мир. Такое доверие – неотъемлемый элемент способности в конечном итоге сепарироваться от материнского объекта, потому что, если его нет, переживание отсутствия матери рядом непереносимо, что не позволит сформироваться самому понятию отсутствия и, как следствие, способности символизировать. Кожа при этом будет оставаться источником контакта и направлением материнского взгляда.

Ранние внутренние физические ощущения, испытываемые младенцем, постоянно модулируются аффективным состоянием матери и ее любовью к своему ребенку, которая выражается через близкий физический контакт, включающий прикосновение, взгляд, запах и вокализацию, которые постепенно интегрируются в формирующийся образ тела. Таким образом, самое раннее чувство самости запечатлено и опосредовано через телесные ощущения. Эти психоаналитические рассуждения были подтверждены более поздними исследованиями, которые показывают важность раннего обращения и прикосновения для роста мозга, стресса и иммунной функции, привязанности, регуляции физиологических систем, а также развития когнитивных и аффективных осознаний тела (*Lemma*, 2010). Показано, что отсутствие качественного взаимодействия с родителями и достаточного опыта справляться со стрессовыми ситуациями в раннем возрасте приводит к уменьшению размеров гиппокампа, недостаточному развитию кортекса, избыточной активности амигдалы и повышенному уровню кортизола (*De Stefano and Atkins*, 2017).

Таким образом, можно сделать вывод, что общение между ребенком и матерью начинается задолго до того, как младенцем будет произнесено первое слово. Контакт с матерью и внешним миром через прикосновения, звуки, запахи является критической точкой в развитии способности к символизации в дальнейшем. Бюн, Винникотт, Макдугалл и многие другие аналитики сходятся в том, что в глазах матери ребенок видит того, кем он является, и образ себя он выстраивает, опираясь на этот взгляд. Благодаря матери ребенок учится различать свои желания, потребности и оценивать происходящее, но только если контакт налажен, то есть мать понимает, что с ним происходит, и возвращает ему это в виде слов и исполнения желаний. Если же мать не понимает, что ребенок просит, часто и надолго уходит, так что младенец не в состоянии галлюцинировать ее образ такое длительное время, или, наоборот, душит ребенка чрезмерной заботой, не давая ему возможности запустить фантазии о матери, которая всегда рядом, развитие способности к символизации столкнется с рядом трудностей. Многие аналитики говорили о наличии языка тела до появления способности говорить, но научить ребенка говорить на этом языке – также задача матери. Если же ребенок так и не получил от матери необходимого навыка психизации переживаний, то действия могут стать его способом проживания опыта, и чем более он негативный, тем больше вероятность того, что эти действия окажутся саморазрушающими, как, например, в случаях самоповреждения кожи. Однако поскольку провал символизации может привести к самым различным способам атаки на себя (как действия) или соматизации, интересно исследовать особенности развития пациентов, выбирающих в качестве объекта атаки именно кожу. Жак Лакан же говорил о том, что симптом разрешается в разговоре, потому что он и есть «язык», речь которого необходимо освободить (Лакан, 1995). Самоповреждения кожи, таким образом, можно рассматривать как письма на теле, выполняющие роль языка в отчаянной попытке репрезентировать нерепрезентированное в психике, а точнее, как пиктограммы или клинопись, еще не полностью понятные, но уже несущие в

себе информацию для коммуникации с внешним объектом и предшествующие появлению настоящего языка.

Кожа и ее функции

Что касается самой кожи, то ни один из органов чувств не выполняет столько функций, как она. Глаза позволяют нам видеть, уши – слышать, а кожа, даже с точки зрения биологии, позволяет ощущать, защищает, ограничивает, дышит, воспроизводит... В психическом плане кожа – не просто состоящая из нескольких клеточных рядов мембрана, а в зависимости от рассматриваемой концепции может восприниматься во множестве многообразных ролей, от коммуникатора с миром до контейнера, бережно хранящего внутри нашу самость. Согласно Жану Бержере, «органы осязания и сама кожа принадлежат к оральной модальности», заболевания кожи – характеристика присутствия в дискурсе темы «оральности», а младенцы первого года жизни наиболее чувствительны к прикосновениям (Бержере, 1972). Из клинической практики с истерическими пациентками Фрейд сделал вывод о том, что кожа – это эрогенная зона (Фрейд, 1905) и может быть источником и целью сексуального возбуждения, начиная с самой ранней оральной стадии – при подмывании, глестах, сосании пальца, контактах с кожей матери, теплом, возне со сверстниками, телесных наказаниях и т. д. (Фрейд, 1905). В «Тотеме и табу» и «Толковании сновидений» Фрейд размышлял о связи бессознательного с кожей, в том числе и о вопросах контакта и страха заражения, в «Трех очерках...» – о роли кожи во влечении к овладению и прикосновению (Фрейд, 1900; Фрейд, 1912–1913), в работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд писал о живом пузырьке с защитным слоем для восприятия стимулов и защиты от возбуждений (Фрейд, 1920). Также, по его мнению, кожа, особенно ее омертвевший верхний слой, воспринимает стимулы и защищает находящееся внутри живое.

Роль кожи и особенного раннего контакта с матерью была довольно разносторонне изучена последователями кляйнианской школы, согласно теориям которой кожный контакт также является наиболее важным при рассмотрении самых ранних отношений матери и младенца (Хиншелвуд Р., 2007). Согласно взглядам Мелани Кляйн, которые впоследствии широко развила Эстер Бик, ранний кожный контакт может либо способствовать контейнированию, либо, наоборот, в случае невозможности эвакуировать свои чувства путем проективной идентификации в мать, способствовать полному распаду Эго. Эстер Бик делала особый акцент на «удерживающей» функции кожи, которая обозначает границу между переживаемым внутри тела и разума и внешним (Бик Э., 1968). Поскольку контакт рот – сосок является неотъемлемой характеристикой самого раннего периода развития, он дарит младенцу первую возможность ощутить способность интроецировать объект и, соответственно, первое представление о контейнирующем объекте, важность которого нельзя переоценить. В дальнейшем наиболее детальным образом кожу в психоанализе изучал Анзье, высказавший идею, что Эго в принципе

начинает формироваться как «кожное» по причине раннего контакта ребенка с кожей матери (Анзье, 1995); Ф. Дольто также отмечала важность контакта «кожа к коже» и заявляла, что с помощью кожи младенец бессознательно общается (принимает и «переваривает» психическое состояние родителей) (Дольто, 1984). Согласно Анзье, психика начинает формироваться на базе кожных ощущений, которые по мере взаимодействия с внешним миром (в первую очередь с матерью) приобретают новый смысл. Мать не только создает оболочку вокруг младенца, обеспечивая заботу и ласку, но и показывает на своем примере, как посылать и принимать невербальные и вербальные сигналы, интерпретирует их (в терминах Биона – переводит бета-элементы в альфа), предотвращает перевозбуждение от слишком длительных контактов, создает необходимое состояние выносимого отсутствия, которое ребенок может выдержать и которое станет первым шагом на пути к сепарации. Получая внешние стимулы, поверхность тела способствует возникновению в психике формирующих Эго-представлений, и формируется «Я-кожа» (также «Эго-кожа»), которая помогает ощущению, восприятию, защите, связыванию, поддержке и интегрированию ощущений в Эго. Из-за существования «Я-кожи» Эго получает мыслительные возможности, а проблемы «Я-кожи» проясняют, каким образом Эго может использовать телесные представления для общения и защиты самости. У развитого Эго можно наблюдать удачные примеры абстрактного функционирования и отсутствие необходимости в несимволизированных ощущениях; заболевания кожи прочно связаны с нарциссическими сложностями и несформированностью Эго. У пациента может происходить приравнивание Эго и кожи, когда любые сложности и проблемы в Эго приводят к заболеваниям или татуированию кожи, которое хоть и не является соматизацией, но все еще остается попыткой репрезентировать через действие (Анзье, 1995), как, собственно, и самоповреждения кожи. Работая с пациентами с кожной проблематикой, Анзье установил, что «некоторые кожные заболевания, по-видимому, связаны с чрезмерной стимуляцией, другие же – с недостаточной стимуляцией». Переизбыток заботы материнского объекта кажется чрезмерным и небезопасным, поскольку нарушает запрет на прикосновение и не дает младенцу сформировать экран от возбуждений. Недостаток прикосновений и заботы от матери может восприниматься младенцем как запрет на слияние с телом другого. Анзье представляет контакт между матерью и младенцем как взаимодействие внешней (материнской) оболочки и внутренней (кожи младенца). Обе части посылают друг другу сигналы и считывают их. По мере развития ребенка эта общая кожа должна превратиться в две отдельные, однако при трудностях с сепарацией это может привести к фантазии о разодранной и окровавленной коже, что может проявиться и в буквальных симптомах. Если материнская часть прочно связана с младенческой, можно наблюдать удушающее развитие. Если связь, наоборот, непрочная, «рыхлая», сообщения младенца не доходят до адресата и его Эго теряет согласованность. В этом случае без обратной связи внутренний слой также может стать похожим на сито или, наоборот, стать непроницаемым. Тот вариант, когда последовательное

разделение оказывается невозможным, Эстер Бик обозначает концепцией «второй кожи», для которой она описывает функции интеграции, ограничения, поддержки и формирования внутреннего и внешнего пространств. Она говорит о том, что кожа способствует удержанию внутренней самости и формированию целостности как связующего звена. Однако действовать таким образом кожа может только при условии качественной интроекции внешнего объекта, который может выполнить (и выполнял) эту функцию. Нарушение этой первичной функции кожи может привести к созданию «второй кожи», которая способствует замене зависимости от объекта псевдонезависимостью и ненадлежащему использованию определенных психических функций вместо контейнирующей функции кожи (Бик, 1968). Интересно, что Роберт Хиншелвуд проводит параллель между понятием «второй кожи» Бик и «ложной самости» Винникотта – как вторая кожа защищает от уязвимого состояния в отсутствие обеспечивающего единство самости внешнего объекта, так и фальшивая самость имеет своей целью за счет определенных ригидных характеристик скрыть отсутствие чувства истинного бытия (Хиншелвуд, 2007).

В результате эта «Я-кожа», названная таким образом, появляется в виде некой первичной и метафоричной репрезентации Я, поддерживаемой тактильной сенсорностью. «Я-кожа обладает несколькими функциями, которые основаны на модели настоящей кожи и ее функций; среди этих функций Анзье подсвечивает три основные: контейнирование; граница между внутренним и внешним, которая одновременно является защитным барьером от стимулов извне; коммуникация и обмен с окружением» (Анзье, 1995). Рене Руссийон для описания этого феномена использует термин «кожный конверт», который существует наряду с визуальным, сонорным, нарративным, целостность каждого из которых непосредственно связана с целостностью Я (Руссийон, 2020). Позднее Анзье выделил девять функций «Я-кожи»: кожа как поддержка (в том числе и психическая), контейнер, экран от возбуждений, индивидуализация, интеграция и взаимосвязанность различных ощущений, источник сексуального возбуждения, структурирование либидинальной энергии (отмечая, что ребенок не просто пассивно принимает сигналы матери, а осуществляет обмен), осознание внешней реальности и предметов в коже (социальная функция, отмечающая принадлежность к группе через рубцы, одежду, метины, тату и т. д.) и, наконец, токсическая, саморазрушительная (отсутствие различий между Я и не Я). Только одна из этих функций – саморазрушительная – является функцией влечения к смерти, и именно она «работает» при различных заболеваниях кожи и аллергии. Джойс Макдугалл также выделяет функцию кожи переходного объекта (Макдугалл, 1989).

В случае заболеваний кожи многие авторы рассматривали кожу как манифест, способ показать свои внутренние страдания и нужды. Так, Рене Шпиц говорит о том, что у младенцев атопический дерматит возникает в ответ на противоречивые сигналы матери со скрытой враждебностью, которая недостаточно прикасается к своему ребенку (Шпиц, Коблинер, 1965). Макс Шур пишет о том, что в состояниях глубокой регрессии «Я-кожа» может одновременно восприниматься как часть самости, так и

как часть внешнего объекта, и его пациенты с псориазом показывали замешательство в отношении собственной идентичности в результате амбивалентной идентификации с родителями (*Schur, 1955*). Пьер Марти пишет о том, что больные с аллергией имеют сложности с установлением границ и хотят полного слияния с объектом. Если инвестированный объект проявляет свойства, с которыми субъект не может идентифицироваться, или два инвестированных объекта (например, родители) обнаруживают несовместимость, то результатом может быть обострение аллергии, потому что находиться в слиянии с каждым из этих объектов невозможно. Если вспышки аллергии не происходит, такие события могут привести к деперсонализации (Марти, 1958). Согласно Марио Фернандесу Роману, есть две функции матери, аналогичные функциям кожи, – защита и признание. Ребенок, лишенный такой защитной функции, будет чувствовать болезненную грубость, что может отражаться на коже в виде заболевания как потери нарциссической защиты (Ульник, 2008). По его мнению, расцарапывание себя – это стремление избавиться от того, что вызывает отвращение, фантазия об избавлении от удушающего материнского имаго, которое не защищает, а вредит. Факт же отсутствия функции признания, полученной от первичных объектов, может выражаться в ощущении чуждости бытия, лишая возможности сформировать адекватное чувство причастности и отдельности. Энрике Пишон-Ривьере говорит о том, что пациенты с кожными заболеваниями часто отвергаются обществом из-за боязни заражения, и психосоматическая природа таких заболеваний может говорить о скрытом желании переживания отвержения, а зуд может рассматриваться как форма маструбаторной активности, вытесняющей генитальную половую жизнь (Ульник, 2008). Шур также пишет о том, что удовлетворение от расцарапывания может стать единственным способом достижения сексуального удовлетворения, причем, понимая, что его действия вредны для кожи, пациент будет чувствовать вину и унижение, и невозможность отказаться от своего поведения может привести к борьбе с ним аналогичными способами, используемыми для борьбы с маструбаторной активностью (*Schur, 1955*). Фокс с коллегами размышляет о связи между отпечатками пальцев и идентичностью (Ульник, 2008), Дэвид Розенфельд – о связи между идентичностью и непосредственно кожей. Так, например, шизоидные пациенты воспринимают кожу как мешок с внутренними органами (*Rosenfeld, 1984*). Розенфельд говорит о том, что, когда пациент оказывается на максимальном удалении от объекта, он старается обратить дистанцию в интимность, оборачиваясь оболочкой-кожей, защищающей от отвергающего объекта, в то же время воображаемая кожа этот объект и репрезентирует. Функцию оболочки могут выполнять агрессия против себя или мышечная вторая кожа.

Самоповреждения кожи

По мнению Матиаса Хирша, когда вследствие травмы происходит диссоциация тела, тело может встать на место жертвы насилия, тогда как сама жертва (пострадавший) становится на место агрессора

(Хирш, 2010). Также Хирш пишет о теле как суррогате матери и способе удержания на расстоянии. Несмотря на то что объектом атаки в случае самоповреждений является тело, по способу справляться с возбуждением этот процесс относится к поведенческому пути – промежуточному между психическим и соматическим путями (Марти, 2014). Говоря о самоповреждениях, большинство авторов сходятся на том, что в этот момент происходит диссоциация тела от психики, когда тело воспринимается чем-то чуждым. Уже Шандор Ференци сравнил расцарапывание кожи с поведением некоторых рептилий, отбрасывающих часть тела в надежде спасти целое, то есть «соскоблить» раздраженные участки кожи с помощью моторных действий, а также описывал истерическую конверсию как возвращение к раннему языку жестов (Ференци, 1921). Говоря о самоповреждающем поведении, Хирш выделяет три функции тела в результате диссоциации. Во-первых, тело может восприниматься как объект агрессии, подобно маленькому ребенку из детства, которого обижали и унижали морально и физически. Во-вторых, тело (или часть тела) становится материнским объектом, которой оберегает и заботится (как теплая струящаяся кровь). И наконец, самоповреждение приводит к пониманию, что граница тела создается искусственно вместо слабой границы Я (Хирш, 2010). По мнению Клонски, причины, которые побуждают людей заниматься самоповреждающим поведением, можно в целом разделить на две группы: относящиеся к внутриличностным/автоматическим функциям, таким как регуляция аффекта, и к межличностным/социальным функциям, таким как демонстрация своей боли другим (Klonsky, Glenn, 2009).

В общем случае саморазрушительное поведение связано со значимым другим. Первые переживания удовольствия и боли связаны с тактильным контактом с матерью. Однако, поскольку материнская забота оказалась чрезмерной, ненадлежащей или грубой, фантазии об общей коже будут сопровождаться ее разрывом и причинением боли. Фантазия о своей собственной коже сопровождается виной за фантазию о том, что ее нужно забрать у другого (Анзье, 1995). Отсутствие эмоционального инвестирования в раннем возрасте может привести к необходимости интегрировать психический опыт любыми другими способами, в том числе с помощью самоповреждения (Fonagy, Target, 2000). С ними соглашается и Порджес, по мнению которого, начиная с рождения, процессы холдинга, прикосновения, взгляда, вокализации и игры необходимы для регуляции вегетативной нервной системы, оптимального развития мозга, регуляции аффектов и создания надежной привязанности. Самоповреждения часто развиваются в семьях, где родители не справляются со своими функциями, а субъект является мишенью для физического или сексуального насилия или в целом отсутствуют родительская забота и внимание (Porges, 2003). Еще более негативный эффект может оказать несвязанное перевозбуждение, которое блокирует мышление и способность к репрезентированию. Таким образом, самоповреждение – это отыгрывание, которое происходит ввиду отсутствия выраженной способности к ментализации и символизации, когда психическую работу провести невозможно и можно только действовать. Такие последствия, как правило, являются

результатом детских психических травм, которые связаны не просто с недостаточно хорошим проявлением материнской заботы и функций, но и с анализом детского поведения параллельно с игнорированием его потребностей. Анзье называл это невозможностью валидировать посылаемые и принимаемые сигналы из-за отсутствия или недостаточности «общей» кожи (Анзье, 1995). Джойс Макдугалл неоднократно описывала последствия такого противоречивого отношения в виде соматизации (Макдугалл, 1989), однако Хирш полагает, что данная модель поведения также может приводить к склонности к нанесению себе телесных повреждений (Хирш, 2010), когда симптом включает в себя как необходимое слияние раннего возраста (где мое тело неотделимо от материнского, а соответственно, приравнивается к нему), так и ликование отвержения материнского объекта. Самоповреждающее поведение в отношении собственной кожи иногда является следствием непереносимого желания вырвать внутренний объект или вторую кожу, то есть контейнер, который рассматривается как саморазрушительная оболочка. Запечатлеть образ людей, отсутствие которых невыносимо, на коже можно, например, с помощью татуировки, однако при ссоре или расставании тату на коже может стать объектом атаки или агрессии (Анзье, 1995).

Кристина Сохакян, говоря о самоповреждениях, говорит о них как о своего рода компульсивном повторении актов самоуспокоения, которые приносят временное спокойствие, а не удовлетворение (Сохакян, 2022). Здесь можно вспомнить о концепции Мишеля Фэна, который фокусировался на функции матери инвестировать Я ребенка при засыпании, и говорил, что препятствия к ментализации возникают из неудачи формирования галлюцинаторного удовлетворения желания и развития аутоэротизма (Fein, 1971). Если же ребенок прибегает к самоуспокоению, это говорит о провале материнской функции по снижению уровня тревоги у ребенка и, как следствие, – недостаточности психических защит от отчаяния. Как и в случае с самоповреждениями, самоуспокоение – это необходимость, и оно как бы аннулирует отношение с объектом, который не справился со своими функциями и воспринимается как источник возбуждения.

Как мы обсудили, психическая травма, по причине отсутствия должной заботы от матери, препятствует органичному становлению личности. Тем не менее традиционно подростков с самоповреждающим поведением и нарушениями пищевого поведения относили к пострадавшим от сексуального насилия в детстве, в том числе и инцестного характера, поэтому нельзя забывать о роли отца. Сейчас очевидно, что психика детей, недополучавших эмоциональной отдачи от родителей, более уязвима, а травматические события в детском возрасте часто приводят к психическим расстройствам, причем физическое и сексуальное насилие наносит психике максимальный урон (Wiens, 2020). Тем не менее любая травма, которая по сути своей является состоянием неинтегрированного перевозбуждения, может стать причиной того, что человек будет искать

способ справиться с этим избыточным возбуждением любыми способами, а поскольку мышление при этом блокируется, следующий доступный для психики путь оказывается поведенческим.

Отто Кернберг характеризует склонных к самоповреждению как больных со слабоинтегрированным Суперэго и получающих снижение тревоги с помощью самоповреждений, осуществляемых с яростью и практически без депрессии (Кернберг, 1998). Кернберг описывает три типа подобных пациентов. У пациентов с «преимущественно сценическим или инфантильным расстройством личности» самоповреждающее поведение соответствует состояниям сильной ярости, сопровождающимся или нет депрессивными эпизодами. Такие действия являются бессознательным усилием для получения власти над другими и их чувствами, например чувством вины при расставании с партнером. Самые трудные случаи самодеструктивного поведения наблюдаются у пациентов со злокачественным нарциссизмом, которые ведут себя отстраненно и самодостаточно; при этом любая угроза их грандиозности заставляет их чувствовать себя униженными и приводит к атакам на свое тело. Грандиозность подпитывается преодолением страха и боли, а также снисходительным превосходством над окружающими, ошарашенными или расстроенными его поступком. И наконец, тяжелым самоповреждающим поведением могут характеризоваться случаи пациентов при некоторых атипичных психотических состояниях.

Армандо Фавацца отмечает, что наиболее частые состояния пациентов с самоповреждениями – это напряжение, тревога, злость на себя и чувство беспомощности, однако часто самоповреждения происходят в периоды отчаяния, одиночества, отвержения другими и страха сепарации (Favazza, 1997). Согласно Анне Гарджуло и Джорджии Маргарите, проанализировавшим более 70 блогов о повреждениях на итальянском, самыми распространенными проблемами таких пациенток являются сложные отношения с другими; невозможность получить доступ к своему Я; одиночество, ненависть, вина, меланхолия (Gargiulo, Margherita, 2019). Другое часто описываемое состояние – это оцепенение, чужеродность и нереальность по отношению к своему телу, мыслям, чувствами, так же как и к людям и объектам окружения. Ощущение боли и наличие крови не только прерывают монотонность деперсонализации, но и указывают, что тот, кто разрезал себя, еще жив, а его граница тела невредима и на месте (Favazza, 1987). Самоповреждение в иных ситуациях также дарит чувство контроля над ужасающими чувствами оставленности или поглощения и отвлекает от других причиняющих боль чувств в моменте.

Роберт Васка полагает, что самодеструктивное поведение – результат выхода различных бессознательных фантазий (Waska, 1998). Он так же, как и другие аналитики, полагает, что часть экономической мотивации, лежащей в основе самоповреждений, – это управление аффектом. Боль возникает очень контролируемым и предсказуемым образом. Поскольку аффективный опыт у этих пациентов обычно был хаотичным,

экстернализованным и карающим, идея самопроизвольного аффекта весьма революционна. Это шаг к самосозиданию, построению идентичности. Это печальная и парадоксальная ситуация для пациента, потому что аффект этот физиологически обоснованный и регрессивный. Чем больше боли, тем больше формируется ложное Я. Это ложное Я основано на мазохистской изоляции и экстернализации. Пациентка Васки, которая защищалась от сильного чувства покинутости и дезинтеграции, отмечает: «Это причиняет мне боль, и это лучше, чем ничего не чувствовать вообще». Санфорд Шапиро описывал пациентку, которая начала резать себя в качестве «забавного эксперимента», что терапевт интерпретировал как новизну переживания эмоций и новизну ощущения контроля над своей внутренней и внешней средой. Для нее это шанс испытать аффект, отличный от депрессии или беспокойства, и на ее условиях. Чувствующая себя обычно жертвой и ведущая себя в угоду другим, пациентка таким образом (ощущая свою боль) пыталась собрать фрагменты себя, которые были потеряны или украдены (*Shapiro, 1991*).

Говоря об аффектах, нельзя не упомянуть вину. В этом случае самоповреждение может быть результатом назначенного себе заслуженного наказания, когда поведение вызывает приятное расслабление или привлекает внимание. Эффект самоповреждения (облегчение), как правило, моментальный. Самоповреждения невероятно быстро успокаивают и снимают этот непереносимый эмоциональный накал. В этот момент кровотокающая кожа чувствуется и образует границу «Я-тела», замещающую границу Я и защищающую ее от возможной дезинтеграции. Хирш сравнивает поверхность поврежденной в результате атаки на собственное тело со «второй кожей» по Бик – своего рода панцирем, фигурально защищающим Я от распада (при том что фактическая целостность этой границы-оболочки оказывается как раз нарушенной).

Нельзя не заметить, что для некоторых пациентов важную роль играет образование шрамов, символически означающих заживление и излечение. Анзье, затрагивая проблему расцарапывания кожи, говорил о том, что, используя кожу как полотно, пациенты выставляют напоказ не только страдания, но и ярость: раздражение кожи оказывается спутанным с психическим раздражением (Анзье, 1995). Таким образом кожа из границы тела становится зеркалом души. То, что происходит с девочками-подростками, можно сформулировать в терминах «жертва – преступник», где происходит обмен функциями – девочка больше не является жертвой, а становится по отношению к своему телу агрессором, имеющим власть и способность принимать решения, то важное, чего совсем нет в ее обычной жизни, тело же становится настоящей жертвой (Хирш, 2010). Эта позитивная власть, своего рода триумф, приводит к тому, что некоторые девушки выставляют свои следы от порезов и ожогов напоказ, хотя другие их прячут. Часто пациенты со склонностью к самоповреждениям, чтобы посредством причинения себе боли снизить гнетущие их напряжения, ощущают искреннее желание нанести себе эти раны и ожоги и гордятся обретенной властью и тем, что для достижения удовлетворения ничья помощь им не нужна. И наконец, это может быть манипулятивным

актом привлечения внимания (*Favazza, 1987*). Похожие идеи излагает и Мария Пападима (*Papadima, 2019*). В то время как чаще всего самоповреждение наблюдается у пациентов с пограничной организацией или травмой, в некоторых случаях самоповреждения можно рассматривать как признаки истерической личности, для которой такое действие является способом бессознательной символической коммуникации с миром. Порой пациенты хотят следовать моде на ментальное нездоровье, и самоповреждение может использоваться как способ получить такой статус. Анзье описывал это как сбой в идентификации, что приводит к поиску знаков насилия для структурирования собственного Я. Шрамы становятся нарциссическими эмблемами (Анзье, 1995). С психодинамической точки зрения, самоповреждение характеризуется динамикой маскировки и демонстрации порезов, что коррелирует с желанием одновременно приблизиться и избежать Другого. В этом смысле самоповреждение как модификация кожи представляет собой маркер идентичности в непрерывной игре взглядов и провокационных действий, направленных на другого, в частности на мать, которая должна увидеть и, возможно, предложить помощь. Возвращаясь к отношениям с объектом, который фактически заменяет материнский, можно отметить, что у девушек часто именно признание зависимости от другого непереносимо и запускает акт самоповреждения, который, в свою очередь, рискует разрушить отношения (*Ruggiero, 2007*); в то же время боль от потери отношений может породить чувство отчаяния, которое необходимо эвакуировать с помощью саморазрушительных действий.

Интересно, что частота самоповреждающего поведения увеличивается после достижения возраста 12 лет, достигает пика в возрасте 14–16 лет и постепенно снижается после достижения подростками 18 лет (*Brager-Larsen, 2022*). Вероятно, это связано с глубокой реорганизацией психики в пубертате, когда переживания тела от психики неотделимы. Для некоторых подростков самоповреждения кожи являются способом отвоевать себя и обозначить свое определенное место на коже. С другой стороны, поведенческий путь, который частично может быть дорогой к ментализации, в процессе навязчивых повторений утрачивает свои влеченческие качества и становится принуждением к деятельности, замещая собой мышление. Это и недостаточность психических защит от отчаяния, и провал материнской функции по снижению тревоги. Самоповреждение подростку, таким образом, приносит временное спокойствие, которое не мог дать первичный объект, но не приносит удовлетворения влечений к жизни.

Хотя доктор Фавацца, изучающий самоповреждения много лет, заявляет, что самоповреждения не различают социальных классов, полов и этносов (*Spiegel, 2005*), нельзя не отметить преимущественно женское лицо самоповреждений. Роберт Васка в своей работе заключает, что, поскольку большинство пациентов с самоповреждениями женского пола, стоит задуматься о природе садистических и мазохистических импульсов пациентов в зависимости от гендера. Мужчины же чаще направляют свою агрессию не на себя, а вовне, чему способствуют и культура различных

единоборств, и негласное разрешение мальчикам драться. Мария Пападима также рассуждает о том, что девочки именно в силу того, как происходит их социализация, чаще склонны к «социальному заражению» и таким образом – к истерическим проявлениям, тогда как еще Фрейд писал о тесной связи истерии и женского (и обсессивности и мужского) (Papadima, 2019). Можно предположить, что ввиду особенностей взросления девочки по сравнению с мальчиками ее связь с матерью, необходимость идентификации и сепарации с ней встают перед девочкой гораздо более сложной задачей, чем сепарация от матери для ребенка мужского пола. По мнению Каролин Эльячефф, поскольку они обе женщины, в случае нарушенных отношений мать легко становится зеркалом для дочери, а дочь – ее нарциссическим расширением. Между ними наблюдается почти телепатическое общение, которое способствует смешению идентичностей вплоть до ощущения, что у них общая кожа (Эльячефф, Эйниш, 2002). По мере того как тело девочки-подростка становится все более похожим на тело матери, нападая на тело, можно напасть на мать, от которой сепарироваться невозможно, в то время как на настоящую мать злиться нельзя. Васка писал о склонной к самоповреждениям и алкогольному злоупотреблению пациентке, которая помещала себя в опасные и разрушительные обстоятельства, сохраняя тем самым лояльность матери и становясь матерью самой себе, матерью, которая в детстве заставляла ребенка сталкиваться с очень трудными обстоятельствами (Waska, 1998). У мужчин самоповреждающее поведение, как правило, является следствием очень травматического окружения – так, например, такие случаи отмечаются в тюрьмах, хотя и там процент женщин, действующих подобным образом, составляет 20–24% против мужских 5–6% (Gardner, 2016).

Касательно пола интересный факт замечает Хорхе Ульник: проблемы с кожей могут приводить к нетипичному для своего пола поведению; так, мужчины с кожными заболеваниями подобно женщинам используют кремы, а женщины с самоповреждениями склонны носить более мужскую одежду, чтобы их скрыть (Ульник, 2008). Интересно, что атака на кожу у мужчин в данном случае – это соматизация, а у женщин – именно агрессивное действие против своей кожи. Разница в том, что характер объекта тела при самоповреждениях выглядит четче, чем при хроническом психосоматическом заболевании: тело становится непосредственным объектом разрушительных актов. Среди заболеваний кожи ближе всего к самоповреждениям находится зуд. Шур пишет о том, что зуд можно рассматривать как эквивалент тревоги, так и расслоения агрессии, когда, с одной стороны, зуд будет являться самонаказанием, а с другой – наказанием, направленным на внешний, запечатленный на коже объект (так, например, изнасилованная отцом женщина царапала себя, чтобы символически избавиться от следов спермы на коже) (Schur, 1955). Чувство агрессии на другого запечатлевается на коже и связано с эксгибиционизмом – все обязаны видеть, как пациент страдает. С самоповреждениями зуд объединяют также импульсивный характер и чувство вины, однако у зуда гораздо ярче выражена мастурбаторная основа. Это процесс, описанный Фрейдом, когда внешний стимул становится внутренним в

результате действия какого-либо раздражения на орган, вследствие чего орган становится источником непрекращающегося возбуждения (Фрейд, 1915). Аналогичные тенденции можно наблюдать у пациентов, выдавливающих прыщи: символизм, компульсивность, нарциссическое завышение значимости симптома, эксгибиционизм и желание себя и кого-то еще наказать. Как правило, эти манипуляции совершаются в одиночку в отрешенном состоянии, когда зеркало становится единственным объектом, представляющим внешний мир, являясь по сути двойником пациента.

На основании обзора литературы можно сделать вывод, что в случае самоповреждений ребенок часто становится объектом пренебрежительного отношения и ищет способ пусть не очень экологично, но все же хоть как-то контейнировать несимволизированные психические переживания. Мать часто не может помочь найти баланс между стремлением к индивидуации и стремлением к слиянию и зависимости. Макдугалл пишет о таких пациентках как о соматических, но Хирш полагает, что склонные к самоповреждению пациенты также страдают от подобной материнской амбивалентности. Тело как объект атаки вызывает как ощущение триумфа над матерью, так и ощущение полного с ней слияния. При этом, становясь агрессором по отношению к телу, пациент воспроизводит поведение кого-то из близких, жертвой чьей агрессии он был. Поэтому большинство пациентов с самоповреждающим поведением имеют в своей истории травму физического, сексуального или эмоционального характера. Мы рассмотрим три типа матерей, дочери которых имеют склонность к самоповреждающему поведению, из художественного кинематографа и попробуем в итоге собрать отдельные грани в образ матери такой пациентки и соотнести с провалами функционирования модели «Я-кожи», предложенной Анзё.

**Опекающая и одновременно безразличная мать,
которая находится рядом, только когда ребенок болеет.
Случай Камиллы из мини-сериала
«Острые предметы» (США, 2018)**

В качестве художественного примера влияния на жизнь гиперопекающей и одновременно безразличной матери, которая рядом, только когда дочь болеет, можно рассмотреть сериал «Острые предметы», главная героиня которого наносит на свое тело надписи, связанные с травматичными событиями ее жизни. Камилла возвращается в родной город Винд-Гэп, чтобы провести журналистское расследование ужасной смерти школьницы, и останавливается в доме своей матери Адоры, ее нового мужа Алана и их дочери Эммы. Судьба отца Камиллы остается нам неизвестной, но по ходу повествования мы узнаем, что у Камиллы была еще одна сестра – Мэриан, которая много болела в детстве и умерла при неизвестных обстоятельствах. Несмотря на то что Камилла покинула родительский дом много лет назад, возвращаясь в него, она очень быстро регрессирует до состояния маленькой девочки, которой так не хватало материнской любви. Мать Камиллы Адора является ярким примером родителя в

психозе и страдает делегированным синдромом Мюнхгаузена. Она проявляет заботу к дочерям, только если они страдают, но, чтобы они страдали, она заставляет их ежедневно под видом лекарства принимать яд. Камилла выжила только потому, что мать много заботилась о Мэриан и давала отравленные «лекарства» ей, а организм Эммы, получая яд с детства, выработал к нему резистентность.

На примере Камиллы очень хорошо видно, что одна из главных причин причинять боль себе или другим людям – это справиться с собственной болью. Физической болью Камилла буквально отвлекает себя от состояния психического распада, осознает и подтверждает свое существование, а также наказывает себя. Таким образом, цель самоповреждения – не повреждения как таковые: из-за невозможности проявить агрессию на мать и пережить вину перед сестрой, которая фактически спасла своей гибелью Камиллу, происходит диссоциация, и тело становится отдельным объектом, который является как бы матерью и который можно атаковать, чтобы справиться с непереносимыми чувствами. Даже в случае более здоровой семейной ситуации любая женщина бессознательно хранит память о том, что когда-то они с матерью были единым целым, и, обретая по мере взросления такое же тело, как материнское, очевидным решением психики в случае невозможности проявления агрессии в материнскую сторону будет атака на такое же, как материнское, тело. Показательно, что наказание себя и материнского объекта производится через действие, что отсылает нас к довербальному периоду, когда слова еще были не в доступе психики, хотя в случае Камиллы она не просто наносит себе порезы, а выцарапывает именно слова, как будто пытаясь навсегда сохранить память о болезненных событиях ее прошлой жизни, как будто боится их забыть, но произнести вслух еще не может. Используемый шрифт и расположение слов в разрезе взглядов Лакана отсылают нас к клинописи или пиктограммам, которые очень тесно связаны с памятью и передачей информации (*рис. 1*). Мать Камиллы, когда видит ее без одежды в примерочной, говорит только следующее: «Это закончено? Впрочем, неважно, кожа испорчена, и все назло. Таким же был и твой отец, все назло». Ни сочувствия, ни жалости, ни вины в ее голосе мы не слышим.

Кроме того, соглашаясь с Хиршем (Хирш, 2010), нельзя не отметить воспроизведение плохого отношения к себе и наказание себя, как наказывала мать, которая не любила и была очень требовательной. Чем более негативное отношение со стороны матери наблюдалось в детстве (включая травмы как телесного, так и эмоционального характера), тем ненавистнее будет для женщины символизирующий мать объект – ее тело. При склонности к самоповреждающему поведению характер этого объекта деструктивных действий (тела) выглядит более очевидным по сравнению с хроническим психосоматическим заболеванием. При делегированном синдроме Мюнхгаузена этот объект проявляется еще отчетливее, потому что реальная мать, а не ее образ, способствует возникновению у ребенка угрожающего жизни состояния, как будто тело ребенка является продолжением ее самой или ее тела.

Рис. 1. Самоповреждения Камиллы, которыми покрыта вся доступная поверхность тела

Камилла в сериале не просто атакует свое тело острыми предметами в ситуациях, когда ощущает невыносимость своего существования, она продолжает действовать по «заветам» матери и занимается по-настоящему саморазрушающим поведением, принимая алкоголь, вступая в случайные сексуальные связи, у нее сложности с едой, и всего один раз за время сериала она с удовольствием ест в доме матери пирог, после свидания с проявившим к ней тепло мужчиной, однако, как только мать это отмечает, она снова перестает. Показательно, как оператор в сериале за счет цвета и освещения контрастно выделяет Камиллу на фоне поблекшего и страдающего от яркого солнца города. Мы видим, что сцены с Камиллой всегда немного в тени, тогда как окружающий психотический мир кажется ярким и солнечным (рис. 2), как будто создатели пытались показать, как сложно ей возвращаться в город детства, принесший ей столько боли. Кроме того, Камилла настолько стесняется следов своей вытесненной ярости, что все время носит длинную темную одежду и даже спит в ней (рис. 2, 2).

Кроме того, поскольку Камилле остро не хватало теплой матери в детстве, она ищет мать везде, становясь в итоге сама матерью своей младшей сводной сестре, а также юной девочке-соседке в психиатрической клинике. Сестра в свою очередь демонстрирует другую реакцию на жизнь в этой семье – если Камилла бессознательно делает вывод, что раз мать не любит ее, то, значит, она плохая, и разрушает себя, то Эмма выбирает

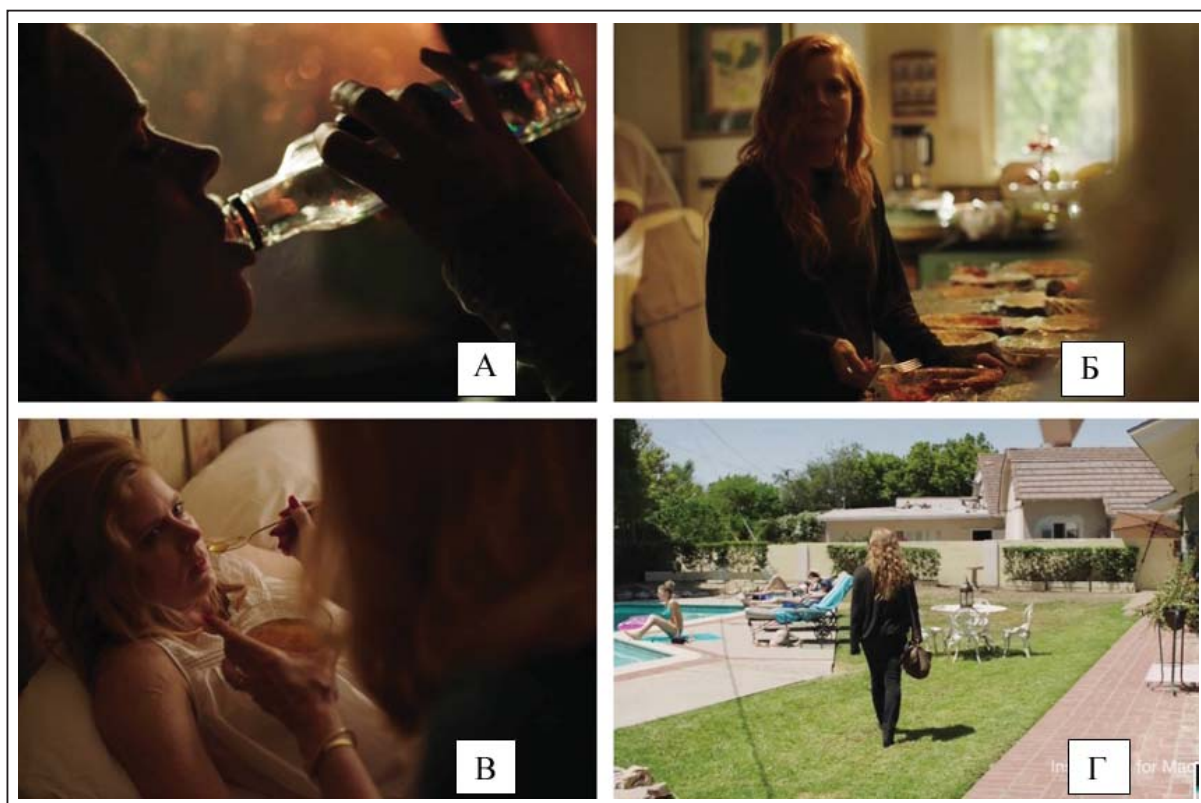

Рис. 2. Камилла в темных тонах. А. Камилла ежедневно употребляет алкоголь. Б. Камилла не может есть в присутствии матери. В. Мать под видом лекарства дает яд Камилле. Г. Камилла в черной длинной одежде в раскаленном солнечном городе

более «мужественный» путь реагирования и начинает нести эту агрессию вовне, убивая других, при этом так похожих на нее девочек-сверстниц, еще и получавших ранее внимание ее матери (рис. 3, 2). При этом мать Камиллы Адора выглядит сильно моложе своего возраста и абсолютно категорично ставит запрет на взросление младшей дочери, наряжая ее в кукольные платья и не отпуская на «взрослые» вечеринки (рис. 3, а, б), будто боясь, что, когда Эмма вырастет, она состарится. Когда Эмма почти в бреду спрашивает, какой она будет, когда вырастет, а мать говорит, что не знает, ведь это будет очень нескоро, она сама все понимает. «Ты думаешь, что я не вырасту, хочешь, чтобы я осталась маленькой? Чтоб была похожа на Мэриан?» Интересно, что, беседуя с девочкой-соседкой в клинике, которая полагала, что с возрастом склонность к самоповреждению должна пройти, Камилла и сама говорит: «Мне кажется, мне так и не удалось повзрослеть и, похоже, никогда не удастся».

Очень показательно то, как ведет себя в этой психически нарушенной семье новый муж матери главной героини Алан. В то время, как мать дает волю своим агрессивным импульсам и под маской заботы убивает своих дочерей, пытаясь стать безоговорочно нужной и удержат их рядом, предотвратить их взросление, Алан просто делает вид, что ничего не происходит. Как в семьях, где происходят детские изнасилования, побои и тому

Рис. 3. Эмма как вечный ребенок. А. Розовая комната Эммы. Б. Детские платья Эммы. В. Мать под видом лекарства дает яд Эмме. Г. Камилла в кукольном домике Эммы находит выданные зубы убитой девочки

подобное, когда через какого-то члена семьи буквально выходит агрессия, а остальные не замечают как будто бы ничего (а на самом деле участвуют в бессознательном сговоре), текущий муж Адоры постоянно громко слушает музыку, заглушая все, что происходит в доме.

Нельзя не затронуть тему вины перед умершей сестрой Мэриан, которую постоянно испытывает Камилла. С одной стороны, Мэриан, безусловно, спасла Камиллу, оттянув на себя внимание и ядовитые чары матери, и своей смертью как будто выторговав Камилле разрешение покинуть этот убивающий родительский дом, однако зависть к сестре, которая, пусть и путем гибели, получила внимание и заботу матери, также не дает Камилле прожить это и принять эту жертву. Но именно эти смешанные чувства заставляют Камиллу проиграть эту ситуацию снова, пытаясь в этот раз спасти свою младшую сестру, принимая яд вместо нее, несмотря на весь негатив и зависть, испытываемые к Эмме. Компulsive проживая эту травму в психике уже который раз (смерть Мэриан, смерть соседки в психиатрической клинике и смерть девочек-подростков в этом городе), она пытается все-таки изменить ход событий, и ей наконец это удается, последняя сестра спасена.

Инфантильная мать. Случай Элисон из сериала «Любовники» (США, 2014–2019)

История из кинематографа, которую мы можем взять для этого случая, – это история Элисон Бейли из сериала «Любовники». Дочь матери Афины, которую изнасиловал в молодости ее работодатель (после чего она и забеременела), Элисон практически все детство воспитывалась бабушкой. Мать, которая вела образ жизни хиппи, уехала из дома, чтобы путешествовать. Когда мы видим взрослую женщину, которая вернулась, она все еще одевается как подросток-хиппи и очевидно ставит именно свою жизнь во главу угла. Пытаясь принять участие в жизни дочери, она выглядит навязчивой, как будто эта навязчивость (по ее мнению, участие) может компенсировать ее отсутствие в течение детства Элисон. Семья Элисон, таким образом, состояла из сбежавшей матери и воспитывавшей ее бабушки, которая и была основным кормильцем этой семьи. Когда у нее случился сердечный приступ и врачи позвонили ее матери, та, поскольку занималась эзотерическими практиками, решила, что ей уже пора заканчивать свои страдания на земле, и подписала отказ от реанимации. После смерти бабушки мать Элисон сразу покинула город, заявив, что потеря матери – это серьезная рана, которую сложно исцелить, на что Элисон почти без иронии ответила, что это так (рис. 4).

Рис. 4. Элисон и ее мать впервые за много лет встречаются в больнице у постели бабушки

Кроме потери матери и отца в жизни Элисон была еще одна потеря. В результате трагической случайности Элисон потеряла четырехлетнего сына, и даже несмотря на то, что прошло несколько лет, она никак не может себя простить. Когда свекровь напоминает Элисон о том, что произошло, она в одиночестве берет перочинный нож и режет ногу, и зрителю становятся заметны множественные шрамы на внутренней поверхности бедра (рис. 5). В этот раз порез глубже обычного, и Элисон пришлось обратиться в больницу.

Хотя кажется, что в ее случае непереносимые чувства (вина и боль) связаны с потерей сына, похоже, что отсутствие матери в детском возрасте оставило глубокий след в ее психике, и эта вина берет начало в той детской вине за то, что Элисон недостаточно хороша, что мать ее не полюбила и оставила, за то, что она своим рождением испортила матери жизнь и, становясь сама матерью для своей матери, не смогла спасти ее. Таким образом, боль от потери сына тесно сплетается с болью от потери матери из своего детства, а вина за то, что Элисон не смогла спасти свою инфантильную мать, перекликается с виной за спасенного настоящего ребенка. Элисон в сознательном возрасте режет себя контролируемо, в одиночестве и в те моменты, когда чувства, которые она испытывает, становятся невыносимыми. Ощущая себя виноватой, ненужной, брошенной, девушка выбирает путь действия просто потому, что ей не с кем об этом поговорить, более того, такого собеседника никогда и не было, поэтому не было возможности и научиться; Элисон по сериалу практически не проявляет своих чувств. Описываемое в научных публикациях о самоповреждающем поведении отрезвление после пореза как будто обнуляет эти чувства, но тут явно прослеживается и та составляющая самоповреждающего поведения, которую мы обсуждали, как атака на кожу, приравнивающаяся к атаке на мать.

Рис. 5. Элисон режет себе ногу перочинным ножом

Тотально контролирующая мать. Случай Эрики из фильма «Пианистка» (Франция, Австрия, 2001)

Когда мы думаем о тотальном контроле и самоповреждениях, фильм австрийского режиссера Михаэля Ханеке «Пианистка» (Франция, Австрия, 2001 год) – первое, что приходит в голову. Главная героиня Эрика уже сорокалетняя женщина, но продолжает жить с матерью, которая тотально ее контролирует и спит с дочерью в одной кровати. При всем внешнем образе строгого и успешного профессора консерватории Эрика получает первертное удовольствие от наблюдения за сексуальными отношениями других в порнокабинках и темных парках. Кроме того, иногда она запирается в ванной, чтобы порезать свои половые органы, фигурально абортируя свою женственность, способность рожать и даже иметь сексуальные отношения. Встречая молодого человека, который отнесся к ней с симпатией, Эрика открывается ему и предлагает заняться с ней жестким, садомазохистским сексом. Фильм заканчивается на том, что Эрика, оставленная напуганным и разочаровавшимся в ней молодым человеком, после случайной встречи с ним втыкает нож себе в грудь очевидно не смертельным, а скорее шокирующим и привлекающим внимание образом и уходит в ночь. Очень ярко описывает эти отношения Каролин Эльячефф: «Изначально противоестественные, длительно замкнутые отношения между дочерью и матерью, очищенные от всех экономических причин их поддерживать и, соответственно, сведенные к их психологической сущности, предстают тем, чем они на самом деле и являются – перверсией» (Эльячефф, Эйниш, 2002).

В случае Эрики видна довольно сильная подавленность и невозможность выйти из-под гнета материнского объекта, хотя Эрика (вероятно, будучи в психозе) и осмеливается бороться за свою свободу, однако, не сумев даже физически отделиться от матери, в тяжелый для себя момент, наоборот, пытается совершить с матерью самый настоящий инцест и слиться наконец в одно общее тело. Эрика стала для своей матери успешным заместителем мужского объекта и единственной «любовью», а если быть точнее – нарциссической проекцией. Ее переполняет избыток ненависти и гнева, однако, поскольку их идентичность не смогла толком сформироваться в поле тотального контроля, ей одновременно кажется, что мать – это архаическая фигура, которая знает и умеет все и без которой она сама не сможет ничего. В таком случае кажется невозможным жаловаться на то, что тебя так сильно любят, и поверх этой ненависти оказывается еще и вина. Тем не менее в поведении Эрики мы наблюдаем множество первертных черт. Так, мазохизм заставляет наслаждаться тем, что причиняет страдание (как причинение себе физической и эмоциональной боли), как будто в их мире нет больше ничего. Сексуальные предпочтения Эрики отсылают нас к садомазохистским отношениям. Вуайеризм же заставляет Эрику ходить в порнокабинки и темные парки.

Таким образом, в ее случае мы видим куда более нарушенные, чем в предыдущих кейсах, и пропитанные психотическим отношения матери и дочери. По мере сдвига структуры героини в сторону психотического

Рис. 6. А. Эрика и ее мать. Б. Эрика и мама спят в одной кровати.
В. Эрика, закрывшись в ванной, режет половые органы бритвой

функционирования мы видим, что самоповреждения из единственного средства прожить и проявить свои чувства становятся еще и характеристикой в значительной степени первертного мазохистического поведения.

Обсуждение

Итак, в своей основной статье 1974 года Дидье Анзье выделил три основные функции «Я-кожи»: контейнирующая, барьерная и фильтрующая, что буквально можно обозначить как мешок, экран и решето/фильтр. Впоследствии после знакомства Анзье с работой Франсиса Паша «Щит Персея» в качестве четвертой функции добавилось зеркало реальности (Анзье, 1995). В этой работе мы рассмотрели три случая героев кинематографа. Если в проанализированных нами случаях собрать описания матерей пациенток с самоповреждающим поведением, то это могут быть строгие, требовательные, наказывающие и контролирующие матери, находящие в своем сердце место для нежности только в случае заболевшего ребенка, как в случае Камиллы. В разрезе взглядов Анзье такие матери в большей степени не способствуют формированию такой функции «Я-кожи», как мешок: их детям некуда деть свои чувства, они никому не нужны, и контейнер для них отсутствует. Кроме того, такие девочки с рождения получают от матери двойные послания, когда слова расходятся с ощущениями, которые маленький ребенок считает безошибочно, и кожа как настоящий дневник происходящего будет демонстрировать

истинное, тогда как за словами можно скрыть ложное. Камилла в этом случае является очень ярким примером – она наносит на тело не просто порезы, а надписи, чтобы точно не забыть об ужасных событиях, произошедших с ней.

В другом случае одной из ярких характеристик матерей девочек с самоповреждающим поведением может быть непоследовательность и инфантильность, что делает для дочерей таких матерей контролируемые самоповреждения очень и очень привлекательным вариантом, который точно не подведет, как в случае Элисон. В случае инфантильных матерей их детям часто требуется брать на себя функции взрослого, с сопутствующим им чувством вины за провал попытки спасти маму и за злость на нее, такую хрупкую и уязвимую. Здесь в контексте функций «Я-кожи» страдает функция «решета», которое свободно позволяет курсировать возбуждению и тревоге из внешнего мира и обратно, не находя для этих чувств места. Такие девочки с детства справляются сами с проблемами не по возрасту, от которых родители не смогли их оградить. Можно также назвать это плохо работающей функцией экрана. Анзье, описывая эту функцию, ссылается на Фрейда, который полагал, что до тех пор, пока Я ребенка еще формируется, именно мать обязана выступать в роли дополнительного «слоя», защищающего от раздражителей. В случае провала выполнения этой функции одним из способов реагирования, Анзье, ссылаясь на Фрэнсис Тастин (*Tustin, 1972*), называет варианты «Я-осьминог» (когда все функции «я-кожи» не развились) и «Я-рак» (когда формируется жесткий панцирь вместо несуществующего контейнера; тут можно найти параллель с концепцией «второй кожи» Эстер Бик). Контейнирования детских чувств в таких семьях тоже не происходит. Интересно, что Анзье в своей книге применительно к этой функции описывает случай, когда мать отдает ребенка на воспитание собственной матери (и это как раз случай Элисон). В таком случае страх потери объекта, выполняющего вместо матери вспомогательную функцию экрана от раздражителей (бабушки), становится максимальным, и мы видим, как сложно она переживает смерть своей бабушки.

Отдельно следует поговорить о самых нарушенных формах детско-родительских отношений в виде абсолютного контроля, из-под гнета которого выбраться просто невозможно, и это перекликается с функцией диссоциированного тела как создания границы-оболочки для слабого и несформированного Я (Хирш, 2010), как в случае Эрики. Опираясь на идеи Анзье, здесь «Я-кожа» этих пациентов страдает от обратных проблем с экранированием – тотальный материнский контроль ограждает дочь от возможности иметь собственную жизнь. Кончено, о контейнировании и фильтрации тут тоже речи не идет. Как мы видим, все три основные функции «Я-кожи» в этих семьях страдают.

Что касается функции зеркала реальности, она отсылает нас к идеям Лакана и Винникотта и напрямую относится к взгляду матери, которым она смотрела на своего ребенка и в глазах которой он видит образ себя. Можно предположить, что она также довольно плохо развивается у всех вышеперечисленных девочек, так как матери видят в них свое

нарциссическое расширение, свою помощницу, удобную дочь, отличницу и так далее – что угодно, кроме самой девочки. Как мы обсуждали ранее, впоследствии Анзье структурировал свои находки и выделил девять основных функций «Я-кожи» (в скобках термины, предложенные Анзье (**жирным шрифтом**) и автором): кожа как поддержка («скелет»), контейнер («мешок»), экран от возбуждений, индивидуализация («зеркало»), интеграция и взаимосвязанность различных ощущений («коммутатор»), источник сексуального возбуждения («эрогенная оболочка»), структурирование либидинальной энергии («решето/фильтр»), осознание внешней реальности и предметов в коже («фотоальбом») и наконец токсическая, саморазрушительная («отравленная туника»). Можно заметить, что практически каждая функция «Я-кожи» у пациенток с самоповреждениями в той или иной степени не сформирована или имеет трудности с выполнением, и только токсическая функция выполнена в полной мере, причем обязательно наблюдается сильный провал в работе одной из основных функций – контейнирующей, защитной или обменной – мешка, экрана или фильтра (см. рис. 7).

Из всего перечисленного, пожалуй, важно отметить то, что никто в семьях этих девочек не мог, не умел и уж тем более не учил их контейнировать их чувства. Испытывать чувства злости, ярости, обиды, гнева и вины в сторону материнского объекта становится невозможным, потому что материнский объект или очень хрупок, непоследователен и может разрушиться, или слишком зловещ и страшен и может разрушить в ответ. Кроме того, мать оплачивала за такие проявления полным отказом в заботе и любви, попутно вызывая стыд за них. Девочки (а как мы обсуждали выше в абсолютном большинстве случаев это девочки) не находят иного способа быть, чем стать правильными, удобными, нарциссическими продолжениями матери, чтобы (если в развитии Я будет происходить хоть какая-то положительная динамика) в какой-то момент начать бунтовать против этого. Одна пациентка с самоповреждающим поведением так и сказала на одной из сессий: «Я делаю это не потому, что мне это нравится, а потому, что это не нравится маме». Поэтому самоповреждения становятся эффективным и надежным способом справляться (а значит, контейнировать их, пусть и таким, небезопасным способом) с непереносимыми аффектами, которые в действительности не могут быть прожиты и приняты. Тогда в случае самоповреждающего поведения мы видим отношение к своему диссоциированному телу и как к объекту агрессии (где пациентка воспроизводит агрессию со стороны матери), и как к заботящемуся материнскому объекту (теплая струящаяся кровь, которая заменяет мать или заставляет пациентку бессознательно помогать себе, как мать в детстве помогала своей больной дочери, например), а также формирование искусственной границы вместо слабой границы Я. При выборе мазохистического функционирования пациентки начинают получать от этой боли удовольствие, при истерических компонентах – выставляют свои раны и шрамы напоказ, надеясь все же получить так необходимую любовь и внимание. Кожу как объект атаки такие пациентки выбирают, потому что в их бессознательном она олицетворяет собой символическую,

Рис. 7. Сформированные и несформированные функции «Я-кожи» у героинь кинематографа с самоповреждениями. Зеленый стикер – основная проблема в формировании функции; желтый стикер – побочные функции, развитые в той или иной степени; красный стикер – сформированная токсическая функция

психическую, общую с матерью кожу, атакуя которую можно атаковать и материнский объект и которая может ограничить и «разделить» наконец мать и дочь. Кроме того, кожа все же на поверхности, она становится своего рода полотном для манифеста в сторону окружающих, когда шрамы, подобно татуировкам, склонны искусственно «символизировать» несимволизированное и показывать немислимое. Интересно, что самая нарушенная из трех описанных девушек – Эрика – не может решиться даже на этот манифест и выбирает никому незаметное самоповреждение, результат которого увидеть со стороны фактически невозможно. Вероятно, она чувствует себя глубоко запертой в этой клетке общего с матерью Я и получить помощь уже не надеется, выбирая первертный путь мазохистического удовольствия от процесса.

Заключение

Таким образом, в результате анализа теоретических фундаментальных и современных психоаналитических работ мы приходим к выводу, что ранние отношения между матерью и ребенком являются краеугольным камнем в становлении Я ребенка. Длительное отсутствие матери, вызывающее чувство сильной беспомощности, а также чрезмерно тесная связь, когда у ребенка нет пространства и возможности захотеть что-то или начать галлюцинировать образ матери, которая всегда рядом, приводят к тому, что на пути развития способности к символизации встает ряд трудностей. Если ребенок так и не получил от матери необходимого опыта психизации переживаний, то путем проживания опыта может стать более «простой» путь действий. Тогда в случае сильных чувств, которые нельзя психизировать, они могут стать выраженными через действие, направленное вовне или на себя; примером последнего могут служить самоповреждения кожи. В психическом кожа представлена и как граница от внешнего мира, и как контейнер-хранитель нашего внутреннего содержания, коммуникатор и источник восприятия. Поскольку наша встреча с миром и последующие несколько месяцев проходят под приматом кожного контакта, проблемы с кожей относят к оральному регистру и, соответственно, к ранним отношениям с матерью, будь они слишком тесными или слишком отстраненными. Анзье выделил девять функций психической кожи, которые напрямую пересекаются с функциями кожи реальной: поддержка, контейнер, экран от возбуждений, индивидуализация, интеграция и взаимосвязанность различных ощущений, источник сексуального возбуждения, структурирование либидинальной энергии, осознание внешней реальности и предметов в коже и токсическая. Многие другие аналитики также писали о функции кожи как переходного объекта (и кожи как суррогате матери), связи кожи с идентичностью, трансляции мышления через кожу, манифестации боли и многое другое.

Самоповреждения кожи являются способом интегрировать психический опыт, действуя, в случае если способность к ментализации и психизации не смогла развиваться должным образом. При самоповреждении кожа может атаковаться как непосредственно объект агрессии, может рассматриваться как материнский защищающий и любящий объект или как граница слабого Я, которую необходимо атаковать. Основной причиной самоповреждающего поведения чаще всего являются невозможность регуляции аффекта и желание продемонстрировать свою боль другому, за неимением возможности сказать о ней словами. Самоповреждение же дарит ощущение контроля и даже ощущение себя живым. Самоповреждения кожи также можно рассматривать как компульсивное повторение актов самоуспокоения. Недаром пик самоповреждающего поведения приходится на пубертат, когда психика подростка отчаянно пытается обратиться к более раннему опыту, чтобы справиться с обрушившимся на нее буйством новизны, и, если этот опыт не был удачным, вместо успокоения и защиты от матери, приходится пользоваться стратегиями заботы, как ни парадоксально, но путем самоагрессии. Кроме того, этот способ

проживания опыта чаще выбирают пациентки женского пола, тогда как мужчины чаще направляют агрессию вовне.

В связи с этим нам показалось важным рассмотреть обсуждаемые случаи в разрезе взглядов Дидье Анзье, который в своей основной статье 1974 года выделил три основные функции «Я-кожи» – контейнирующую, барьерную и фильтрующую, что буквально можно обозначить как мешок, экран и фильтр. В данной статье были изучены три случая девушек с самоповреждающим поведением из кинематографа, на основании чего нами были описаны три типа матерей таких пациенток. Во-первых, это строгие, требовательные, наказывающие и контролирующие матери, находящие в своем сердце место для нежности только в случае заболевшего ребенка, как в случае Камиллы из сериала «Острые предметы». В разрезе взглядов Анзье такие матери в большей степени не способствуют формированию такой функции «Я-кожи», как мешок, – их детям некуда деть свои чувства, они никому не нужны, и контейнер для них отсутствует. Во-вторых, характерной чертой матерей девочек с со склонностью к самоповреждающему поведению может быть непоследовательность и инфантильность. Этот факт делает контролируемые самоповреждения очень подходящим вариантом, который точно не подведет, как в случае Элисон из сериала «Любовники». В случае инфантильных матерей дочерям часто приходится брать на себя материнские функции, которые легко могут сопровождать чувство вины за невозможность спасти маму и за невозможность простить ее и злиться на нее, такую беспомощную и беззащитную. В этом случае, проводя аналогию с функциями «Я-кожи», страдает функция «фильтра», которая пропускает к ребенку возбуждение и тревоги из внешнего мира (и наоборот, из внутреннего мира наружу) без какого-либо разбора и контейнирования. Можно также назвать это плохо работающей функцией «контейнера» и «экрана» от внешних раздражителей, в качестве которого до определенного возраста должна выступать мать. Особняком стоят более злокачественные формы тотального контроля, из-под гнета которого выбраться просто невозможно. В этом случае очень четко можно наблюдать диссоциированное тело, пытающееся стать границей для несформированного Я, как в случае Эрики из фильма «Пианистка». Проводя параллель со взглядами Анзье, в этом случае «Я-кожа» этих пациентов явно страдает от обратных проблем с экранированием – полный контроль со стороны матерей экранирует дочерей от наличия хоть какой-то своей жизни, хотя и о контейнировании и фильтрации тут тоже говорить не приходится.

Получается, что все три основные функции «Я-кожи» в этих семьях страдают; рассматривая же более поздний список из девяти функций «Я-кожи» от Анзье, можно отметить, что практически каждая из функций «Я-кожи» у пациенток с самоповреждениями в той или иной степени нарушена или не развита и только токсическая функция реализована в полной мере. При этом обнаруживается значительный провал в исполнении одной из трех основных функций – контейнирующей, защитной или обменной – мешка, экрана или фильтра. Некому было контейнировать чувства этих девушек, защищать их от внешних раздражителей

и угроз, знакомить с увлекательным и безопасным миром. Девочки не находят иного способа существования, кроме как быть удобными и хорошими или бунтовать, продолжая одновременно искать любовь матери и ненавидеть ее. Тогда самоповреждения становятся эффективным и надежным способом справляться с непереносимыми аффектами и скрыто коммуницировать с миром, говоря о своей боли, где шрамы, подобно письмам на теле, являются попыткой искусственно «символизировать» несимволизируемое и показать невысказанное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* (1995). Я-кожа. 2-е. изд. Ижевск: ERGO, 2011.
2. *Банников Г. С., Федунина Н. Ю., Павлова Т. С. и др.* (2016). Ведущие механизмы самоповреждающего поведения у подростков: по материалам мониторинга в образовательных организациях. Консультативная психология и психотерапия, 24 (3): 42–68.
3. *Бержере Ж.* (1972). Патопсихология. Психоаналитический подход. Теория и клиника. М.: Аспект Пресс, 2008.
4. *Бик Э.* (1968). Переживание кожи в ранних объектных отношениях. Статья из: Психология и психопатология кожи: тексты. Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011.
5. *Бион У. Р.* (1963). Элементы психоанализа. М.: Когито-Центр, 2009.
6. *Боулби Дж.* (2003). Привязанность. М.: Гардарики.
7. *Винникотт Д. В.* (1971). Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
8. *Дольто Ф.* (1985). На стороне ребенка. Екб.: Рама Пабблишинг, 2019.
9. *Дольто Ф.* (1984). Бессознательный образ тела. Ижевск: ERGO, 2006.
10. *Кернберг О. Ф.* (1998). Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. М.: Независимая фирма «Класс», 2017.
11. *Коротецкая А. И.* (2022). Дневник страдания: татуированная кожа. Доклад на III психосоматической конференции Ассоциации Специалистов в области Психоаналитической Психосоматики. Москва, 27 марта 2022.
12. *Лакан Ж.* (1975) Символ и язык как структура и граница поля психоанализа. Статья из: Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис.
13. *Макдугалл Дж.* (1989). Театры тела. Психоаналитический подход к лечению психосоматических расстройств. М.: Когито-Центр, 2017.
14. *Мани-Кёрл Р.* (2008). Когнитивное развитие // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 1.
15. *Марти П.* (1958). Аллергические объектные отношения. URL: <https://psychic.ru/library/articles/modern84.htm>
16. *Марти П.* (2014). Ментализация и психосоматика / Пер.с французского Г. Давид, под ред. Л. И. Фусу. URL: <https://psychic.ru/articles/somatic/modern76.htm>
17. *Руссийон Р.* (2012). Работа символизации / Пер. с французского А. И. Коротецкой, Л. И. Фусу. URL: <https://psychic.ru/articles/modern/modern11.htm>

18. *Руссийон Р.* (2020). Нарциссизм и анализ Я. Семинар в НИУ ВШЭ 16.10.2020. [Стенограмма].
19. *Сохакян К. А.* (2022). Дневник страдания: татуированная кожа. Доклад на III психосоматической конференции Ассоциации специалистов в области психоаналитической психосоматики. Москва, 27 марта 2022. [Стенограмма].
20. *Ульник Х.* (2008). Кожа в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2017.
21. *Ференци Ш.* (1921). Тик с точки зрения психоанализа. В: Теория и практика психоанализа. М.: Университетская книга, 2000.
22. *Ференци Ш.* (1932). Клинический дневник. М.: Канон+, 2020.
23. *Фрейд З.* (1900). Толкование сновидений. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020.
24. *Фрейд З.* (1905). Очерки по психологии сексуальности. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020.
25. *Фрейд З.* (1912–1913). Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.: Эксмо, 2020.
26. *Фрейд З.* (1915). Вытеснение. Психология бессознательного. М.: Фирма СТД, 2006.
27. *Фрейд З.* (1920). По ту сторону принципа удовольствия. Ижевск: ERGO, 2018.
28. *Фрейд З.* (1923). Я и Оно. М.: Эксмо-Пресс, 2017.
29. *Фрейд З.* (1927). Фетишизм. В: Венера в мехах (сборник работ). М.: РИК Культура, 1992.
30. *Хиншелвуд Р. Д.* (2007) Словарь кляйнианского психоанализа. М.: Когито-Центр, 2007.
31. *Хирш М.* (2010). «Это мое тело... и я могу делать с ним что хочу». Психоаналитический взгляд на диссоциацию и инсценировки тела. М.: Когито-Центр, 2018.
32. *Хирш М.* (2017). Тело как объект психоанализа. Доклад на конференции «Тело в психоанализе: история и перспектива», Москва, 2016 // Журнал практической психологии и психоанализа. 2017, № 1.
33. *Шниц Р. А., Коблинер У. Г.* (1965). Первый год жизни. Психоаналитическое исследование нормального и отклоняющегося развития объектных отношений. М.: Академический проект, 2006.
34. *Эльячефф К., Эйниш Н.* (2002). Дочки-матери. 3-й лишний? М.: издательство «Институт общегуманитарных технологий», 2018.
35. *Beer T.* (2021). <https://www.forbes.com/sites/tommybeer/2021/03/03/self-harm-claims-among-us-teenagers-increased-99-during-pandemic-study-finds/?sh=22b81c8e33e0> (assessed 12.04.2022).
36. *Brager-Larsen A., Zeiner P., et al.* (2022). Is age of self-harm onset associated with increased frequency of non-suicidal self-injury and suicide attempts in adolescent outpatients? BMC Psychiatry, 22: 58.
37. *Clayton R.* (2020). <https://www.abc.net.au/news/2020-08-08/young-people-self-harming-end-up-in-hospital-emergency-rooms/12532040> (assessed 12.04.2022)
38. *Eissler K. R.* (1968). Further remarks on the problem of concentration camp psychology. Psyche, 22 (3): 452–463.

39. *Fain M.* (1971) *Prélude à la vie fantasmatique*. Revue Française de Psychanalyse, n°2-3. Paris: P.U.F.
40. *Favazza A. R.* (1997). *Bodies Under Siege: Self-mutilation, Nonsuicidal Self-injury, and Body Modification in Culture and Psychiatry*. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 2011.
41. *Fonagy P., Target M.* (2000). Mentalization and personality disorder in children: A current perspective from the Anna Freud Centre. In: *The borderline psychotic child: A selective integration*. London: Routledge, 2000.
42. *Gandhi A., Luyckx K. et al.* (2018). Age of onset of non-suicidal self-injury in Dutch-speaking adolescents and emerging adults: an event history analysis of pooled data. *Compr Psychiatry*. 80: 170–8.
43. *Gardner K. J., Dodsworth J. et al.* (2016). Reasons for Non-Suicidal Self-Harm in Adult Male Offenders With and Without Borderline Personality Traits. *Archives of Suicide Research*, [s. l.], 20 (4):614–634.
44. *Gargiulo A., Margherita G.* (2019). Narratives of Self-harm: the experience of young women through the qualitative analysis of blogs. *Mediterranean Journal of Clinical Psychology*, 7 (1), 2019.
45. *Hoffmann S.O., Eckhardt-Henn A., Scheidt Konversion C.E.* (2004), Dissoziation und Somatisierung: historische Aspekte und Entwurf eines Integrativen Modells. In: *Eckhardt-Henn, A., Hoffmann, S. O.: Dissoziative Bewusstseinsstörungen*. Stuttgart-New York: Schattauer.
46. *Klonsky E. D., Glenn C. R.* (2009). Assessing the functions of non-suicidal self-injury: Psychometric properties of the Inventory of Statements about Self-injury. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 31: 215–219.
47. *Klonsky E. D., Victor S. E., & Saffer B. Y.* (2014). Nonsuicidal self-injury: what we know, and what we need to know. *Canadian journal of psychiatry*. *Revue canadienne de psychiatrie*, 59(11): 565–568.
48. *Lemma A.* (2010). *Under the Skin: A Psychoanalytic Study of Body Modification*. London: Routledge, 2010.
49. *Marsh S.* (2021). <https://www.theguardian.com/society/2021/feb/16/self-harm-among-young-children-in-uk-doubles-in-six-years> (assessed 12.04.2022)
50. *Moutier C.* (2021). Nonsuicidal Self-Injury (NSSI). *MSD Manual*. <https://www.msdmanuals.com/professional/psychiatric-disorders/suicidal-behavior-and-self-injury/nonsuicidal-self-injury-nssi> (assessed 12.04.2022).
51. *Ogden T.H.* (1989). The Autistic-Contiguous Position. In: *The Primitive Edge of Experience*. London: Routledge.
52. *Papadima M.* (2019). Rethinking self-harm: a psychoanalytic consideration of hysteria and social contagion, *Journal of Child Psychotherapy*, 45(3): 291-307.
53. *Porges S. VV.* (2003). Social engagement and attachment. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1008, 31-47.
54. *Rosenfeld D.* (1984); Hypochondrias, somatic delusion and body scheme in psychoanalytic practice. *Int J Psychoanal*, 65: 377-87.
55. *Ruggiero I.* (2007). Dinamiche narcisistiche nell'autolesionismo adolescenziale. *Richard e Piggie*, 15(2): 156-173. [Narcissistic dynamics in adolescents with self-harming behaviors].
56. *Schur M.* (1955) Comments on the metapsychology of somatization. *The Psychoanalytic Study of the Child*. 101 (1): 119-164.

57. *Shapiro S.* (1991). Affect integration in psychoanalysis: A clinical approach to self-destructive behavior. *Bulletin of the Menninger Clinic*, 55: 363–374.
58. *Shengold L.* (1979). Child abuse and deprivation: Soul murder. *J. Am. Psychoanal. Assoc.* 27: 533–559.
59. *Spiegel A.* (2005). The History and Mentality of Self-Mutilation <https://www.npr.org/2005/06/10/4697319/the-history-and-mentality-of-self-mutilation>. (assessed 12.04.2022).
60. *De Stefano J., & Atkins S.* (2017). Nonsuicidal self-injury, interpersonal neurobiology, and attachment: Implications for counselors and therapists. *Journal of Mental Health Counseling*, 39(4), 289–304.
61. *Tørmoen A. J, Myhre M. et al.* (2020). Change in prevalence of self-harm from 2002 to 2018 among Norwegian adolescents. *Eur J Pub Health*. 30(4):688–92.
62. *Tustin F.* (1972). *Autism and childhood psychosis*. Karnac Books, London: Routledge, 1995.
63. *Waska R.T.* (1998). Self-Mutilation, Substance Abuse, and the Psychoanalytic Approach: Four cases. *American Journal of Psychotherapy*. 52 (1): 18–27.
64. *Wiens K., Gillis J., Nicolau I., Wade T.J.* (2020). Capturing Risk Associated with Childhood Adversity: Independent, Cumulative, and Multiplicative Effects of Physical Abuse, Sexual Abuse, and Family Violence on Mental Disorders and Suicidality. *Perm J*. 24:19.079.

Three Cases of Skin Self-harm in the Modern Cinema: a Psychoanalytic View

E. S. Don

Don Elena S., PhD in biology, Master of psychology (HSE), psychoanalytic-oriented psychotherapist.

To this day, there is much concern about the problem of non-suicidal self-harm as the number of patients using such way of acting is growing every year. Since self-harm and self-destruction can take absolutely any form, from eating disorders, workaholism to addictions and promiscuity, the author wanted to understand the reasons for choosing the skin as the object of self-aggression. The purpose of this work was a theoretical analysis of the various views of the psychoanalysts on the functions of the skin, the reasons for the attack on it, as well as the study of the experience of practical application of the concept of "I-skin" by Didier Anzieu in the analysis of the works of modern cinema in the psychoanalytic approach. We have investigated how closely the propensity for self-harm skin behavior is associated with failure or difficulties in early relationships with the primary object, leading to disruption in the formation and proper functioning of the psychic skin - the primary metaphorical presentation of the "I", supported by bodily sensory and called Didier Anzieu "I- skin." The features of the primary objects which could be connected to the arising of self-harm behavior later also have been discussed.

Keywords: self-harm, skin, object relations, "I-skin", psychoanalytic psychotherapy.

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Психоаналитическая концептуализация психопатологии лидера деструктивного культа на примере персонажа художественного романа «Риф» Алексея Поляринова

Ю. А. Камалетдинов

Камалетдинов Юрий Александрович – психоаналитически ориентированный психотерапевт, организационный консультант, руководитель направления организационного дизайна в Группе компаний «Полус».

Лидеры деструктивных культов (сект), например Чарльз Мэнсон из секты «Семья» или Джим Джонс из секты «Храм народов», привлекают к себе большое внимание и интерес как со стороны широкой общественности и популярных средств массовой информации, «смакующих» истории культов и их основателей как своего рода реальные триллеры или фильмы ужасов, так и со стороны психологов и психиатров, пытающихся проанализировать личности лидеров культов, концептуализировать их психопатологию, выявить причины ее происхождения. В настоящей статье исследуется возможность концептуализации психопатологии лидеров деструктивных культов с позиций психоаналитической теории, с опорой на концепции Эриха Фромма, Герберта Розенфельда, Андре Грина, Отто Кернберга, Дональда Вудса Винникотта, Хайнца Кохута, Анны Фрейд и других известных психоаналитиков, а также на труды исследователей культов и терапевтов, непосредственно работавших с жертвами культов, таких как Даниэл Шоу, Стивен Хассан, Филип Зимбардо, Голднер-Вуков, Мур и других. Возможность применения психоаналитических взглядов для концептуализации личности лидера культа проиллюстрирована посредством анализа личности Юрия Гарина – вымышленного персонажа художественного романа «Риф» современного российского писателя Алексея Поляринова. Статья может быть интересна психологам и психотерапевтам, исследующим культы или занимающимся реабилитацией жертв культов, студентам психологических факультетов и психоаналитических институтов, а также всем лицам, заинтересованным в данной теме.

Ключевые слова: психоанализ, лидер культа, деструктивный культ, секта, характерологическая психопатология, злокачественный нарциссизм, деструктивный нарциссизм, патологический нарциссизм, ложная самость, контроль сознания.

Прежде чем сделать попытку формирования психоаналитической концептуализации психопатологии лидера деструктивного культа, на наш взгляд, необходимо договориться о терминах, а именно уточнить, что мы имеем в виду, говоря о «деструктивном культе». В научной литературе существует большое количество различных определений понятия «деструктивный культ», при этом для обозначения понятия также используются термины «секта» или просто «культ». Далее по тексту статьи термины «деструктивный культ», «культ» и «секта» используются как полные синонимы.

Одним из наиболее емких и точных определений культа нам показалась формулировка, представленная в работе Чемберс и коллег (*Chambers et al.*, 1994, p. 89): «Культы – это... группы, которые эксплуатируют своих участников психологически и/или финансово, как правило, заставляя членов группы подчиняться требованиям руководителя путем применения определенных типов психологических манипуляций, обычно называемых "манипуляцией сознанием", а также посредством формирования глубоко укореняющейся тревожной зависимости от группы и ее лидеров». Данное определение выделяет практики психологического насилия, глубокой индуцированной зависимости членов культа от лидера как ключевые для понимания природы культа. Центральную роль фигуры лидера для терминологического определения деструктивного культа подчеркивает и Дэниел Шоу, который в течение десяти лет был членом секты «Сиддха-йога», а в настоящее время является психоаналитически ориентированным психотерапевтом и консультантом по выходу из культов. «Секта, – говорит Шоу, – это группа, возглавляемая человеком, который прямо или опосредованно заявляет, что достиг человеческого совершенства; или, в случае религиозной секты, это – тот, кто заявляет о единстве с божественным и поэтому требует для себя отмены социальных или моральных ограничений и запретов» (*Shaw*, 2003, p. 2). Согласно Шоу, изучение психопатологии лидера культа играет ключевую роль для понимания всей системы функционирования культа («без лидера культа нет и культа» (*Shaw*, 2003, p. 2)), а также для понимания индивидуальных психологических особенностей членов культа, особенностей травматического воздействия и подходов к дальнейшей терапии жертв культов.

Исследование психопатологии лидеров деструктивных культов с позиций психоаналитической теории, на наш взгляд, необходимо начать с основополагающего вопроса: «Действительно ли лидеры культов являются обладателями какой-либо характерологической психопатологии, которая предопределяет деструктивный характер их мышления и поведения, или же они относятся к условной психологической "норме" и действуют скорее как руководители корпораций, т. е. системно и осознанно используют набор "управленческих практик", направленных на обеспечение доходов для "бенефициаров" культов, реализацию политических, социальных или других реальных целей культа?»

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к мнению ведущих исследователей культов, а также психологов, работающих с жертвами культов. Все авторы, работы которых мне довелось изучить

(*Shaw, 2003; Zimbardo, 1997; Hochman, 1990; Salande, Perkins, 2011; Hassan, 1988; Goldberg, 1997*), соглашаются с тем, что лидеры культов действительно используют набор «управленческих практик» – в частности, используют техники психологической манипуляции («контроля сознания»), такие как запугивание и унижение, добиваясь от жертв полного подчинения, что позволяет лидерам и бенефициарам культов присваивать финансовые накопления и имущество членов культов, использовать членов культов как бесплатную рабочую силу или как безропотных исполнителей каких-либо других задач.

В больших, хорошо организованных культах такие техники применяются осмысленно и системно. Ярким задокументированным примером сознательного использования техник контроля сознания в культе является культ «Церковь объединения», чьи практики рекрутинга, индокрикации и удержания членов были детально описаны Стивеном Хассаном (*Hassan, 1988*). Однако лидеры многих не таких больших и менее «профессионально» организованных культов вряд ли специально обучаются техникам контроля сознания и действуют скорее «по наитию», бессознательно. Они ведут себя типично для патологических нарциссов, т. е. людей, которые отличаются, среди прочего, паранойей и манией величия. Контроль сознания – это систематическое применение техник доминирования, порабощения и контроля, которые могут быть очень похожи на естественное поведение насильников в ситуации домашнего насилия по отношению к партнерам и/или детям (поведение патологических нарциссов).

Зейдерс и Девлин (*Zeiders, Devlin, 2019*) в своей работе, посвященной исследованию нарциссических лидеров, предоставили следующее описание характерных особенностей патологического, «злокачественного» нарцисса на лидерской позиции в религиозной организации: «Он будет харизматичен и великолепен, в совершенстве овладеет ораторским искусством и приобретет собственных последователей. Он станет обожаемым защитником группы недовольных, ищущих признания в мире, населенном "врагами". Он будет использовать убедительные теологические объяснения, чтобы беспричинно и садистически ранить оппонентов своей "божественной" программы. Его последователи будут продолжать делать членские взносы и любить его. Его грандиозность введет их в заблуждение, заставив думать, что провидение удостоило его способности никогда не ошибаться. Будучи излишне самоуверенным, он будет участвовать в преступных действиях, и, когда его привлекут к ответственности, продемонстрирует свирепую паранойю. Чтобы сохранить свое наследие и избежать ответственности, он обвинит бывших союзников, сбежит или покончит жизнь самоубийством. Если он покончит с собой, он будет изображать этот последний разрушительный акт как своего рода победу. В некоторых случаях злокачественный нарциссический лидер побуждает последователей к совместному суициду. Это особенно справедливо для тех случаев, когда деструктивный лидер культивирует апокалиптическую паранойю среди последователей» (*Zeiders, Devlin, 2019, p. 2*).

Великие умы в психологии интересовались этим характерологическим отклонением. После Второй мировой войны психоаналитик Эрик Фромм ввел термин «злокачественный нарциссизм» и описал его как тяжелое психическое заболевание, которое представляет собой «квинтэссенцию зла» (*Fromm, 1964, p. 33*). Фромм использовал понятие зла, заимствованное у богословов, как референт для социально злокачественной власти, мотивированной ненавистью, которая может привести к террору, ужасу и смерти. Он закрепил ярлык «злокачественный нарцисс» для напыщенных, харизматических лидеров, чья психопатология объясняла интенсивную деструктивность, пожирающую врагов, сторонников и самих людей. Описывая последствия мировых войн, когда геноцид и всеобщая вражда завершились ядерным опустошением, Фромм предположил, что за этими бедами стояли «негативные провидцы», поглощенные влечением к смерти, или некрофилы. Это были злокачественные нарциссы, «корень самой порочной деструктивности и бесчеловечности» (*Fromm, 1964, p. 33*).

Другие психоаналитики отмечали, что эта злокачественная форма нарциссизма построена на агрессии и идеализирует деструктивные аспекты личности. Герберт Розенфельд, немецко-британский аналитик и последователь Мелани Кляйн, писал, что при деструктивной форме нарциссизма Эго сливается с агрессивным, идеализированным образом самого себя и окружает себя чувством собственного величия, выраженным в самоочевидно «добродетельном» насилии (*Rosenfeld, 1971*). Андре Грин в своей работе «Нарциссизм жизни, нарциссизм смерти» (*Green, 1983*) говорит о «негативном» нарциссизме, который, по его мнению, выполняет «деобъектуализирующую» функцию для достижения нулевого уровня при разрушении объектных отношений, атакуя процесс объектуализации, а не сам объект. Процесс, который он описывает, почти идентичен выводам Розенфельда о том, как работает деструктивный нарциссизм, а именно: он направлен против либидинальных и зависимых связей или близости субъекта и объекта, в том числе первичного объекта.

Отто Кернберг (*Kernberg, 1976*) описал злокачественных нарциссов как глубоко нарциссических и преступных. В частности, Кернберг выделил наиболее характерные черты злокачественных нарциссов, предложив четырехпараметрическую структурную концепцию личности: нарциссическое расстройство личности (НРЛ) с преобладающим чувством собственного величия, антисоциальными чертами, эгосинтонным садизмом и паранойей.

Джордж Поллок (*Pollock, 1978*), профессор психиатрии, преподававший в Северо-Западном университете (США), охарактеризовал злокачественного нарцисса как актера, который проявляет болезненную претенциозность, аморальность и неконтролируемое поведение с чертами садизма. Его определение по сути аналогично определению Кернберга, что указывает на согласованность заключений различных исследователей.

Более недавнее рецензируемое исследование этой патологии было проведено Милой Голднер-Вуков и Лори Джо Мур в 2010 году (*Goldner-Vukov, Moore, 2010*). Подтверждая кернберговскую четырехпараметрическую структурную концепцию личности, они определили четыре

критерия, существенных для кернберговской модели злокачественного нарциссизма:

1. Нарциссическое расстройство личности: «ключевые особенности НРЛ, которые распознаются при злокачественном нарциссизме, — это амбициозное чувство собственной важности, озабоченность фантазиями безграничного успеха, чувство силы и гениальности, вера в то, что вы особенные или уникальные, сильная потребность в чрезмерном восхищении, избалованность, межличностная эксплуатация, неспособность сопереживать и явная зависть» (*Goldner-Vukov, Moore, 2010, p. 393*);

2. Антисоциальные черты: «[злокачественные нарциссы] презирают социальные условности и демонстрируют: склонность лгать, воровать и неумело распоряжаться деньгами. Они могут совершать кражи со взломом, нападения или убийства, и они могут даже стать лидерами садистских или террористических групп. Они способны чувствовать беспокойство и преданность по отношению к другим, но в первую очередь это касается их учеников или «слепых» последователей. Они понимают, что у других есть моральные проблемы, но они легко рационализируют свое антиобщественное поведение» (*Goldner-Vukov, Moore, 2010, p. 393*);

3. Эгосинтонный садизм: «люди со злокачественным нарциссизмом склонны разрушать, символически кастрировать и дегуманизировать других. Их гнев подпитывается жадой мести» (*Goldner-Vukov, Moore, 2010, p. 393*);

4. Склонность к паранойе: «склонность к паранойе у злокачественных нарциссов отражает их проекцию неразрешенной ненависти на тех, кого они подвергают травле» (*Goldner-Vukov, Moore, 2010, p. 393*).

Когда эти четыре элемента злокачественного нарциссизма объединяются в едином лидере, возникает портрет чудовищной личности, подвергающей опасности свою организацию. Сэм Вакнин (*Vaknin, 2016*), израильский эксперт по психопатическому нарциссизму, опираясь на концепцию «ложной самости», впервые предложенную Д. В. Винникоттом (*Winnicott, 1960*), пишет: «Злокачественный нарцисс изобретает, а затем проецирует ложную, вымышленную самость, чтобы заставить весь мир бояться или восхищаться им. У него с самого начала присутствует слабое понимание реальности, что еще больше усугубляется атрибутами власти. Амбициозный самообман и фантазии нарцисса о всемогуществе и всеведении поддерживаются авторитетом в реальной жизни и склонностью нарцисса окружать себя подобострастными льстецами» (*Winnicott, 1960, p. 56*).

Личность нарцисса настолько ненадежно сбалансирована, что он не может терпеть даже намек на критику и несогласие. Большинство нарциссов параноики и страдают от бредовых идей отношений (заблуждение, будто их высмеивают или обсуждают, когда на самом деле это не так). Таким образом, нарциссы часто считают себя «жертвами преследований». Нарциссический лидер стимулирует и поощряет культ личности со всеми признаками организованной религии: священство, обряды, ритуалы, храмы, поклонение, катехизис, мифология. «Лидер — аскетический святой в этой религии. Он по-монашески отказывает себе в земных удовольствиях

(по крайней мере, он так утверждает), чтобы иметь возможность полностью посвятить себя своему призванию. Нарциссический лидер – это перевернутый образ Иисуса, жертвующего своей жизнью и отвергающего себя во благо своих людей – или человечества в целом. Превосходя и подавляя свою человечность, нарциссический лидер становится искаженной версией "сверхчеловека" Ницше» (*Zeiders, Devlin, 2019, p. 14*).

Шоу (*Shaw, 2003*), придерживаясь портрета патологического нарцисса, описанного Кохутом (*Kohut, 1976*), предположил, что лидер культа во многом зависит от фанатичной преданности последователя. Эта зависимость глубоко постыдна для лидера культа, потому что вследствие травмирующих аспектов его собственной истории развития любая зависимость означает для него презренную слабость и унижение. Травма, полученная в ходе развития и становления личности, у тех, кого в более позднем возрасте можно назвать патологическими нарциссами, как правило, состоит в том, что их воспитывают родители или другие лица, осуществляющие уход, в условиях крайнего доминирования и контроля, сопровождаемых повторяющимися переживаниями стыда и унижения. Патологический нарцисс отождествляет себя с этой агрессией и начинает ненавидеть и презирать свою зависимость, приравнивая ее к слабости. Маниакально защищаясь от лишений и унижений, он приходит к убеждению, что ему никто не нужен, что он может доверять только себе, что те, кто зависит от других, слабы и презренны. Таким образом, лидер культа, в значительной степени бессознательно, компенсирует свою неспособность доверять другим и полагаться на них и защищает себя от сильного стыда, который, как он чувствует, связан с потребностями и зависимостью, получив контроль над своими последователями, сначала посредством соблазнительных обещаний безусловной любви и принятия, а затем через запугивание, стыд и унижение. Это способствует формированию зависимости у последователя, и лидер культа, таким образом, старается отказаться от своей собственной зависимости, которую он считает гадкой и постыдной. Используя психологические методы соблазнения, а затем применяя физическое и моральное насилие по отношению к последователю, превращая его в человека, испытывающего постыдную зависимость, лидер культа сохраняет свое превосходное положение и может иллюзорно хвастаться тем, что полностью освобожден от всех мелких, мирских привязанностей. Эти процессы подчинения других и побуждения других к тому, что человек ненавидит и пытается отрицать в себе, являются крайними формами маниакальной защиты от позорной зависимости.

Фактически лидер культа не избегает зависимости. Вместо этого он попадает в зависимость от своих последователей, которые поклоняются ему и обожают его, отражая для него его нарциссическое заблуждение о совершенстве, как это делает зеркало Злой Королевы в сказке о Белоснежке. Один из возможных сценариев – это извращение зависимости, наблюдаемой в том случае, если лидер культа заявляет, что, поскольку ему ничего не нужно, он имеет право на все. Таким образом, лидеры культов, утверждающие, что они чисты и совершенны, без какой-либо нужды или привязанности, используют маниакальную защиту, чтобы рационализировать

и оправдать свою зависимость от экстравагантных и пышных атрибутов, таких как троны, автопарк роллс-ройсов и сбережения своих богатых последователей (*Shaw, 2003*).

Для лидера культа его способность вызывать полную зависимость у последователей служит поддержанию и усилению отчаянно необходимой ему иллюзии идеального, всемогущего контроля. У многих лидеров культа (например, Сёко Асахары (*Lifton, 1999*)) растворение их иллюзии всемогущества обнажает глубинное ядро психоза. Поддержание иллюзии всемогущества и совершенства для лидера культа является маниакальной попыткой предотвратить психическую фрагментацию. Опять же, полезно учитывать, что этот вид патологического нарциссизма и защитной мании часто наблюдается у людей, чье детское развитие контролировалось чрезвычайно доминирующими, часто садистическими опекунами или чье развитие характеризовалось травматическими переживаниями сильного унижения. Лидеры культов затем создают тщательно продуманные обоснования для своих агрессивных систем, подсознательно формируя эти системы по образцам своего собственного опыта жестокого обращения.

Лидерам культов удастся доминировать над своими последователями, потому что они овладели жестоким искусством эксплуатации универсальной человеческой зависимости и потребности в привязанности к другим. Длительный период зависимости в процессе человеческого развития, способность родителей, как богоподобных фигур, буквально давать жизнь и поддерживать жизнь своих детей, остается у каждого человека в виде воспоминаний, отдаленных или бессознательных, о полной зависимости. Лидеры сект подключаются к этой части человеческой психики и повторно активируют ее. Последователей поощряют регрессировать и инфантилизировать, полагая, что их жизнь зависит от того, чтобы доставить удовольствие лидеру культа. Лидеры культов зависят от их способности привлекать людей, часто проживающих критические этапы своей жизни, сбитых с толку, недовольных, находящихся в поиске. Лидеры культов обычно находят множество способов подорвать независимость таких людей и их способность мыслить критически (*Shaw, 2003*).

В религиозном культе лидер воспринимается как божество, которое всегда праведно подобно богу, а член культа, всегда находящийся на грани греховной ошибки, живет с единственной целью – доставить удовольствие гуру/богу и избежать его недовольства. Недовольство лидера означает для члена секты, что он недостойн, чудовищно неполноценен и, следовательно, незначителен. Последователи культа приучаются верить, что потеря «благодати» лидера равносильна потере какой-либо ценности, доброты или правоты в себе. По мере того как член культа все больше погружается в деятельность культа, возрастает его беспокойство о том, чтобы сохранить репутацию хорошего последователя. Это беспокойство сродни сильному страху, беспомощности, потере контроля и угрозе уничтожения, которые Герман в своем обсуждении психологического доминирования описывает как возникающие и у жертв террористов, и у супругов, которые подвергаются физическому насилию со стороны партнера:

«Конечный результат этих методов – убедить жертву в том, что преступник всемогущ, что сопротивление бесполезно и что ее жизнь зависит от получения его снисходительности посредством абсолютного подчинения. Цель преступника – внушить своей жертве не только страх смерти, но и благодарность за то, что ей позволено жить» (*Herman*, 1992, p. 77).

При распространении данной формулировки на лидеров и последователей культов, лидер культа воспринимается как человек, который должен отказаться от своей зависимости и избавиться от страха перед психическим растворением, что ему удастся в той мере, в какой он способен вызвать эту зависимость и страх у своего последователя. Блаженство, которое часто проявляют члены культа, скрывает их страх потери интереса со стороны лидера, что для последователя равносильно «самому худшему, что может случиться».

Стимулом Герман к написанию книги «Травмы и исцеления» стало желание «показать общие черты между людьми, пережившими изнасилование, и ветеранами боевых действий, между женщинами, подвергшимися побоям, и политическими заключенными, между выжившими в крупных концентрационных лагерях, созданных тиранами, правящими народами, и оставшимися в живых в маленьких, скрытых концентрационных лагерях, созданных тиранами, которые правят в своих домах» (*Herman*, 1992, p. 3).

Тираны, правящие культами, подвергают своих последователей аналогичным надругательствам.

Подводя промежуточный итог с психоаналитической точки зрения, можно сказать, что лидер культа бессознательно переживает свои потребности в зависимости как настолько постыдные, что порождает иллюзию собственного всемогущества, помогающую предотвратить невыносимое чувство стыда. Для патологического нарцисса, который бессознательно знает, что он подвержен крайнему унижению («умереть от стыда»), крайне важно поддерживать иллюзию всемогущества. Маниакальные защитные механизмы помогают поддерживать это заблуждение, но, помимо этого, последователей необходимо соблазнять и контролировать, чтобы отвратительную зависимость можно было экстернализировать, воплотить в других и, таким образом, сделать ее контролируемой. Затем лидер может выразить свое бессознательное самоуничижение через «сострадание» (часто слегка замаскированное презрение) к слабости своих последователей. Маниакально заявляя о собственном совершенстве, лидер создает для последователя программу «очищения». Склоняя последователя к сдерживанию стыда, который он проецирует и изгоняет из собственной психики, лидер культа избавляется от всякого стыда, становясь, по сути, «бесстыдным». Он определяет свое бесстыдство как просветление, освобождение или самоактуализацию. В целях поддержания своего состояния бесстыдства, от которого зависит психическое равновесие, для лидера культа становится важным отсутствие конкуренции, чтобы он один и никто другой в группе не чувствовал стыда. Таким образом, очевидно, приглашая других достичь состояния совершенства (бесстыдства), следуя за ним, лидер культа на

самом деле постоянно вовлечен в то, чтобы вызвать стыд у своих последователей, тем самым сохраняя свое господство и контроль.

Возможность применения психоаналитических концепций для анализа личности лидера культа я хотел бы продемонстрировать, представив анализ личности Юрия Гарина, персонажа романа «Риф» Алексея Поляринова (Поляринов, 2020), а также взаимоотношений Гарина с другими ключевыми персонажами романа (Кирой, Таней и Ли). Анализ проведен с использованием четырехпараметрической модели личности злокачественного нарцисса, разработанной Отто Кернбергом (*Kernberg, 1970*) и подтвержденной исследованиями Милы Голднер-Вуков и Лори Джо Мур (*Goldner-Vukov, Moore, 2010*) в качестве основной, системообразующей концепции, которая при этом дополнена теориями других психоаналитических авторов.

Краткое резюме сюжетной линии данного персонажа: Юрий Гарин предстает перед читателями в качестве известного антрополога, прославившегося за исследования культуры микронезийского племени, а также уважаемого профессора в одном из американских университетов. В процессе его взаимодействия с другим ключевым персонажем Ли, поступившей к Гарину на обучение по докторской программе, выясняется, что Гарин неэтично использует труд студентов в личных целях, садистически издевается над ними, унижает, запугивает, прибегает к сексуальным злоупотреблениям. Вскрываются также этические нарушения, допущенные Гариным в рамках его исследовательской деятельности, — его действия в рамках экспедиции по изучению микронезийского племени привели к массовому суициду членов племени. Преступления Гарина становятся известными, и он бежит от следствия, исчезая более чем на 10 лет. Затем Гарин снова объявляется уже в качестве лидера подмосковной квазирелигиозной, квазилуддитской секты. Опираясь на туманные философско-психологические концепции, причудливые мифы и ритуалы, Гарин эксплуатирует образ мудрого «отца», привлекает жертв обещаниями простого решения сложных человеческих проблем, а именно предлагает «очищение» от памяти и травм прошлого, начало новой жизни «с чистого листа». Фактически члены секты попадают в физическое и психологическое рабство, занимаются тяжелейшим ручным неоплачиваемым трудом, подвергаются унижениям и пыткам, теряют свои накопления, имущество, психическое и соматическое здоровье. Бессознательные мотивы поведения Гарина обусловлены пережитыми в детстве психологическими травмами, полученными в отношениях с крайне доминирующим, садистичным отцом, внезапно исчезнувшим в попытке спастись от кредиторов (про роль матери в воспитании Гарина сведений практически нет). Главным женским героям романа (Ли и Тане) после долгих усилий, в том числе переживания собственного опыта принудительного «обращения» в сектанты, удастся дискредитировать Гарина перед властями и общественностью, после чего тот повторно бесследно исчезает.

Далее приведен анализ личности Юрия Гарина по четырем параметрам модели злокачественного нарцисса, предложенной Кернбергом (*Kernberg, 1970*).

Параметр 1. «Нарциссическое расстройство личности». В определенный период своей жизни Гарин – самый известный ученый и преподаватель в одном из крупных американских университетов, прославившийся своими антропологическими исследованиями в Микронезии. Более того, его считают талантливым организатором, поднявшим научный рейтинг университета, получившим множество грантов. Гарина боготворят и боятся студенты и другие преподаватели. Ходят легенды о его неутомимости, способности работать по семь дней без сна. Позже члены секты, организованной им в России, обожествляют Гарина, называют «отцом». Гарин верит в свою исключительность, гениальность, испытывает сильнейшую потребность в восхищении им сначала со стороны студентов, профессоров, научного сообщества, позже – со стороны членов своей секты. Как в университете, так и в своей подмосковной общине Гарин формирует культ собственной личности, вводя признаки организованной религии: специфические ритуалы, свод нерушимых правил (за нарушение которых следует жестокое наказание), мифологию и поклонение. Слава, поклонение и власть обеспечивают подпитку мощнейших нарциссических защит Гарина, вероятно защищающих его личность от распада и психоза вследствие пережитых в детстве травм (в частности, постоянных «воспитательных» унижений со стороны отца и главного унижения – объявления его отца лжецом и мошенником, сбежавшим от кредиторов и бросившим жену и сына без средств к существованию). Идея наличия глубинного психотического ядра в личности патологического нарцисса прослеживается в работах Шоу и Лифтона (*Shaw, 2003; Lifton, 1999*), посвященных исследованиям сект. Гарин должен поддерживать иллюзию собственной грандиозности, гениальности, исключительности любой ценой, чему «способствуют» его антисоциальные черты.

Параметр 2. «Антисоциальные черты». Чтобы обеспечить себе славу и власть, Гарин постоянно переходит нормы общепринятой общественной морали, профессиональной этики и закона. Все его достижения основаны на злоупотреблениях, обмане и преступлениях. Данные для своего знаменитого исследования культуры микронезийского племени Гарин получает, спаивая туземцев, и фактически вызывает массовый суицид членов изучаемого племени. Научные успехи Гарина основаны на постоянной жестокой эксплуатации «рабского» труда студентов (студенты, вместо того чтобы работать над своими собственными диссертациями, все время тратят на личные исследования Гарина). Гарин также эксплуатирует студентов в сексуальном смысле, тем самым нарушая установленные этические нормы и правила университета. Лидерство Гарина в руководящих кругах университета основано на интригах и запугиваниях других профессоров и несогласных с его методами студентов. Влияние Гарина на его приближенных студентов основано в том числе на выведывании их тайн, «болевых точек» (в процессе так называемых групповых встреч по сплочению команды) и впоследствии использовании полученных личных сведений для манипуляции своими подопечными. Его лидерство в подмосковной общине основано, среди прочего, на жестоких унижениях и пытках членов общины. При этом Гарин постоянно рационализирует свои

злоупотребления и преступления, например спаивание членов микронезийского племени и подталкивание их к нарушению табу, приведшему к массовому суициду: Гарин объясняет это необходимостью собрать нужные ему для исследования данные; в организованной Гариным подмосковной секте пытки людей в земляной яме, а также неоплачиваемую эксплуатацию членов общины на сельскохозяйственных работах Гарин объясняет желанием помочь им стереть прошлое, обновиться и начать новую жизнь. Хорошей иллюстрацией антисоциальных черт личности Гарина является его фотография, где он, издевательски улыбаясь, как бы «держит на ладони» ужасающую разлагающуюся тушу кита (как на отпускных фото, где люди «держат на ладони» заходящее солнце). То, что у человека с невротическим уровнем функционирования (без антисоциальных черт) вызвало бы страх, отвращение, жалость, печаль, у Гарина, презирающего социальные условности, вызывает только улыбку и издевку. Нужно отметить, что антисоциальные черты Гарин мог унаследовать от своего отца (посредством механизма трансгенерационной передачи), который был лжецом и вором, набравшим колоссальное количество долгов и после этого бесследно исчезнувшим.

Параметр 3. «Эгосинтонный садизм». Гарин постоянно проявляет свое желание разрушать, символически кастрировать, дегуманизировать других людей. В начале своей карьеры он предаёт, подставляет своего научного руководителя. Далее в своей роли исследователя-антрополога Гарин заставляет туземцев нарушить табу племени, страдать от невыносимого стыда и совершить суицид. В своей роли преподавателя и научного руководителя в университете Гарин садистически издевается над своими студентами, заставляет их работать без сна, употреблять в пищу только бананы, выполнять его неправомерные требования и поручения. Он регулярно наказывает студентов отвержением, молчанием, выставляет из машины на трассе, при этом никогда не объясняет, за что полагается наказание, заставляя студентов чувствовать себя «раздавленными», униженными, лишенными каких-либо ориентиров. Подобное поведение Гарина очень похоже на поведение реального лидера секты «Сиддха-йога», в деталях описанного Шоу (Shaw, 2003). Один из студентов Гарина, над которым издевались больше всего, в результате кончает жизнь самоубийством. В своей роли лидера подмосковной секты Гарин использует не только приемы психологического садизма, но также и физический садизм, например помещение людей в земляную яму, обливание ледяной водой и хлоркой и проч. Вероятно, садистические компоненты личности Гарина образовались в детстве вследствие использования маленьким Юрием защиты «идентификация с агрессором», описанной Анной Фрейд (Freud, 1966). Известно, что отец Гарина был жестоким и доминирующим, использовал методы унижения для «воспитания» ребенка, например выставлял его из машины на трассе далеко от дома и заставлял пешком идти домой. Идентификация с агрессором позволила маленькому Юрию интроецировать агрессивные, садистические компоненты личности отца, чтобы через это получить некоторый (пусть и иллюзорный) контроль и справляться с

колоссальной тревогой, вызываемой таким обращением со стороны первичного объекта.

Параметр 4. «Склонность к паранойе». Гарин показывает выраженные признаки параноидальности. В роли профессора в университете он систематически заносит других преподавателей и студентов в перечень своих «врагов» и постоянно расширяет данный список. Он также заставляет своих студентов совместно снимать жилье только друг с другом, а не с посторонними студентами, так как опасается вторжения посторонних людей в его периметр влияния. В качестве лидера подмосковной секты Гарин культивирует параноидальное мышление и поведение среди членов общины, указывая им на желание внешнего «греховного» мира вторгнуться и разрушить общину.

Приведенный выше анализ личности Юрия Гарина с использованием четырехпараметрической модели Кернберга, на мой взгляд, полностью подтверждает тот факт, что Гарин является «эталонным» злокачественным нарциссом, демонстрирующим полное совпадение с предложенными Кернбергом критериями по каждому из четырех параметров. Таким образом, модель, предложенная Кернбергом, оказалась хорошо применима для анализа личности лидера вымышленной секты, изображенной Алексеем Поляриновым в романе «Риф».

В дополнение следует отметить, что истоки психопатологии Гарина следует искать не только в описанном выше травматичном опыте, связанном с отцом, но и в практически полном отсутствии упоминаний о матери и ее роли в воспитании ребенка. Можно предположить, что мать Гарина, так же как и он сам, подвергалась жестокому, доминирующему обращению со стороны мужа, была эмоционально подавлена, депрессивна и вследствие этого не смогла предоставить ребенку какой-либо позитивной компенсации психологическому урону, нанесенному тому отцом. Более того, вероятное наблюдение маленьким Юрием отношений между родителями способствовало (через идентификацию с агрессором-отцом) формированию психопатологии, в частности садистических наклонностей. Стоит также отметить, что для историй жизни главных женских персонажей романа – Тани, Ли и Киры – характерна в некотором смысле противоположная ситуация: все они выросли без отцов. Автор стерты личности отцов героинь, отсутствует какое-либо описание их вклада в воспитание дочерей. Гарин активно и очень успешно эксплуатирует отцовский образ, и мы понимаем, что в психике Киры, Ли и Тани существует мощнейший дефицит отцовского я-объекта (описание концепции «я-объекта» предложено Хайнцом Кохутом (*Kohut, 1976*)). Гарин, позиционируя себя в качестве идеального я-объектного родителя, активирует подсознательные потребности героинь в привязанности, поощряет их регрессировать и инфантилизировать, подрывает их независимость и способность критически мыслить, тем самым добиваясь полного контроля над своими жертвами.

Исследуя тему потребности Гарина в контроле над другими людьми, Шоу (*Shaw, 2003*) позволяет себе сделать предположение, что защитный механизм идентификации с отцом-агрессором являлся источником не

только садистических черт Гарина (как было описано выше), но и источником более сложного психического конфликта и способа его разрешения, свойственных патологическим нарциссам. Вследствие идентификации себя с агрессором-отцом Гарин вероятно испытывает ненависть и презрение к чувству/состоянию зависимости от других людей. Маниакально защищаясь от чувства стыда и унижения, Гарин приходит к убеждению, что он может доверять только себе, что те, кто зависит от других, слабы и ничтожны. Между тем нарциссическая сторона личности Гарина является чрезвычайно зависимой от признания, обожания других людей, нуждается в постоянной «подпитке». Данный конфликт Гарин, как и другие патологические нарциссы, решает через жесткий контроль и психическое «порабощение» своих последователей (в частности, его студентов и членов общины), тем самым как бы «переворачивая все с ног на голову» – теперь уже не Гарин «постыдно» зависит и нуждается в своей «пастве», а «паства» полностью зависит от него и нуждается в нем. Процесс подчинения и побуждения своих последователей к тому, что Гарин ненавидит и отрицает в себе, является крайней маниакальной формой защиты от постыдной зависимости.

Для порабощения своих жертв Гарин использует не только эксплуатацию отцовского образа, но также целую «палитру» инструментов психологического воздействия и контроля. Применяемые Гариным методы контроля можно систематизировать с использованием типологии методов контроля, разработанной Леоном Фестингером (*Festinger, 1956*) и затем доработанной Стивеном Хассаном (*Hassan, 1988*) для целей анализа отношений в сектах:

Метод 1. «Контроль поведения». Гарин стремится регулировать физическую реальность своих жертв. Своим студентам он указывает, с кем им можно жить в одной квартире (с другими студентами Гарина), что им можно есть (бананы), сколько спать (как можно меньше, чтобы выполнять как можно больше работы для Гарина), процесс и результаты работы студентов также жестко контролируются. Еще более жесткий контроль поведения Гарин применяет в своей секте: люди живут в уединенной, удаленной от других поселений общине, не используют блага цивилизации (например, электричество и водопровод), одеваются определенным образом; распорядок дня жестко регламентирован, все свое время сектанты занимают или тяжелым ручным трудом, или участием в общинных ритуалах. Свободного времени, необходимого любому человеку для того, чтобы осмыслить ситуацию, разобраться в себе, сектантам не предоставляется.

Метод 2. «Контроль мыслей». Как своих приближенных студентов, так и членов своей секты Гарин тщательно «обучает», транслирует им свою «доктрину». В своей подмосковной общине Гарин идет дальше и внедряет техники, направленные на прекращение мыслительной деятельности (пение, хороводы, и т. п.). Чтобы быть принятым Гариным, сектант должен мыслить в соответствии с его требованиями и ожиданиями.

Метод 3. «Контроль эмоций». Гарин внушает своим жертвам чувство вины и страха, необходимые для дальнейшей манипуляции.

Своим студентам он внушает вину за то, что они недостаточно стараются, и страх, что он выгонит их из своей «элитной» группы и испортит им научную карьеру. Страх отвержения из устоявшегося коллектива и потери карьеры силен для студентов докторантуры, так как они плохо приспособлены к жизни вне академической среды и рискуют столкнуться с высокой степенью неопределенности и тревоги. Гарин также использует откровенные высказывания студентов о своих проблемах, которые они делают во время организованных Гариным «сессий командообразования», для того чтобы в дальнейшем оказывать давление и манипулировать ими. Членам своей подмосковной секты Гарин внушает вину за расхождение их мыслей и поведения с «доктриной» общины, а также страх жестокого наказания (помещение и пытки в земляной яме) и, что более важно, – страх отвержения, изгнания из общины, что для сектантов равноценно страху возвращения всех проблем и страданий из их докультовой жизни. Используя концепцию «магического помощника», введенную Эрихом Фроммом (*Fromm*, 1965), культ и лидер культа стали для студентов и членов общины Гарина тем самым «магическим помощником», который «отменил» их одиночество, уязвимость и безнадежность, гарантировал защиту от сомнений за счет слияния с этим «большим и могущественным целым» (*Fromm*, 1965, p. 177). Таким образом, потеря «магического защитника» вызывает огромный и непреодолимый страх у жертв Гарина. Причем из истории Ли мы видим, что страх этот не является какой-то прерогативой сектантов из сельскохозяйственной квазилуддитской общины, а может быть крайне актуален для высокоинтеллектуальных, хорошо образованных студентов докторантуры американского университета.

4. *Контроль информации.* Заставляя своих студентов работать «днями и ночами», Гарин лишает их времени и когнитивной способности критически осмысливать собственный опыт, анализировать информацию и достичь понимания происходящего с ними. Члены подмосковной общины живут в условиях полной информационной блокады, у них нет ни источников информации о Гарине и его неправомерной деятельности, ни времени, чтобы эту информацию изучать. Гарин также с успехом применяет данный инструмент контроля против общества как такового, когда с помощью специального сервиса уничтожает всю информацию о себе в цифровом пространстве, тем самым мешая людям сформировать адекватное представление о нем и его правонарушениях.

Манипуляции, контроль и злоупотребления Гарина приводят к значительному ухудшению нормального функционирования Я, образованию культистской «ложной самости» (*Winnicott*, 1960) у Тани, Ли и Киры. Героини романа показывают устойчивые, выраженные признаки диссоциации, деперсонализации/дереализации, крайней зависимости от воли и расположения Гарина, эмоциональной дерегуляции, потери способности к критическому мышлению, ослабления когнитивных функций, депрессии, серьезных соматических нарушений. Мы также видим, что жертвы в рамках своего культового опыта используют такие примитивные защитные механизмы, как расщепление (идеализация культа с одновременным

обесценением своего докультового опыта и в целом жизни вне культа), примитивная идеализация (поклонение лидеру культа как сверхчеловеку, знающему истину), отрицание (отрицание фактов злоупотреблений Гарина и наносимого им ущерба) и аннулирование (ритуалы по «очищению-стиранию» прошлого опыта, докультовых воспоминаний являются центральными в программе индоктринации, принятой в гаринском культе, поскольку Гарин сам бессознательно использует данную защиту, чтобы справиться с собственным детским травматичным опытом). Исходя из описанного выше, можно заключить, что вследствие воздействия, оказанного Гариным на психику главных героинь, у Киры, Тани и Ли активировался примитивный уровень объектных отношений и защитных операций, которые Кернберг (*Kernberg, 1976; Kernberg, 1984*) связывал с пограничным уровнем организации личности.

В заключение психоаналитического анализа личности и взаимоотношений Юрия Гарина хотелось бы отметить, что выраженность и «злокачественность» его психопатологии усиливаются по мере развития сюжетной линии романа. Если в своем университетском культе он применяет к студентам методы психологического контроля и насилия, то в подмосковной общине он использует также жестокие методы физического воздействия и подавления, аналогичные, возможно, тем, что применяются к военнопленным и подозреваемым в терроризме в военных и специальных тюрьмах, чтобы добиться от жертв быстрого и безоговорочного подчинения. Усиливается также и степень эксплуатации отцовского образа. Если в университете Гарин предстает блестящим ученым и профессором, привлекает жертв в первую очередь через их нарциссическое желание принадлежать к элитарной группе «ученого-суперзвезды», через желание построить выдающуюся карьеру (образ отца также эксплуатируется, но менее явно), то в своей квазилуддитской секте Гарин – уже «отец» (так его называют члены общины), мудрец, знающий, как отринуть прошлое, и направляющий своих запутавшихся «детей» к «перерождению». Какого-либо, даже временного, улучшения его уровня психического функционирования, ослабления психопатологии не наблюдается. Сталкиваясь с реальностью и серьезными угрозами, такими как расследования его преступной деятельности в качестве ученого, профессора, лидера секты, Гарин неизменно компульсивно повторяет сюжет из своего детства – бесследно исчезает, так же как исчез его отец, чтобы скрыться от кредиторов.

На наш взгляд, в данной статье были представлены убедительные свидетельства того, что психоаналитические теории, в частности концепции Эриха Фромма, Герберта Розенфельда, Андре Грина, Отто Кернберга, Д. В. Винникотта, Хайнца Кохута, Анны Фрейд и других психоаналитиков, могут быть с успехом использованы для анализа личностей лидеров деструктивных культов. В качестве иллюстрации была предложена психоаналитическая концептуализация психопатологии Юрия Гарина, персонажа художественного романа «Риф» Алексея Поляринова. Стоит отметить, что специфика использования психоаналитической теории для анализа лидеров современных культов и отношений в культах, а также терапии жертв культов на текущий момент плохо изучена и требует

дальнейшего исследования. Психоаналитическая традиция способна стать платформой, позволяющей комплексно осмыслить феномен культа в современном обществе, интегрировать существующие знания и, что особенно важно, предложить осмысленный подход к психоаналитически ориентированной терапии жертв культов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляринов А. Риф, Москва: Эксмо», 2020.
2. Chambers W.V., Langone M.D., Dole A.A., & Grice J.W. (1994). The group psychological abuse scale: a measure of the varieties of cultic abuse. *Cultic Studies Journal*, 11, 88–117.
3. Festinger Leon; Riecken Henry W; and Schachter Stanley (1956). *When Prophecy Fails: A Social and Psychological Study of a Modern Group That Predicted the Destruction of the World*. New York: Harper & Row.
4. Fromm E. (1964). *The heart of man: Its genius for good and evil*. New York, NY: Harper & Row.
5. Fromm E. (1965). *Escape from freedom*. New York: Avon.
6. Freud A. (1966). *The ego and the mechanisms of defense*. New York: I.U.P., Inc.
7. Goldberg L. (1997). A psychoanalytic look at recovered memories, therapists, cult leaders, and undue influence. *Clinical Social Work Journal*, 25, 71–85.
8. Goldner-Vukov M., & Moore L. J. (2010). Malignant narcissism: From fairy tales to harsh reality. *Psychiatria Danubina*, 22(3), 392–405.
9. Green A. (1983). *Narcissisme de vie, narcissisme de mort*. Les editions de minuit.
10. Hassan S. (1988). *Combating Cult Mind Control*. Park Street Press, Rochester.
11. Herman J. (1992). *Trauma and recovery*. New York: Basic Books.
12. Hochman J. (1990). Miracle, mystery and authority: The triangle of cult indoctrination. *Psychiatric Annals*, 20(4), 179–187.
13. Kernberg O. (1976). *Object Relations Theory and Clinical Psychoanalysis*. New York: Jason Aronson, Inc.
14. Kernberg O. (1984). *Severe Personality Disorders*. New Haven, CT and London: Yale University Press.
15. Kohut H. (1976). Creativeness, charisma, group psychology. In P. Ornstein (Ed.), *The search for the self* (Vol. 2). Madison, WI: International Universities Press, Inc, 793–843.
16. Lifton R.J. (1987). *The future of immortality and other essays for a nuclear age*. New York: Basic Books.
17. Pollock G. H. (1978). Process and affect: Mourning and grief. *International Journal of Psycho-Analysis*, 59 (2–3), 255–276.
18. Salande J.D., Perkins D.R. (2011), *An Object Relations Approach to Cult Membership*. *American journal of psychotherapy*, Vol. 65, No. 4
19. Shaw D. (2003), *Traumatic Abuse in Cults: A Psychoanalytic Perspective*. *Cultic Studies Review*, 2(2), 101–129.

20. Vaknin S. (2016, November 2). Narcissistic and psychopathic leaders (article online). Healthy place. Retrieved from www.healthyplace.com/personality-disorders/malignant-self-love/narcissistic-leaders/
21. Winnicott D. W. (1960). «Ego distortion in terms of true and false self». The Maturational Process and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development. New York: International Universities Press, Inc: 140–57.
22. Zeiders C.; Devlin P. (2019). Malignant Narcissism and Power: A Psychodynamic Exploration of Madness and Leadership. Routledge.
23. Zimbardo P. G. (1997). What Messages are Behind Today's Cults. American Psychological Association Monitor, page 14.

A psychoanalytic conceptualization of destructive cult leader's psychopathology drawing on the case study of the character of novel «Reef» by Alexey Polyarinov

Yu. A. Kamaletdinov

Kamaletdinov Yuriy A., psychoanalytic psychotherapist, organizational consultant, Head of organizational design at “Polyus” Group of companies.

Leaders of destructive cults (sects), e.g. Charles Manson from the “Family” cult or Jim Jones from the “Peoples temple” cult, attract a lot of attention from the general audience and mass information medias, treating the stories of cults and their leaders as a sort of real thriller or horror films, as well as from psychologists and psychiatrists trying to analyze personalities of cult leaders, to conceptualize and to identify the roots of respective psychopathologies. This article attempts to examine the possibility to conceptualize the destructive cult leader's psychopathology through the lens of psychoanalytic theory with the use of concepts developed by Erich Fromm, Herbert Rosenfeld, Andre Green, Otto Kernberg, D.W. Winnicott, Heinz Kohut, Anna Freud and other well-known psychoanalysts, as well as observations and findings developed by cults researchers and therapists working with cults victims, such as Daniel Show, Steven Hassan, Philip Zimbardo, Mila Goldner-Vukov, L.J. Moore, and others. The possibility to apply psychoanalytic views to conceptualize the cult leader's psychopathology is illustrated by the analysis of personality of Yuriy Garin - character of the novel «Reef» by contemporary Russian writer Alexey Polyarinov. This article may be of interest for psychologists conducting research on the topic of cults, psychotherapists involved in the rehabilitation of cults' victims, students of psychological faculties or psychoanalytic institutes, as well as for general audience interested in the topic of cults.

Keywords: psychoanalysis, cult leader, destructive cult, sect, characterological pathology, malignant narcissism, destructive narcissism, pathological narcissism, false self, mind control.

ПСИХОАНАЛИЗ ЖИВОПИСИ

Травма и символизация Эдварда Мунка. Искусство и психоанализ

**У. Майди,
Е. А. Караванова**

Майди Уару (Maïdi Houari) – психоаналитик, профессор, преподаватель в университетах Лилля (UFR de Psychologie, Université de Lille), Парижа (Institut de Psychologie, Université Paris Cité (Sorbonne)). С 2007 года он является профессором клинической психологии, психоанализа и психопатологии в Университете Бургундии Франш-Конте, г. Безансон (Université de Bourgogne Franche-Comté, Besançon). Автор многочисленных статей и книг, среди которых: «La plaie et le couteau – Et si la victime était son bourreau...» (2003), Genève, Paris, Delachaux et Niestlé (2003); «Les souffrances de l'adolescence – Trauma et figurations du traumatique» (2008), PUFC; «Clinique du narcissisme – L'adolescent et son image» (2012), а также «Образы женского. Клинический и психопатологический подход» (2015), опубликованная на русском языке в 2021 году в издательстве «Когито-Центр».

Караванова Елена Александровна – психоаналитически ориентированный психолог, магистр психологии (ГАУГН), аспирантка Университета Бургундии Франш-Конте, г. Безансон (Франция), преподаватель Института психологии и психоанализа на Чистых прудах (Москва).

В данной статье рассматриваются эволюция понятия «травма» с психоаналитической точки зрения и психическая переработка последствий травмы с помощью живописи на примере жизни и работы норвежца Эдварда Мунка. Ранний травматический опыт норвежского художника находит свое место в его искусстве и видении мира. Искусство позволяет «психически перерабатывать» последствия болезненных детских переживаний. Репрезентации детской травмы посредством живописи – это возможность придать этим событиям «фигурабельность» (образность, изобразимость) и осмысленное представление травматического опыта. Таким образом, визуальное искусство как работа символизации и психическая работа является своего рода защитным барьером против развязывания влечений и деструктивности. На примере известной картины Эдварда Мунка «Крик», которая несет в себе мотив повторения, показана способность художника к выбору позитивной судьбы для своего травматического опыта, где «повторение похожего» принимает форму «механизма отработки» и направлено на постепенное устранение сверхсильного напряжения травматического происхождения.

Ключевые слова: искусство, Эдвард Мунк, психическая переработка, психоанализ, повторение, символизация, психическая травма.

«Через свое искусство я пытался объяснить
жизнь и ее смысл для себя.

И я хотел помочь
придать смысл жизни другим».

Э. Мунк

Введение

Отражает ли искусство психическую реальность художника прямо и без цензуры *ex abrupto*? Показывает ли живопись художника также его психическую работу по самоисцелению или самосохранению? В работе «"Моисей" Микеланджело» Фрейд (Freud, 1914) утверждает, что психоанализ может быть полезен для того, чтобы узнать замысел творца. Психоаналитическая интерпретация произведения искусства представляется вполне возможной и уместной. Как и сновидение, художественное произведение поддается толкованию, проливая свет на значение определенных мотивов его создания (Freud, 1910; Freud, 1911; Freud, 1932).

Таким образом, сновидение, как и творческая фантазия, использует те же механизмы формирования своих содержаний и имеет свою логику. Живопись, наряду с грезами, является реализацией бессознательного. Однако если грезы наяву, как продукт психической деятельности, являются относительно приватными и тайными, то произведение искусства имеет социальную природу. В отличие от асоциальных нарциссических снов, живопись ориентирована на участие других людей, оживляя и удовлетворяя бессознательные побуждения. Так искусство примиряет принцип удовольствия и принцип реальности (Freud, 1925).

Живопись, как и все искусство в целом, игнорирует мораль и позволяет свободно выражать все то, что неприемлемо или не совместимо с реальностью. В этом смысле она способствует выражению вытесненного и допускает нецензурированное высвобождение психического напряжения. Последствия ранних детских травм и самые тяжелые воспоминания могут найти свое место в продуктивной творческой деятельности художника и, таким образом, быть интегрированными в индивидуальную историю субъекта. Немыслимое и невыразимое, травматичное может быть репрезентированным и обсуждаемым публично.

Теории травмы

Заимствованное из хирургии понятие «травма» (**τραῦμα** (греч.) – рана, **τίτρωσκω** (греч.) – пронзать, протыкать насквозь) переносит на психоаналитический уровень три основных значения: 1) сильное потрясение (шок), 2) взлом, разрыв, 3) последствия этого для субъекта (Maidi, 2008).

Отправной точкой психоаналитических размышлений о травме следует считать работы З. Фрейда, чьи идеи на эту тему остаются основополагающими. Три периода развития концепции травмы (1895–1897, 1920 и 1926–1939) сосуществуют вместе в единой фрейдистской теории, являясь поворотными пунктами пересмотра и дополнения концепции травмы.

В 1895–1897 годах Фрейд создал теорию травмы, которая состоит из двух событий, отделенных друг от друга во времени: первое событие получает травматический смысл в *последействии* (фр. *après-coup*), через определенное время (в половозрелый период), и в связи со вторым событием, которое обнаруживает мнестические следы, «стертые» процессом вытеснения. Здесь травматическое воспоминание подобно «инородному телу» в психической ткани и оказывает свое воздействие до тех пор, пока не будет заменено активным воспоминанием и абреакцией (катарсическим освобождением) «заблокированного» аффекта.

Одним из проявлений травматического состояния является возникновение «инфантильной амнезии», неспособности человека связать два события, две сцены, и составить упорядоченную историю своей жизни в прямой связи с болезнью.

От концепции реальной и физической травмы Фрейд переходит к идеям психической травмы, в центре которой находится уже не реальное событие, а его репрезентация, переживаемая как внутреннее «инородное тело» и источник возбуждения. Симптомы, вызванные вытесненными воспоминаниями о травматическом событии, интерпретируются как желание воспроизвести – бессознательно повторить – этот вытесненный опыт. В более поздних работах Фрейда (Freud, 1920) теория травмы получит дальнейшее развитие, где бессознательное *желание* повторять уже будет осмысляться как *навязчивая необходимость* в повторении (Maïdi, 2015).

С самого начала в размышлениях о травме для Фрейда присутствуют экономические (количественные) представления, где травма характеризуется притоком чрезмерных для психики раздражений, будь то единичное событие или их совокупность.

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920) размышления Фрейда меняют свое направление. Здесь тоже присутствует экономическая составляющая травмы. Но теперь на первый план выходят не вытесненные воспоминания, а автоматизм и принуждение к повторению травматических ситуаций (Maïdi, 2015).

Когда субъект сталкивается с событием, которое выходит за рамки человеческих возможностей, психический аппарат пытается справиться с перевозбуждением, овладеть им, присвоить себе этот опыт. В этих условиях существует только один способ совладать с травматическим опытом – компульсивное воспроизведение реального опыта, лишённого символизации. «Пациент [...] вынужден повторять вытесненный [прошлый] опыт в качестве настоящего переживания [...] Вместо того чтобы вспомнить это как действующую часть своего прошлого» (Freud, 1920).

Более того, Фрейд объясняет, что основной функцией навязчивых тревожных сновидений (кошмаров) может быть стремление развить «чувство *испуга*», причину случившейся травмы, в предугадывание/предвидение события. Навязчивое повторение определенных репрезентаций травмы можно рассматривать как ретроспективную и воображаемую попытку

воспроизвести ситуацию, в которой травма может быть интегрирована в символическую систему субъекта. Это психическая работа по обретению смысла.

В работе «Торможение, симптом и тревога» (*Freud, 1926*) Фрейд вводит термин «травма» уже в экзистенциальном контексте, определив ряд основных травм в жизни субъекта и выделив два типа тревоги. Автоматическая тревога определяется им как неконтролируемый приток чрезмерного и интенсивного возбуждения после травматической ситуации, в которой Я бессильно и испытывает крайнюю беспомощность. В то время как сигнальная тревога – это предугадывание, ожидание и воспроизведение травмы в ослабленной форме, попытка подготовиться к опасности. Фрейд также связывает травму с «ситуацией опасности», возникающей в результате потери объектов – важных значимых фигур – и разлуки с ними. Таким образом, с 1926 года мышление Фрейда добавляет к описанным ситуациям понятие нарциссической травмы, которая включает в себя ситуацию (состояние) беспомощности (*Hilflosigkeit*), неспособности связать внутреннее возбуждение, что напрямую связано с потерей объекта.

Концепция нарциссической травмы (*Maïdi, 2012*) не была четко сформулирована Фрейдом, хотя в разных работах речь идет о нарциссическом шраме (нарциссическом рубце), нарциссической ране, нарциссической уязвимости, нарциссическом обеднении Я, нарциссической обиде в связи с потерей объекта любви. Позднее в «Моисее и монотеизме» (*Freud, 1939*) он подводит итог своим размышлениям о травме: речь идет о вытесненных ранних (до пяти лет) детских впечатлениях сексуального или агрессивного содержания, а также о преждевременных ранах, нанесенных Я, – «нарциссических обидах».

В связи с ранним болезненным опытом Э. Мунка мы хотели бы рассмотреть две категории детских психических травм (*Maïdi, 1996; Maïdi, 2008*):

1) *Ранние нарциссические дефициты*, то есть патологические ситуации «базисного дефекта» (*Balint, 1968*), которые характеризуются патогенным несоответствием между базовыми первичными потребностями ребенка и тем, как они удовлетворяются его окружением. Действительно, когда не соблюдаются основные психоаффективные или даже органические потребности детей, имеет место недостаточность и дефектность окружающей среды. Ранние нарциссические дефициты наблюдаются при тяжелой материнской депрессии, в случае негативной травмы – травмы, связанной с недостатком, когда ожидания страдающего и беспомощного младенца (*Hilflosigkeit*) заканчиваются его болью и разочарованием. Эти травматические переживания не способствуют достаточно хорошей интернализации объектных отношений, интроекции безопасного и надежного объекта. Следовательно, травма связана с отсутствием того, что ребенок должен был бы получить от объекта, и наличием того, чего не должно было быть, или того, что могло бы не быть.

2) *Нарциссические раны* представляют собой нарциссические катастрофы раннего детства, которые имеют внутреннее или внешнее происхождение и сигналом которых является нарциссическая боль. Это ранящие

нарциссизм ребенка травматические ситуации (брошенность/покинутость, преждевременные и длительные разлуки, «выдергивание» из привычной среды, разочарования в значимых других, объектные потери), которые было проблематично оплакивать. В этом случае травма может возникать как глубокая рана в стимульном барьере. Субъект, замкнутый в своей боли, истерзанный горем, не имеет доступа к психическому страданию. Боль – первоначальная и специфическая. Это «страдание» в чистом виде, «физическое», а не символизированное.

У каждой личности своя конституция и история, вопрос в том, как травмированный человек справляется с травмой и какие пути обхождения с ней он выбирает. В работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (*Freud, 1939*) Фрейд предполагает две возможные судьбы травмы, связанной с повторением пережитого опыта: одну позитивную и организирующую, которая использует память, повторение, переработку; другую – негативную и дезорганизирующую, некую защитную реакцию, которая поддерживает расщепление, создавая «государство внутри государства» и препятствуя лечению. В этом смысле, как мы знаем, существуют два типа повторения: то, которое компульсивно подчинено танатосу, и то, которое имеет отношение к эросу через операцию связывания и процесс символизации.

Травма в искусстве

Работа символизации, в смысле трансформации травмы через реконструкцию психической реальности, может развернуться в творческом, промежуточном, пространстве.

В живописи, которая визуально фиксирует травматический опыт, стоит главная задача – изобразить непредставимое. Сталкиваясь с ужасом, художник получает терапевтический эффект благодаря активной позиции – творца собственной истории (*Freud, 1920*).

Травматический опыт, представленный в художественной форме, является символизированной реинтерпретацией ситуации, взаимодействием в «переходном пространстве» (*Winnicott, 1971*) психической боли. Это переосмысление всегда связано с историческим процессом, с памятью о прошлом и конструированием темпоральности. Можно сказать, что символизированная художественная реинтерпретация позволяет противостоять ужасу и бессмысленности (безумию) ранней травмы и нарциссической раны.

Фрейд пишет: «Когда от прошлого остаются лишь неполные и путанные воспоминания, которые мы называем традициями, человек искусства находит огромное удовольствие в заполнении пробелов в памяти по своему усмотрению и чтобы привести в соответствие со своим желанием образ времени, которое он взялся изобразить» (*Freud, 1939*).

Сотворение художественных образов для воссоздания травматического события само по себе является терапевтическим актом. Травма сводится не только к насильственному акту, разрушению привычного образа жизни субъекта, негативному самовосприятию. Мы хотим говорить

о травме как о событии, организующем жизнь художника. А искусство способно облегчить психическую интеграцию тяжелых событий в историю субъекта. Биография и личность художника немыслимы без процессов конструкции-реконструкции, воссоздания прошлого и символизации истории пережитой травмы.

Ранние травмы и нарциссические раны художника

Когда Эдварду исполнилось пять лет, его мать умерла от чахотки, повторив судьбу своей собственной матери. Ей было 30 лет. После ее смерти ведение хозяйства взяла на себя тетя Эдварда – 29-летняя Карен Бьельстад (1839–1931). Художница-самоучка, хорошая хозяйка, она с любовью относилась к детям и поощряла желание Эдварда рисовать. Художественное дарование мальчика обнаружилось рано: в возрасте семи лет он взял уголь и очень талантливо нарисовал на полу увиденных накануне слепцов. Эта способность и стала одним из способов справиться с преследующими его кошмарами – мрачными, почти галлюцинаторными видениями.

Пугающие образы были связаны с ощущением приближающейся смерти и тяжелыми разговорами с отцом, из-за чего Эдвард мучился по ночам. Отец мальчика очень изменился после потери жены, углубился в мрачное христианство и старался подготовить Эдварда, унаследовавшего от матери проблемы со здоровьем, к смерти. Живопись стала для ребенка попыткой разрядить перевозбуждение и архаическую тревогу небытия в *переходное пространство* (Winnicott, 1971). Творить, созидать – теперь это требование. Создание «защитного барьера» на холсте позволит Мунку справляться с собственным бессилием и жестокостью травмы.

Историю «Крика» следовало бы начать с самого первого крика Эдварда Мунка. Эдвард, второй ребенок в семье Мунков, родился 12 декабря 1863 года, очень слабым, что потребовало от родителей особого к нему отношения (как к хрустальной вазе) на фоне их опасений, что долго он не проживет. В то время у него уже была старшая сестра Софи (1862–1877), а через несколько лет после его рождения друг за другом появились еще трое детей – Андреас (1865–1895), Лаура (1867–1926) и Ингер (1868–1952). Его отец, Кристиан Мунк (1817–1889), был глубоко религиозным человеком, врачом, который в молодости много путешествовал, любил читать и придумывать сказки. В возрасте 44 лет он женился на Лауре Катрин, которая была моложе его на 20 лет, и этот брак был мезальянсом с точки зрения отцовской семьи. По линии отца в роду были норвежские государственные служащие, художники, известные ученые, но также было много случаев психических заболеваний. По материнской линии в семье было много людей со слабым здоровьем. Мать Эдварда, Лаура-Катерина Мунк Бьельстад (1838–1868), вероятно, заболела туберкулезом до замужества, и Эдвард отчетливо запомнил красные пятна крови на ее носовом платке. Предположительно, внимание его больной, возможно, депрессивной матери также было занято другими детьми (она родила пятерых детей за пять лет), постоянными семейными переездами с места на место, работой по дому. Таким образом, детство Эдварда

Мунка отмечено чередой травм, совокупностью травм, с самого рождения. Эдварду пришлось столкнуться с болезненной потерей и «крахом инфантильного всемогущества» (Grunberger, 1956), где нехватка «нарциссического подтверждения» (нарциссической безопасности) оставляет Я ребенка тотально бессильным.

«Болезненность, безумие и смерть – черные ангелы, которые стояли у колыбели и сопровождали меня всю жизнь. Рано умершая мать передала мне бациллу чахотки. Сверхнервный отец, богобоязненный до безумия, передал мне склонность к сумасшествию» (Næss, 2004).

В 13 лет Эдвард, который постоянно болел, начал кашлять кровью. А год спустя он пережил новую потерю: старшая сестра Софи, с которой он был очень близок, умерла в 15 лет от туберкулеза. Тогда же Мунк окончательно и бесповоротно решил стать художником, вопреки мнению отца, а также не вступать в брак и не иметь детей, посвящая себя искусству «душой и телом». Потеря матери открыла для него целый ряд непредсказуемых и опасных возможностей, потеря сестры поставила под угрозу собственное существование. Выход – перевести свой раненый нарциссизм в символический регистр с помощью живописи. Через смещение, сгущение, изобразимость (репрезентирование) искусство хоть ненадолго, но все же способно вернуть художнику чувство утраченного всемогущества и контроля над ситуацией, воссоздать творца из обломков/фрагментов собственного нарциссизма.

В 1889 году (Эдварду 26 лет) умирает его отец, и уже известный за границей (всемирно известный) художник не успевает приехать на похороны, так как новость приходит слишком поздно. Переживая утрату отца, он ведет затворнический образ жизни, предается воспоминаниям и размышлениям.

Парижский период творчества Мунка, начавшийся в 1889 году, характеризовался суицидальными наклонностями и злоупотреблением алкоголем. Смерть отца привела его к депрессии и суицидальным мыслям: «Я живу с мертвыми – моя мать, моя сестра, мой дед, мой отец... Убей себя, и тогда все закончится. Зачем жить?» Шесть лет спустя от пневмонии умирает его младший тридцатилетний брат, не дожив до рождения своего ребенка и повторив судьбу своей матери.

Неудивительно, что болезнь и смерть – отличительная особенность творчества этого художника. В травматичной сцене картины «Мертвая мать и дитя» (1897–1899) Мунк-ребенок как будто бы заново оказывается у постели матери в оглушающей тишине смерти (см. *рис. 1*).

Другие персонажи, кажется, озабочены своими собственными переживаниями, и никому нет дела до одетого в красное ребенка, застывшего в неподвижности и закрывшего руками уши. Лицо ребенка выражает отчаяние, глубокую тревогу, растерянность, отказ слышать крик смерти. На заднем фоне легким карандашным наброском запечатлена фигура матери. Люди в этой комнате, замкнутые в своих переживаниях, оставили ребенка в одиночестве, не обращая внимания на его чувства. В другой работе Мунка «Мертвая мать» (Munch, 1900) также изображен ребенок, закрывающий уши руками, но его одежда выполнена в сине-зеленых тонах.

Рис. 1. Эдвард Мунк, «Мертвая мать и дитя», 1899 г.

Парализованное, окаменевшее состояние, с обездвиженностью, уходом, возможной деперсонализацией и свидетельствами дезорганизации – такова картина травмы.

«Я пишу не то, что вижу, а то, что видел», – говорил о своих картинах сам Эдвард Мунк (Næss, 2004). Кажущаяся буквальность образа, таким образом, является не репрезентацией события, а выражением его недоступности, непостижимости, невозможности понять или сопротивления пониманию. Следует попытаться осмыслить этот травматический опыт, случившийся из-за незрелости ребенка и отсутствия адекватной реакции со стороны окружения. Отпечаток сенсорного образа в момент травмы одновременно делает его недоступным для понимания. Существует разрыв между увиденным и понимаемым. Травматическое событие формируется в связи с дальнейшей потребностью в повторении с целью понять, контейнировать, связать возбуждение.

Для визуального художественного выражения травмы необходимы свидетели события и понимающая аудитория, реальная или воображаемая. Как считает Винникотт, важно задуматься о том первичном окружении, которое в свое время не отреагировало должным образом на бессилие ребенка, пребывающего в состоянии беспомощности. Похоже, публика способна принять и понять этот субъективный и индивидуальный опыт психической боли. Исключительную важность здесь приобретает идея о том, что Другой видит, признает и принимает травматический опыт, иначе последний становится зловещим, бессмысленным, повторно травмирующим, а нарциссические раны – незаживающими язвами, ведущими к психической и физической смерти.

Желание художника буквально вписать свою травму в историю жизни становится сутью его посттравматической жизни. Ужас потери и жестокой сепарации / насильственной разлуки приобретает материальность и представимость (репрезентацию), форму и имя, становится публично выраженным фактом, вписанным в контекст традиционного искусства.

«Крик»: травма и символизация

Важной особенностью творчества этого художника является то, что он постоянно перерабатывает созданный материал, добиваясь максимальной выразительной простоты и обобщенности образа. Одним из проявлений этого качества стало использование так называемых формул, символов, характерных деталей, которые со временем приобретали свой собственный смысл. Мотив повторения страдания и психической боли в символической репрезентативной форме напоминает детскую игру, описанную Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (*Freud, 1920*), где ребенок справляется с потерей и травмой с помощью вспомогательных и символических форм поведения, которые Винникотт позже назовет «переходными объектами».

«Крик» традиционно называют вторым самым узнаваемым произведением живописи после шедевра Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Возможно, из-за того, что в такой яркой и символической форме эта картина смогла передать самоощущение человека XX века – с его постоянным предчувствием или переживанием катастрофы, отчаянием и тотальной потерей стабильности.

Существуют монохромная версия (литография) и несколько цветных вариантов картины «Крик». Первые два варианта датируются 1893 годом. Сначала «Крик» изображается пастелью на картоне, затем возникает наиболее знаменитая версия маслом, в 1895-м появляются два авторских повторения: еще одна пастель и литография, а в 1910-м – вариант маслом (см. *рис. 2*).

Историю создания «Крика» Мунк изложил также в своих записях. «Как-то вечером я шел по дороге – с одной стороны подо мной раскинулись город и фьорд. Я был уставшим и больным – стоял и смотрел на фьорд. Садилось солнце – облака окрасились красным – как кровь. Я почувствовал, будто природу пронзил крик – мне казалось, я слышал крик. И я написал эту картину – написал облака как настоящую кровь. Цвета кричали» (*Munch, 1897*).

«Мунк, – отмечал в 1894 году известный писатель Пшибышевский, – был первым художником, который взялся описать самые мельчайшие, неуловимые движения в сфере, неподвластной разуму: его картины – это впечатления души, непосредственно отпечатанные на холсте» (*Przybyszewski, 1894*).

Это странное кричащее бесполое существо в «Крике» – то ли пришелец, то ли галлюцинаторное видение. Центральный персонаж на картине фиксируется в памяти наблюдателя своей деформированной головой и характерным жестом – руками, в отчаянии и ужасе обхватывающими

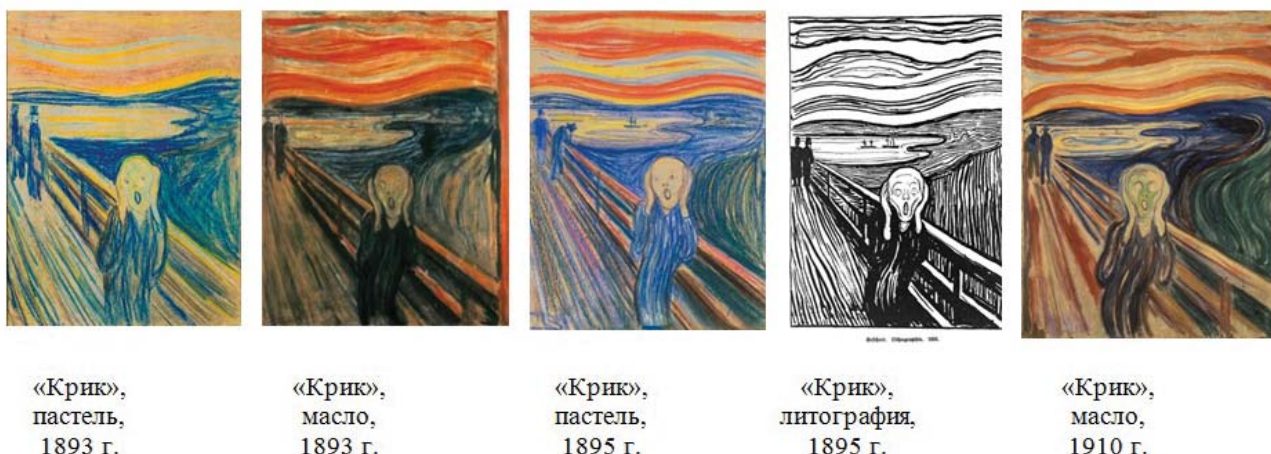

Рис. 2. Варианты картины «Крик»

голову. На других картинах Мунка («Наследственность» и «Мадонна») похожий персонаж встречается как образ беспомощного младенца, находящегося между жизнью и смертью, отягощенного тяжелой наследственностью и несчастной судьбой. (см. рис. 3).

Фон «Крика» не менее значим. Залив на заднем плане будто становится продолжением центрального персонажа и образует фигуру обтекаемой формы, «срифмованную» с кроваво-красными облаками. В то же время мост создает ощущение стремительного движения вперед и потери устойчивости, в буквальном смысле уходящей из-под ног почвы.

Литография «Мадонна», также известная как «Зачатие» и «Любящая женщина», 1895 г.

«Наследственность», 1897–1899 г.

Рис. 3. Литография «Мадонна», «Наследственность»

В «Крике» изображена ситуация, которая не кажется чрезвычайно опасной, но при этом выглядит как внезапная, травматичная и жестоко вторгающаяся. Здесь присутствует оцепенение, отмеченное невыразимым, «безымянным ужасом» (*Bion, 1967*). Взлом стимульного барьера, неожиданность и жестокость события, отсутствие подготовки к нему вызывают испуг и ужас. Это автоматическая тревога, вызванная травматическим опытом.

На холсте есть надпись карандашом, сделанная, как считают исследователи, самим Мунком: «Такое мог написать только сумасшедший». Как если бы травма здесь заморожена, галлюцинирована в настоящем, не интегрирована в психику и не вписана во временное измерение. Здесь прошлое неотлично от настоящего. Оно длится бесконечно долго, внезапно напоминая о себе.

Следует отметить, что «Крик» Мунка существует в различных версиях (цвета и формы) и также «звучит» в многочисленных схожих сюжетах других картин: «Вечер на улице Карла Юхана» (1892), «Отчаяние» (1892), «Меланхолия» (1894), «Страх» (1894), «Фридрих Ницше» (1906). Все эти работы тематически и композиционно очень близки к «Крику». Изображения отличаются в деталях, в цвете, в персонажах – мы видим, какую фундаментальную психическую работу проделывает художник с данным материалом, как из многочисленных разрозненных фрагментов рождается универсальный символ травмы.

Возвращение травматического опыта подвергается трансформации и психической интеграции посредством искусства, чтобы закрепить этот опыт в психике, субъективировать его. Тенденция к символическому повторению является здесь конструктивной и эволюционной. Это психическая работа по интеграции и символизации в смысле «механизмов отработки» Э. Бибринга (*Bibring, 1943*). Эти механизмы отработки посредством креативности и символизации позволяют субъекту постепенно освободиться от повторения и навязчивости катастрофического опыта. Здесь повторение болезненных переживаний находится под контролем Я. Это позволяет уменьшить и постепенно устранить напряжение после травмы. Бибринг пишет: «Присущие Я механизмы отработки не направлены ни на разрядку [отреагирование], ни на обезвреживание напряжений [защитные механизмы]; их цель – постепенное устранение напряжений путем изменения породивших их внутренних условий» (*Bibring, 1943*). «Механизмы отработки» позволяют отстраниться от объекта, вызывающего психическую боль. Они способствуют работе горя и постепенному привыканию к тревожной ситуации. Это вопрос перехода от того внезапного и пугающего, что вызывало травму, к тому, что может стать знакомым и прирученным. Таким образом, символическое и художественное (артистическое) повторение – это эффективная защита. Это конструктивное и некомпulsive повторение. Оно дает и безопасную дистанцию от пережитого опыта потери. Творчество мобилизует использование вторичных процессов, защитную активность Я. Искусство помогает в переходе от диссоциации к интеграции, способствует сепарации и замене потерянного объекта при помощи активности и контроля над ситуацией.

Интересна гипотеза де М'Юзана относительно двух аспектов повторения. В своей работе «Похожее и идентичное» (*De M'Uzan*, 1969) он говорит о двух формах воспроизведения опыта: повторение идентичного и повторение похожего. Повторение идентичного больше соответствует сути навязчивого повторения, сюда, например, можно отнести травматические сновидения, флешбэк-эффекты. Повторение похожего отражает факт, что в процесс повторения привносится нечто новое, хотя и едва уловимое. Этот элемент новизны – путь к изменениям и трансформации. Однако для начала этого процесса необходимо провести психическую работу по связыванию чрезмерного возбуждения, которое в случае травмы затапливает психику сквозь брешь в стимульном барьере.

Повторение в работах Мунка – это настоящее принуждение к символизации в смысле Гроддека (*Groddeck*, 1922), подкрепленное психической переработкой. Повторение похожего способствует разрядке возбуждения и позволяет выстраивать траекторию, темпоральность. В этом принуждении к похожему или к символизации происходит «переписывание» индивидуальной истории, создается конструкция, выстраивается нарратив субъекта (художника, творца), составленный из фактов и фантазий.

В картинах Мунка мы видим не идентичное, монотонное, навязчивое повторение одного и того же, а креативную психическую работу с болезненной темой, глобальной во всем его творчестве. Особенно наглядно она представлена на примере картины «Крик». Меняя персонажей, детали, цвета, формы и средства, художник добивается создания универсального символа страдания и боли. Именно процесс символизации делает возможным другой жизненно важный в условиях травмы процесс – субъективацию, где можно присвоить себе себя как личность и весь свой жизненный опыт, психически интегрировав и травматические моменты.

Живопись Эдварда Мунка – это его колоссальная психическая работа. Искусство само по себе, кажется, было для Мунка настоящей психотерапией.

Если бы не самоисцеляющее творчество как психическая работа, травматизм и его последствия – зависимости (алкогольная, игровая), патологические отношения с окружающими, архаическая беспомощность – могли бы привести художника не к частичной кастрации (как его знаменитая травма пальца в результате выстрела или кратковременный эпизод в конце жизни, когда он ослеп), а к финальной, неумолимой, смертельной точке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Maïdu V.* (2015). Образы женского. Клинический и психопатологический подход. М.: Когито-Центр, 2021. 338 с. (Библиотека психоанализа).
2. *Balint M.* (1968). *Le défaut fondamental*, Paris, Payot, 2003.
3. *Bibring Ed.* (1943). The conception of the Repetition Compulsion, 1943, *Psychoanalytic Quarterly*, XII, n° 4.
4. *Bion W.* (1967). *Réflexion faite*, Paris, PUF, 1983, p. 132.
5. *De M'Uzan M.* Le même et l'identique, in *De l'art à la mort*, Paris: Gallimard, 1969.
6. *Freud S.* (1910). Un souvenir d'enfance de Léonard De Vinci, Paris: Gallimard, 1990.
7. *Freud S.* (1911). De l'interprétation psychanalytique de l'œuvre d'art, Les premiers psychanalyste, Minutes de la société de psychanalyse de Vienne, Paris: Gallimard, 1979, 170–171.
8. *Freud S.* (1914). Le Moïse de Michel-Ange, in Sigmund Freud, *Œuvres complètes*, volume XVI, Paris: PUF, 1991, p. 88–89.
9. *Freud S.* (1919). L'inquiétante étrangeté et autres essais, Paris, Gallimard, 1988.
10. *Freud S.* (1920). Au-delà du principe plaisir, in *Essais de psychanalyse*, 1915–1922, Paris : Payot, 1981.
11. *Freud S.* (1925). Freud présenté par lui-même, Paris, Gallimard, 1980.
12. *Freud S.* (1926). Inhibition, symptôme et angoisse, Paris, PUF, 2016.
13. *Freud S.* (1932). Nouvelles conférences d'introduction à la psychanalyse, Paris : Gallimard, 1989, p. 37.
14. *Freud S.* (1939). Moïse et la religion monothéiste, Paris, Gallimard, 1993.
15. *Groddeck G.* (1922) La maladie, l'art et le symbole. Paris: Gallimard; 1969.
16. *Grunberger B.* (1956). Le narcissisme: essais de psychanalyse, Paris : Payot, 1971.
17. *Heller R.* (1973). Edvard Munch: «The Scream», Londres: Allen Lane, 1973.
18. *Maïdi H.* (1996). Trauma, séduction et répétition à l'adolescence. *Perspectives Psy*, 35, 221–227.
19. *Maïdi H.* (2008). Les souffrances de l'adolescence – Trauma et figurations du traumatique, Besançon, PUFC.
20. *Maïdi H.* (2012). Clinique du narcissisme, Paris: Armand Colin.
21. *Maïdi H.* (2015). Le Féminin et ses images, Paris: Armand Colin.
22. *Næss A.* (2004). Munch, Les couleurs de la névrose, Paris, Éditions Hazan, 2011.
23. *Poggi J.* (éd.) (2011). Edvard Munch – Écrits, Paris: Les presses du réel.
24. *Przybyszewski S.* (1894). *Das Werk Des Edvard Munch*, Berlin: Kessinger Publishing.
25. *Winnicott D.* (1971). Jeu et réalité. L'espace potentiel, Paris, Gallimard, 2015.

Trauma and symbolization in Edvard Munch. Art and psychoanalysis

**H. Maïdi,
E. A. Karavanova**

Maïdi Houari, psychoanalyst and professor of clinical psychology and psychoanalysis at the University (Paris, Lille, Besançon). He is the author of numerous articles and books, including: «The wound and the knife – And if the victim was his executioner...» (2003), Geneva, Paris, Delachaux and Niestlé, 2003; «The sufferings of adolescence – Trauma and representations of trauma» (2008), PUFC; «Clinic of narcissism – The adolescent and his image» (2012); «The Feminine and its images – Clinical and psychoanalytical approach» (2015). The latter work was published in Russian in 2021 by «Cogito-Center Publishers», Moscow.

Karavanova Elena A., psychoanalytically oriented psychologist, Master of psychology (GAUGN), PhD student at the University of Burgundy Franche-Comté, Besançon, France, lecturer at the Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chistye Prudy (Moscow).

This article examines the evolution of the concept of trauma from a psychoanalytic perspective and the psychic elaboration of the consequences of trauma through painting, taking as an example the life and work of Norwegian Edvard Munch. The traumatic experiences of artist's childhood find their place in his art and in his vision of the world. Art allows us to «psychically work out» the effects of these catastrophic childhood experiences. The representations of childhood trauma through painting are an opportunity to give a «figurability», a meaningful representation to the traumatic experience. Thus, visual art, as a work of symbolization and psychic treatment of trauma, is a kind of bulwark against unbinding and destructiveness. With the famous painting «The Scream» by Edvard Munch, which bears the motif of repetition, we want to show the artist's ability to choose a «positive destiny» for his traumatic experience, where the «repetition of the same» takes the form of a «working-off mechanism» aimed at gradually eliminating tension and overexcitations of traumatic origin.

Keywords: art, Edvard Munch, psychic elaboration, psychoanalysis, repetition, symbolization, psychic trauma.

ПСИХОАНАЛИЗ МУЗЫКИ

Психология музыкального творчества: психоаналитический взгляд

**А. В. Лавренова,
Т. Н. Ежова**

Лавренова Александра Валериевна – к.э.н., доцент, магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант. Декан факультета современной музыкальной индустрии РАМ имени Гнесиных.

Ежова Татьяна Николаевна – магистр психологии, организационный консультант, сертифицированный бизнес-коуч, психолог, тьютор, фасилитатор, член АПКБК.

В современных экономических условиях в РФ (санкции по отношению к РФ со стороны иностранных государств и ряда международных организаций, прекращение работы большей части логистических цепочек, высокая степень неопределенности внешней среды и др.) проблема понимания природы творчества, в частности музыкального, особенностей творческой личности с позиций психоаналитического подхода становится особенно значимой. Сейчас драйвером роста мировых экономик является их креативный сектор. В РФ также активно разрабатываются меры поддержки креативных индустрий, одной из которых является музыкальная. В статье рассматриваются работы психоаналитиков в области психоанализа музыки, предпринимается попытка разобраться в личных качествах композиторов и/или авторов песен, природе их творческого начала. Понимание психологии творческой личности может помочь в повышении эффективности проектов в любой сфере экономики.

Ключевые слова: креативные индустрии, психология творчества, психоанализ музыки, бессознательное, переходное пространство, тревожность.

*«Есть обратный путь от фантазии к реальности,
это – искусство»*
З. Фрейд

В настоящее время драйвером роста мировых экономик является их креативный сектор. В 2021 году Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) был представлен доклад, посвященный развитию креативной экономики в Москве. В нем в том числе приведена аналитика по доле креативных индустрий в ВВП различных стран мира. Наибольший удельный вес в Австралии – 5,7%, Великобритании – 5,5%, США и Китае – по 4,2%. В России этот показатель по состоянию на 2021 год был на уровне 2,23% (Власова, Гершман, Гохберг и др., 2021).

Сейчас особенно актуальным становится поиск организациями и людьми новых способов функционирования. И здесь особенно важным становится понимание природы творчества (креативности), которое выходит за рамки привычного образа поведения и мыслей.

Центральным звеном креативных индустрий является креатор, творец. А что значит быть творческим? Можно сказать, что творческий человек принимает себя и мир, использует возможности, внутреннюю открытость новому для создания инновационных продуктов, это своеобразное мужество – бросить вызов традиционным способам функционирования и придумать, создать новые подходы к деятельности. Творчество пронизывает все сферы народного хозяйства независимо от того, относится ли отрасль к креативному сектору или нет. Понимание психологии творческой личности может помочь в повышении эффективности проектов в любой сфере экономики, посредством выстраивания более качественной коммуникации и взаимодействия, гибкой организационной системы, формирования эффективных команд проекта.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анализа частично структурированных глубинных интервью, которые проводились с музыкантами – композиторами и/или авторами текста. Все глубинные интервью проходили онлайн после 24 февраля 2022 года.

Методологической базой исследования являются работы З. Фрейда, Д. В. Винникотта, М. Кляйн, К. Райта, Ч. Клигермана, Э. Оремланда, Э. Гедо, Р. Штерба, Х. Ракера, К. Аррау, Р. Расбриджера, М. Насса, Э. Сторра и др.

Важно отметить, что фокусом исследования не являлись такие важные психологические характеристики музыкальной личности, как одаренность (талант), музыкальность, инструментальные способности, аналитический слух и интонационный слух. Эти составляющие, безусловно, важны для успешного обучения, творческой реализации музыкантов и являются объектом исследования многих отечественных ученых-музыковедов, педагогов, психологов: Б. Ананьева, А. Г. Ковалева, В. Н. Мясищева,

С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова. Также развитие этих концепций представлено в работах современных исследователей: В. Н. Дружинина, Е. П. Ильина, В. Д. Шадрикова, Д. К. Кирнарской.

Творчество является многогранным и до сих пор не до конца изученным понятием. Подходов к рассмотрению творчества достаточно много, но наиболее распространены два: по новизне продукта творчества, по особенностям процесса его протекания. «Первый подход предполагает, что творчество – это любая активность, которая приводит к созданию субъективно или объективно нового» (Дикая, Дикий, 2018, с. 7). Действительно, часто творчество используется именно в этом значении, отделяя тем самым «творца» от «исполнителя» ранее созданного. В данном случае творчество – это все, что приводит к созданию чего-то инновационного. Таким образом, творческое начало в человеке, его способность созидать нечто ранее не существующее, двигает вперед не только его самого, но и искусство, науку, экономику страны и т. д. Процессуальный подход к творчеству предполагает, что творчество – это процесс, который имеет следующие характеристики: «невозможность его алгоритмизировать; неразделимое сосуществование и тесное переплетение в нем осознаваемых и неосознаваемых компонентов; внезапное нахождение решения, то есть инсайтная стратегия» (Дикая, Дикий, 2018, с. 8). Также в качестве особенностей творческого процесса можно выделить спонтанность, неконтролируемость волей и разумом, возбуждение, определенные изменения состояния сознания.

Психоаналитики интересовались творчеством с момента зарождения психоанализа. В работах З. Фрейда содержится большое количество ссылок на драматургов и романистов, особенно на Шекспира и Гете. Он писал о Гамлете, Достоевском и Микеланджело. В качестве основных работ З. Фрейда, посвященных художникам и искусству, можно выделить такие как: «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), «Художник и фантазирование» (1906), «Бред и сны в "Градиве" В. Йенсена» (1907), «Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве» (1910), «Мотив выбора ларца» (1913), «Моисей Микеланджело» (1914), «Некоторые типы характеров из психоаналитической практики» (1916), «Юмор» (1925), «Достоевский и отцеубийство» (1928).

В 23-й лекции во «Введении в психоанализ» З. Фрейд также уделяет внимание художнику: «...в нем теснятся сверхсильные влечения, он хотел бы получать почести, власть, богатство, славу и любовь женщин...», а так как такими средствами, как правило, художник не обладает, то он превращается в «неудовлетворенного человека». «Он отворачивается от действительности и переносит весь свой интерес, а также свое либидо на желанные образы своей фантазии, откуда мог бы открыться путь к неврозу» (Фрейд, 1991, с. 240).

В очерке «Бред и сны в "Градиве" В. Йенсена» З. Фрейд также отмечает особую роль художников: «...художники – ценные союзники, а их свидетельства следует высоко ценить, так как обычно они знают множество вещей между небом и землей, которые еще и не снились нашей школьной учености» (Фрейд, 1995, с. 139). Здесь, на наш взгляд, З. Фрейд

подчеркивает, что психоаналитику не нужно действовать так, как будто у него есть окончательный ответ и последнее слово об искусстве и художниках.

В работе «Игра и реальность» Дональд В. Винникотт (Винникотт, 2017) раскрывает свои наблюдения за отношениями матери и ребенка, выделяя раннее дозипальное поведение, которое, по его мнению, оказывало влияние на способность к творчеству.

Винникотт считал, что творчество может быть рассмотрено с позиции, в которой оно неразрывно связано с субъективностью как конструктором развития, который в свою очередь связан с появлением автономного Я из предшествующего слияния младенца с матерью или родителями. При таком широком подходе к развитию понятие «творчество» не ограничивается художественной или культурной деятельностью, а скорее расширяется, чтобы обозначить способ существования в мире – способ, который подразумевает субъективную свободу в смысле независимости мысли и выражения.

Благодаря телесному взаимодействию с матерью младенец начинает создавать «переходные объекты» – это может быть палец или кулак, позднее игрушка, часть одеяла, ложка, которые «символизирует какую-нибудь часть тела, например материнскую грудь» (Винникотт, 2017, с. 10). Важным является не то, что этот переходный объект представляет собой реальную грудь (или мать), а то, что он «заменяет грудь (или мать)» (Winnicott, 1953). Для того чтобы младенец смог продвигаться в направлении создания такого переходного объекта, ему нужна «достаточно хорошая мать», которая почти полностью может адаптироваться к потребностям ее ребенка, а со временем способна давать ребенку возможность справляться самостоятельно в случае ее ухода. Эта способность ребенка справляться с тем, что мама уходит, необходима ему в том числе для зарождения умственной активности, переживания фантазий и мечтаний. Однако в самом начале «хорошая мама» дает ребенку иллюзию, что ее грудь находится «как бы под магическим контролем ребенка» (Винникотт, 2017, с. 13). «Ребенок тогда пребывает в иллюзии, что это его желание продуцирует и создает молоко, позволяя ему верить в собственную способность творить и предоставляя "нейтральную область опыта", существование которой не будет поставлено под сомнение» (Winnicott, 1972). В отношении музыки Д. В. Винникотт предположил, что звуки, издаваемые ребенком перед засыпанием, которые успокаивают его в момент тревоги (потери), распространяются на его последующую культурную жизнь в виде музыки. Другими словами, музыка может вернуть нас в мир, в котором барьеры между Я и объектами растворены. Таким образом, музыка может быть продолжением интимных отношений между матерью и младенцем.

Кеннет Райт, опираясь на работы Винникотта, утверждает, что каждое действие коренится в довербальных отношениях младенца с матерью, которая «удерживает» зарождающееся Я в среде зеркальных форм, тем самым обеспечивая «место» для Я. Творческое побуждение, по словам К. Райта (Wright, 2009), отчасти связано с желанием вновь испытать

опыт раннего зеркального отражения между младенцем и матерью, но в то же время оно служит для мобилизации собственных ресурсов художника для восстановления недостаточности, которая тогда, на ранних этапах развития, имела место. В некотором роде художник является одновременно ребенком и матерью в процессе осознания и восстановления себя. «Творческий человек превращает окружающий мир в свой мир, то есть в мир, наполненный своими значениями, потому что благодаря достаточно хорошей матери он научился тому, что это возможно» (*Wright*, 2009, p. 47).

Опасаясь одиночества, многие творческие личности подавляют свое творчество, чтобы оставаться на связи с менее творческими членами семьи и сверстниками. Сознательная или бессознательная приверженность художника этим отношениям может также поставить под угрозу творчество, порождая страх перед исследованием новых перспектив и тем самым угрожая структуре сложившихся отношений. Авторы-психоаналитики также указали на другие факторы, препятствующие творчеству, включая страх «одиночества» (*Oremland*, 1997, p. 55). Произведение искусства может поместить создателя в своего рода самозащитный нарциссический кокон, который препятствует, если не исключает, близости с другими людьми. Можно сказать, что творец таким образом еще больше подчеркивает свою инаковость по отношению к окружающим.

Еще один интересный взгляд на искусство, если оно не является отражением травм, сублимацией либидо, – что оно может быть «воплощенной мечтой» (*Oremland*, 1997, p. 30). Здесь можно продолжить мысль, связав ее с концепцией переходного пространства Д. В. Винникотта. И, например, в отношении музыкального искусства можно говорить о том, что музыкант, создавая музыкальное произведение или исполняя музыкальное произведение другого композитора со своей интерпретацией, формирует свою реальность, желаемую ему реальность, «переходное пространство», о котором он может мечтать.

Рассмотрение понятия творчества в рамках психоаналитической традиции будет неполным, если не затронуть аспект бессознательного и его взаимосвязи с творчеством.

Тема бессознательного в психоанализе неразрывно связана с работами З. Фрейда, прежде всего «Толкование сновидений» (1900), статьей «Бессознательное» (1915), «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), «Я и Оно» (1923). В статье мы будем опираться именно на его представления о бессознательном, которое представляет собой совокупность психических процессов и состояний, которые происходят без участия сознания. Работа бессознательного неразрывно связана с понятием вытеснения, которое предназначено для того, чтобы не допустить влечение до сознания. В бессознательное вытесняются те чувства, представления, травматический опыт, которые не могут быть репрезентированы и переработаны сознанием. Фрейд считал, что в детской игре, процессе фантазирования художников, искусстве в целом проявляется работа бессознательного. Таким образом, писатели, художники компенсируют своей фантазией, вымышленными сюжетами, символизмом, метафорами то,

что не может быть реализовано в жизни, что не соответствует общественной морали, но соответствует «принципу удовольствия».

Интересным, на наш взгляд, также является вопрос, как происходит выбор формы творчества у ребенка. Мы предполагаем, что здесь как раз на первое место выходят вопросы врожденного таланта (одаренности). В случае, например, с музыкальным творчеством ученые-искусствоведы отмечают обязательное наличие аналитического слуха, интонационного слуха, который, в свою очередь, «является мотивационным фундаментом музыкальности», архитектурного слуха. Синтез аналитического слуха (операционная способность), интонационного слуха (мотивационная способность) и архитектурного слуха (эстетическая способность) является проявлением креативного уровня одаренности (Кирнарская, 2006).

Музыка явно отсутствует в работах Фрейда, ее присутствие также ограничено и в постфрейдистских исследованиях. И здесь задаемся вопросом: почему так? Можно предположить, что психоанализу проще подвергнуть визуальные произведения искусства, где мы можем увидеть графические символы, краски, игру света и тени и связать это с биографическими данными из жизни художника. Также интересно, что в арт-терапии, например, чаще работают с рисунками, чем с музыкой. Музыку же увидеть можно только в нотах, а слуховой анализ, образы, которые музыка рождает, будут крайне индивидуальны. И проследить прямую взаимосвязь с эмоциональным опытом, биографией композитора и сделать корректные психоаналитические выводы достаточно сложно. На наш взгляд, музыка больше и сильнее погружает каждого из нас в собственные бессознательные процессы. Так, часто классическую музыку слушают с закрытыми глазами даже при живом выступлении оркестра. Также важно, что способность воспринимать музыку отличается у каждого человека. Она связана с процессами, происходящими в мозге, прежде всего с областью Вернике, которая важна для речи и слуха. В частности, эта область придает смысл услышанным словам, музыке, звукам. Сила музыкального воздействия на человека не вызывает сомнений. Например, механизм биоакустической коррекции позволяет улучшать лечебные эффекты при лечении заболеваний психики у детей разной степени тяжести.

Музыкальность охватывает весь мир доязыковых переживаний, развитие которых препятствуют, например, неблагоприятные условия жизни ребенка. Более примитивная, неоднозначная природа звука и его огромная способность охватывать весь опыт человека, а также его формирование в устные слова и язык привели к дискуссиям о роли звука в раннем развитии. Анна Фрейд и Рене А. Шпиц говорят о звуке как о линии связи между матерью и ребенком (*Freud, 1963; Spitz, 1965*). Малыш обращает внимание на музыкальные особенности речи. Эти черты – ритм, темп, своевременность, мелодия, высота тона, цвет, тон и интонация – оказывают влияние, вызывающее интерес у ребенка. Соответственно, мать и другие участники процесса воспитания ребенка инстинктивно преувеличивают музыкальные элементы речи, например подчеркивая ее, ритмизируя, варьируя высоту тона и интонации, напевая. З. Фрейд описывает Суперэго как развивающееся через голос родителя, а ухо – как орган

восприятия как звуковых волн, так и «эрогенных стимулов», о них писал Карл Абрахам. Реакция ребенка на звуковые раздражители отличается от других его реакций. Когда ребенок получает адекватный уход, слуховые стимулы становятся центральными в контакте между внутренним и внешним. По мнению Хайнца Кохута, это создает сильную эмоциональную связь между звуками и дезорганизованным внешним миром, поскольку звуки могут быть ласкающими, контролируемыми и приятными, но могут означать и угрозу разрушения (Kohut, 1950).

Примечательно, что большей частью психоаналитические исследования в области музыкального искусства принадлежат музыкантам-психоаналитикам.

Первым опытом использования психоанализа применительно к музыкальному искусству можно считать книгу австрийского музыкального критика М. Графа – «Внутренняя мастерская музыканта» 1910 года. В ней предпринимается попытка отразить, как рождаются замыслы композитора, как это выливается в дальнейшем в творческий процесс. Отметим, что М. Граф, как и З. Фрейд, использовал библиографический подход в своей книге, пытаясь рассмотреть продукты творческой деятельности композиторов как результаты его личных переживаний.

Свой вклад в развитие психоаналитических представлений в музыке внес и Рихард Штерба, венский психоаналитик, музыкант, автор концепций «терапевтического расщепления Эго» и «терапевтического альянса», сформулированных им в конце 1920 – начале 1930-х годов. Эта модель стала краеугольным камнем эго-психологической психоаналитической техники, представленной в учебниках О. Фенихеля и Р. Гринсона. Музыковедам он известен как соавтор исследования-монографии, посвященной отношениям Людвиг ван Бетховена со своим племянником Карлом.

Также интересен взгляд Хайнриха Ракера, отраженный в его статьях «Вклад музыки в психоанализ» (Racker, 1951), «Психоаналитические соображения о музыке и музыкантах» (Racker, 1965), где он, в частности, говорит о том, что музыка выступает переходным объектом, согласно концепции Д. В. Винникотта, который обладает особыми чертами, которые способствуют мозговой активности пациентов.

1. Музыка защищает в параноидальных ситуациях.
2. Музыка защищает от грусти, одиночества и чувства вины, давая объект, доставляющий удовольствие.
3. Музыка защищает от неприятных эмоциональных состояний, давая вам силы пройти через них.
4. Музыка – хороший объект, который человек может использовать в пугающих и тревожных ситуациях.

Чилийский пианист Клаудио Аррау в статье «Исполнитель с точки зрения психоанализа» (Arrau, 1967) отмечает, что метод психоанализа служит своего рода «процессом индивидуации» музыканта, методом познания себя и своих творческих возможностей, что приводит к полному раскрытию индивидуальных возможностей его психического аппарата.

Это в свою очередь рождает новый творческий подъем, который происходит из неосознаваемых пластов психики.

Мартин Насс в своей статье «Некоторые соображения о психоаналитической интерпретации музыки» отмечает, что «звук – это обволакивающий опыт, который наполняет все присутствие. Избежать слуховых раздражителей труднее, чем визуальных. Закрыть уши – более сложная задача, чем закрыть глаза. Таким образом, качество слухового когнитивного опыта имеет другой порядок с точки зрения его интенсивности и способности «удерживать» своего получателя» (Nass, 1971).

Сюзанна Лангер, философ и эстетик, говорит о том, что «...музыка – это время, сделанное слышимым и сформулированное как воспринимаемая динамическая форма» (Langer, 1957, p. 144). Играя или слушая музыку, мы погружаемся в яркий опыт, в котором звук удерживает нас в состоянии самопознания, которое развивается и разворачивается в ландшафте, не описываемом другими терминами. С. Лангер отметила: «Вместо того чтобы подходить к миру с точки зрения логики и вербального дискурса (только в сфере сознания), музыка – это глубоко пережитый опыт. Сознательный и бессознательный способы субъективности сплетены вместе в гобелен тона и звука, который в меньшей степени относится к миру и в большей степени является символическим эквивалентом самой человеческой субъективности» (Langer, 1957, p. 148).

Энтони Сторр отмечал: «Музыканты иногда описывают чувства "захвата" или "одержимости" во время концерта; разновидность экстаза. Может быть, переживание бытия настолько сливается с музыкой, что кажется, что она играет сама по себе. Это, безусловно, "выход из себя" и, таким образом, имеет что-то общее с океаническим опытом; но оно качественно отличается, потому что в нем отсутствует чувство полного спокойствия, столь характерное для последнего» (Storr, 1992, p. 96). Даже когда нет потери личных границ, исполнение музыкального произведения может повлечь за собой переживание особого состояния бытия, в котором возникает чувство повышенной сплоченности, непрерывности и жизненной силы. Э. Сторр снова говорит: «Когда мы принимаем участие в музыке или слушаем увлекательное представление, мы временно защищены от воздействия других раздражителей. Мы входим в особый, уединенный мир, в котором царит порядок и из которого исключается несочетаемое. Это само по себе полезно. Это не регрессивный маневр, а временное лечение, которое способствует процессу изменения порядка в сознании и, таким образом, помогает нашей адаптации к внешнему миру, а не обеспечивает бегство от него... Музыка заставляет нас осознавать важные аспекты самих себя, которые мы обычно не воспринимаем; и что, соприкасаясь с этими аспектами, музыка снова делает нас целостными» (Storr, 1992, p. 105, 147).

Э. Гедо писал: «Исполнитель, в силу того что ему неизменно приходится демонстрировать физические навыки, скорее всего, будет подвержен более глубокому влиянию, чем творец, создавший вещь или концепцию отдельно от физического Я. Реакция аудитории способна проникнуть в самые фундаментальные детерминанты самооценки, те, которые

сформировались в самом раннем возрасте и, следовательно, наделены наивысшей валентностью – проблемы, связанные с телом и его основными функциями» (Gedo, 1992, p. 160).

Нарастает волнение, усиливается самоощущение по мере того, как музыкант фантазирует о приближающемся выступлении. В лучшем случае это приводит к предвкушающему возбуждению и повышенной готовности; в худшем случае – к тревоге и заторможенности. Талантливый и успешный музыкант питает идеализацию и рассматривает выступление как вызов.

В публичном выступлении музыкант демонстрирует результаты своих творческих усилий. Как правило, то, как общество возвышает выступающего музыканта (часто физически на возвышении или сцене) и рассматривает выступление как особое, даже возвышенное событие, усиливает его значимость.

Стоит отметить, что интерес психоаналитиков к музыке растет. Так в марте 2021 года прошла онлайн-конференция «Психоанализ и музыка», где Фрэнсис Гриер, английский композитор и психоаналитик, говорил о способности аналитика слышать музыку речи непосредственно во взаимодействии с пациентом. Некие примитивные формы бессознательных фантазий, объектных отношений, а также примитивные формы их музыкального оформления присутствуют изначально, и вопрос заключается лишь в способности их слышать и помогать их дальнейшему развитию.

Использование музыки в процессе психодинамической терапии может помочь клиенту найти смысл своей жизни посредством умственной работы, усиленной музыкой. Фокус терапии, конечно, может варьироваться в зависимости от клиента, но обычно он сосредотачивается на идентичности, самовыражении, эмоциях, самооценке, воспоминаниях, образах, а также прошлых и настоящих отношениях.

Далее представим результаты проведенных структурированных глубинных интервью с музыкантами – авторами музыки и/или текста. В них были выделены три направления:

1. Бессознательное;
2. Какие сформировались защитные механизмы;
3. Как защитные механизмы проявляются в поведении в отношении эффективности.

Вопросы глубинного интервью формировались, исходя из этих направлений. На основании анализа транскриптов проведенных глубинных интервью можно выделить следующие общие черты в истории жизни респондентов, в способах их реакций на стрессовые ситуации, в отношении к музыке, в отношении эффективности их деятельности:

- У всех респондентов есть сиблинги с большой разницей в возрасте;
- Чувство одиночества даже в детстве. У всех сложное общение со сверстниками. Друзей в детстве выделила только одна респондент. Больше говорили про общение с родителями или самостоятельные занятия.

- Все начинали вспоминать пять главных событий в жизни начиная с подросткового возраста. История детства раскрывалась частично только

в других вопросах. Сложно всем было вспоминать любимые игры, книги. Но все отмечали, что детство было счастливым.

- Все отметили, что пишут/творяют из травмы.
- Относительно успешности: все говорили прежде всего про пользу обществу, хотя все выбрали музыку своей профессиональной деятельностью.
- Работа до физического изнеможения. Определенная форма мазохизма.
- Люди «без кожи», высокая степень ранимости и уязвимости, особенно в отношении их музыки.
- У всех слияние со своей музыкой. Музыка – это они.
- Есть отдельные эпизоды, когда респонденты говорят о себе в третьем лице.
- Сильные зависимости у всех от других людей (мужей, партнеров, публики). Проявляют яркие черты детского Я. Не хотят решать деловые вопросы, нужен кто-то, кто будет заниматься коммерческой стороной.
- У отдельных респондентов наблюдается или наблюдался депрессивный фон, кому-то ставили клиническую депрессию.
- Есть нарциссические черты, есть депрессивные черты личности.
- Гиперконтроль.

Вместе с тем всех респондентов можно условно разделить на две подгруппы по степени тревожности:

Группа 1. Менее тревожные, преобладают черты нарциссической личности.

Группа 2. Более тревожные, преобладают черты депрессивной личности. Основные выводы по двум подгруппам.

1. Менее тревожные музыканты более успешны с точки зрения экономической эффективности по сравнению с более тревожными. Прослеживается взаимосвязь с историей их детства. У менее тревожных в переходном пространстве всегда был поддерживающий, помогающий Другой (родитель). Часто можно было услышать от этих респондентов: *«Родители меня поддержали. Сказали, получится, почему нет»*; *«И я вот объяснила, что хочу заниматься этим серьезно. И они это приняли»*; *«И дальше родители прилагали все усилия, чтобы понять, что мне нравится»*. Также в ходе интервью было много слов благодарности родителям. Этот Другой всегда был рядом, всегда приходит в нужный момент, у детей формировалось ощущение, что они контролируют Другого. Они могли свободно творить, играть в переходном пространстве. У другой группы респондентов было больше тревоги, потому что Другой уходит, нужно больше упражняться, чтобы Другой заметил и не уходил. Сейчас, во взрослом возрасте, этот уровень тревожности сохраняется, в роли родителя выступает менеджер, директор музыкантов, для отдельных респондентов это члены группы или авторитетные для них музыканты, иногда в этой роли выступают возлюбленные. Один из респондентов говорит так: *«Я немножко зависима в этом вопросе. У меня есть мысли, но у меня нет рук... то есть которые могут это все реализовать. И поэтому, когда я с каким-то определенным музыкантом встречаюсь, это всегда синергия. Мы начинаем думать вместе»*. Другой респондент относительно

своего желания бросить музыкальную школу и отношения родителей по этому вопросу говорит так: *«Они говорили, что тебе осталось проходить два или три года, тебе просто нужно дотерпеть»*. И здесь можно говорить, что вторая группа респондентов попадает в зависимость от своих «партнеров». С одним из респондентов в контрпереносе консультанту вспомнился фильм «Богемская рапсодия», как раз в части тревожного типа привязанности Фредди Меркьюри и его менеджера Пола Прентера, который оказывал существенное влияние на творчество музыканта и его образ жизни.

2. Независимо от уровня тревожности все респонденты чувствуют глубинное одиночество. Несмотря на то что у всех есть сиблинги, у ряда респондентов даже несколько, ощущение одиночества присутствовало в детстве у всех. Один из респондентов говорит так относительно сиблингов: *«Доходит до того, что я приезжаю к родителям на неделю. И мы ни разу не встречаемся. Почему-то не сложились дружественные связи»*. Еще один: *«Средний ребенок, ни туда и ни сюда»*. Из этого тотального одиночества у всех сформировалось желание быть проявленными, заметными, услышанными. Однако разница в реализации этой проявленности существует. Так, у второй подгруппы респондентов проявленность связана с желанием быть любимым, с желанием теплоты, нежности, поддержки. По словам одного из респондентов, *«это такое приобретение людей через музыку, через реализацию этой музыки»*. Или: *«... чтобы знать, что я дальше нужен. А не так, что ты все сегодня отдал, а потом у тебя ощущение, что ты никому не нужен»*. Еще один респондент говорит о своем страхе: *«Появился страх в принципе оказаться неуслышанным»*. Он же говорит о своем удивлении, после организованного концерта: *«Можно делать собственный концерт, и туда придут люди и будут тебя поддерживать»*. У первой группы респондентов это желание связано с тем, чтобы быть первыми, быть более яркими и заметными, таким образом, удовлетворяя свою нарциссическую составляющую. Так, одна респондентка особо подчеркивает один из своих проектов, в котором *«это никто не делал»* до нее: *«Я почувствовала какое-то невероятное удовлетворение, потому что я чувствовала себя уверенно»; «Я еще сюда приду и еще тут всем покажу»; «Я себе помогаю. Я могу быть замеченной»*.

Здесь же хотелось бы отметить и еще одну взаимосвязь: это то, что для второй подгруппы респондентов принципиально важно творить вместе с музыкантами, но обязательно избранными, близкими, совместно писать музыку или же работать с кем-то в дуэте. Респонденты отмечают: *«Вот в группе, наверное, это самое комфортное для меня написание музыки... Поэтому жанр я не выбирала, а выбираю, с кем я буду играть, с кем мне комфортно писать»*. А первая группа респондентов вполне комфортно чувствует свою сольную роль.

3. Все респонденты, отвечая на вопрос, что для них успешность, говорили о пользе, добре, поддержке, которую они оказывают слушателям, о важности энергообмена, коммуникации. Респонденты отмечали: *«Я эффективна, когда приношу другим пользу»; «И для меня, наверное,*

максимальная эффективность, если я буду помогать людям как-то справляться с тем, что у них происходит». И для всех деньги не являлись чем-то важным или первым критерием, который обозначался бы как принципиальный при оценке успешности проекта/трека/концерта. Здесь можно говорить о том, что оценка работы в денежном выражении – это всегда про проявление взрослой части личности. Все респонденты свою взрослую часть помещают в своих менеджеров, таким образом избегая решения вопросов относительно вознаграждения за свою работу. Но здесь от респондентов второй группы музыкантов можно было услышать: *«У меня очень сильно сбит критерий экономической эффективности того, что я делаю в композиции. У меня есть бесконечное желание делегировать»;* *«Мы вообще работаем в минус».* Первая группа музыкантов лучше тестирует реальность, где в том числе деньги являются эквивалентом реальности: *«Для меня успешно это будет тогда, когда я создам искренний качественный продукт и его зрители-слушатели смогут благоприятно воспринять и он станет еще и коммерчески успешным».*

Конечно, для музыкантов важно оставаться в переходном пространстве, в своей реальности, которую они выражают в музыке. А не в реальной реальности, которая есть, в которой есть вопросы для решения их взрослой частью их личности. Важным является также то, что все глубинные интервью проводились после событий 24 февраля 2022 года. И только два респондента отметили, что их жизнь «перевернулась», произошел «крах всего», финансовые вопросы еще больше были вытеснены, это были респонденты первой группы. Уровень неопределенности повысил во много раз уровень их тревожности. И только в своей реальности для них осталось безопасное понятное место. И здесь так же прослеживается закономерность: вторая группа музыкантов полностью погрузились в свою реальность, еще больше отодвинув финансовый вопрос как неважный, а первая группа музыкантов лучше тестирует реальность и в текущей ситуации более устойчива, лучше видит возможности для своей реализации: *«Я уже чувствую, что нужно зрителю. И мои какие-то прогнозы, они уже просто из раза в раз сбываются, что пойдет, что нет».*

Также, на наш взгляд, дополнительно важно отметить результаты исследований в области индивидуальных особенностей музыкантов с позиций межполушарной асимметрии и межполушарного взаимодействия, которые представлены в статье Ж. А. Лукьянчиковой: «Выявлены различия между инструменталистами и вокалистами в эмоционально-волевой и коммуникативной сферах. Инструменталистам, особенно группе амбидекстров, свойственна эмпатия, эмоциональность, повышенная тревожность. Вокалистов отличает повышенный уровень эмоциональной устойчивости, социальной смелости, экспрессивности, эмоционально окрашенной динамичности общения, экстраверсии; пониженный уровень тревожности» (Лукьянчикова, 2020). В целом результаты нашего исследования подтверждают результаты, представленные в вышеуказанной статье.

Также интересными представляются данные исследования, которые в ноябре 2016 года выпустила Help Musicians. В нем приняли участие 2211 музыкантов Соединенного Королевства. Согласно отчету,

68,5% музыкантов страдают от депрессии или иной формы психологического расстройства. 71% опрошенных испытывают приступы паники. Согласно этому же исследованию, музыканты в три раза чаще склонны к психологическим проблемам по сравнению с другими людьми. Помимо депрессии и биполярности одним из крайних проявлений психологического расстройства среди музыкантов является шизофрения (<https://www.helpmusicians.org.uk/news/publications>).

В процессе проведения и анализа глубинных интервью подтвердились выводы психоаналитиков, изучавших феномен творчества, а также тех психоаналитиков, которые изучали музыкальное искусство. С уверенностью можно говорить о том, что создание музыкального произведения, неважно в каком стиле и жанре работает музыкант, происходит бессознательно. Респонденты описывали его как *«поток»*, *«состояние сильнейшего адреналина»*, *«рождение»*.

Безусловно, можно говорить о том, что личность музыканта представлена, растворена в его творчестве. Вот почему никто из респондентов не готов продавать ранее исполненные им музыкальные произведения. Музыкальный «переходный объект» помогает проживать травматичный опыт, который, как отметили отдельные респонденты, осознается как таковой. Музыка также является своего рода особым «защитным механизмом» психики музыканта. Зачастую, как отмечают респонденты, мелодии, слуховые образы появляются в сознании спонтанно, без какого-то внешнего музыкального воздействия. Из сказанного респондентами можно сделать вывод, что тогда, когда мелодии возникают в результате целенаправленной деятельности, они могут как будто защитить Я от вмешательства внутренних желаний или требований. Таким образом, можно предположить, что музыка оберегает от опасности, болезненного одиночества, разлуки или утраты. Все респонденты отметили, что творят из «травмы», чаще в меланхоличном настроении: *«В меланхоличном состоянии я больше пишу. Потому что творчество все-таки... ты накапливаешь эту боль. И такой, а теперь давай-ка ее выплеснем ее в творчество, и сублимируешь ее туда»*; *«Видимо, мы все сотканы из травм. Творцы – трансляторы этих травм»*; *«Люди творческих профессий, любое творческое начало – это всегда что-то сломанное»*. Таким образом, травматические переживания имеют волновой эффект, который продолжается на протяжении всей жизни музыканта и действует как мощная необходимая внутренняя сила, которая притягивает творческую личность, словно магнит, к ситуациям и событиям, которые позволяют ему или ей работать через боль, это подтверждает и пример одной из респонденток, которая продолжает писать музыку с бывшим молодым человеком, который проявлял по отношению к ней физическое насилие, чтобы придать форму этой боли, высвободить ее, выразить другим, найти в ней какой-то смысл.

Причем желание передавать «свою реальность» является принципиально важным для всех. Все респонденты ищут признания, хотят быть значимыми и заметными. Для всех важны концертные выступления как возможность насытить свой нарциссизм, отразиться в глазах восхищенной публики, получить одобрение и принятие, которое они получали

или не получали от значимых объектов детства. Таким образом, создание музыки для всех – это определенный вид самотерапии (регулирование своих настроений с помощью музыки, трансформация состояний, реабилитация/«исцеление» через катарсис и т. д.), что позволяет вернуть и тренировать устойчивость психики. Вынося вовне то, что внутри переживается как подавляющее и невыносимое, превращая это в творческий продукт, музыкант выносит травматичный опыт вовне для нового рассмотрения. Это позволяет определить, освоить, интегрировать то, что является внутренне хаотичным – *«поистине творческий вот... у него все в хламе. И в этом хламе ему легче на самом деле творить, на мой взгляд»*, перевести этот опыт в осмысленный. Поэтому, на наш взгляд, респонденты аккуратно высказывались относительно работы с психологом, часть респондентов считает, что занятия музыкой сами по себе являются для них терапевтическими.

Вместе с тем реализация творческого потенциала в повседневной жизни, обмен оригинальным, уникальным музыкальным продуктом или идеей с другими сопряжены с риском быть отвергнутым.

Отдельно хотелось бы сказать о процессе концертных выступлений музыкантов. Музыкант чувствует себя синхронизированным со своим исполнением, и возникает ощущение резонанса, в котором оно, кажется, становится идеальным отражением внутренней фантазийной жизни музыканта. Отдельные респонденты отмечали, что *«выпадают из реальности»* и *«приходят в себя»* только после концерта. Можно сравнить выступление с резонансом, чтобы описать это усиление чувств, которое музыкант испытывает как внутренне, так и внешне из-за связи между собой и музыкой. Это наиболее эмоционально заряженный момент творческого опыта, в котором музыкант, с одной стороны, творит что-то возвышенное, а с другой стороны, утверждает в своей грандиозности.

Музыкант, который знает, что он или она хорошо выступает, может чувствовать себя сильным, цельным и без изъянов. Если аудитория реагирует с энтузиазмом, величие исполнителя подтверждается и отражается, усиливая самоощущение артиста. Положительный критический отклик со стороны сверстников может быть убедительным подтверждением воображаемого величия. Это тот момент, ради которого музыкант репетировал. Музыкант – это единое целое с исполнением, и исполнение идеально. Он или она не просто чувствует это; аудитория разными способами, в зависимости от жанра музыкального, выражает свое одобрение, возможно, преклонение перед величием музыканта. Концертное выступление – это высшая форма переживания собственного объекта, в котором музыкант на какое-то время ощущает себя свободным от физических ограничений (есть блистательные пианисты с ограничением по зрению, например Олег Аккуратов) и психологической уязвимости. Возможно, основное стремление музыканта – это переживание состояния слияния с добрым и прекрасным – *«Музыка – это соединение в любви»*.

В самом выступлении музыкант демонстрирует свое творение. Именно там музыкант находит наибольшие риски и потенциальные триумфы. Один из респондентов говорит об этом так: *«Тебе нравится, когда ты*

выходишь на сцену и на тебя смотрят. И ты понимаешь, что в данный момент ты нужен». Как правило, то, как общество возвышает выступающего музыканта (часто физически на возвышении или сцене) и рассматривает выступление как особое, даже возвышенное событие, усиливает тем самым его значимость. Музыкант ощущает себя трансцендентным, совершенным, могущественным и целостным.

Часто музыкант преувеличивает свою уязвимость, опасаясь, что даже самый простой промах покажет, что он недостоин восхищения, на которое он претендует. Все респонденты отмечают, что есть ученический страх «облажаться» на сцене. Один из респондентов сказал, что всегда при выходе на сцену он хочет, чтобы это произошло быстрее, потому что дальше он может играть «свободно». Творчество требует, чтобы музыкант рисковал тревогой и саморазрушением, борясь за то, чтобы получить желанный опыт самопознания. По мере того как музыкант стремится ко все более идеализированным и совершенным уровням исполнения, вероятность неудачи также возрастает. Музыкант может потерять уверенность в себе или достичь пределов своего таланта, в любом случае самооценка падает, оставляя пугающее чувство изоляции и неудачи.

Помимо прочего, музыка тесно связана с идентичностью, предоставляя положительные объекты идентификации и подчеркивая индивидуальный способ самовыражения. Прослушивание композиций вызывает в памяти образы и видения, которые в противном случае не возникли бы там. Некоторые из наших представлений являются результатом впечатлений или смыслов, которые композитор специально вкладывает в произведения, а некоторые возникают из нашего собственного опыта. Наша музыкальная фантазия практически не сдерживается ассоциациями с реальностью. Таким образом, музыка достигает бессознательного с минимальным сопротивлением со стороны психики. Ведь музыка не ограничена смысловыми значениями слов, как литература, или визуальными образами, как живопись. Поэтому, на наш взгляд, использование музыки в психоаналитическом коучинговом подходе открывает дополнительные возможности для повышения эффективности работы с клиентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 г. № 2613-р (Утверждение «Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года»).
2. Винникотт Д. В. «Игра и реальность» / Пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 208 с.
3. Власова В. В., Гершман М. А., Гохберг Л. М. и др. Креативная экономика Москвы в цифрах / Под ред. Л. М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 108 с.
4. Дикая Л. А., Дикий И. С. Психические расстройства и творчество: Учебное пособие. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. 113 с.

5. *Кирнарская Д.* Теоретические основы и методы оценки музыкальной одаренности: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.01. Москва, 2006. 373 с.
6. *Кирнарская Д.* Homo Musicus. О способностях, одаренности и таланте. Москва: Слово, 2021. 462 с.
7. *Лукьянчикова Ж. А.* Мнестические процессы и музыкальная одаренность // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 289–291.
8. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции / Авторы очерка о Фрейде – Ф. В. Бассин и М. Г. Ярошевский. М.: Наука. 1991. 456 с.
9. *Фрейд З.* Художник и фантазирование. / Пер. с нем. Под ред. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова. М.: Республика, 1995. 400 с.
10. *Arrau C.* A performer looks at Psychoanalysis // High Fidelity. Vol. 17. 1967. № 2. February. P. 50–55.
11. *Freud Anna.* The Concept of Developmental Lines In: The Psychoanal. Study Child Vol. XVIII New York: International Universities Press, Inc., 1963. P. 245–265.
12. *Gedo J.* (1992). Perspectives on creativity: The biographical method. Norwood, NJ: Ablex Publishing Corp.
13. *Kohut H.* (1950). On the enjoyment of listening to music. Psychoanalytic Quarterly, 1964. 87.
14. *Langer S.* (1957). Philosophy in a new key, (3rd ed.). Cambridge MA: Harvard University Press.
15. *Nass M. L.* (1971). Some considerations of a psychoanalytic interpretation of music. Psychoanalytic. Quarterly, 40, 303–316.
16. *Oremland J.* (1997). The Origins and Psychodynamics of Creativity: A Psychoanalytic Perspective, International Universities Press, Madison, CT.
17. *Racker H.* (1966) Psychoanalytic Review LII, №3, 1965: Psychoanalytic Considerations on Music and the Musicians. P. 75–94.
18. *Racker H.* «Contribution to psychoanalysis of music». American Imago, 1951, 8(2): 129–163.
19. *Spitz Rene A.* The Evolution of the Dialogue In: Drives, Affects, Behavior, Vol. 2. Essays in Memory of Marie Bonaparte Edited by Max Schur. New York: International Universities Press, Inc., 1965. P. 170–190.
20. *Storr A.* (1992). Music and the mind. New York Free Press.
21. *Winnicott D. W.* (1953). Transitional objects and transitional phenomena: A study of the first not-me possession. International Journal of Psychoanalysis, 34: 89–97.
22. *Winnicott D. W.* (1972). Basis for self in body. International Journal of Child Psychotherapy, 1, 7–16.
23. *Wright K.* (2009). Mirroring and attunement: Self-realization in psychoanalysis and art. London/New York: Routledge, 2009.
24. <https://www.helpmusicians.org.uk/news/publications> – сайт независимой британской благотворительной организации для профессиональных музыкантов всех жанров.

The Psychology of Musical Creativity: a psychoanalytical view

A. V. Lavrenova
T. N. Ezhova

Lavrenova Alexandra V., PhD in Economics, Associate Professor, Master of Psychology (National Research University Higher School of Economics), psychoanalytically oriented consultant. Dean of the faculty of Modern Music Industry of the Gnesin Russian academy of music.

Ezhova Tatiana N., master's degree in psychology, organizational consultant, certified business coach, psychologist, tutor, facilitator, member of AICBC, member of ISPSO.

In modern economic conditions in RF (sanctions against RF by foreign states and some international organizations, cessation of work of a large part of logistic chains, high degree of uncertainty of external environment, etc.) the problem of understanding the nature of creativity, in particular musical, features of creative personality from the position of psychoanalytic approach becomes especially significant. Nowadays the creative sector of world economies is the driver of growth. Russia is also actively developing measures to support creative industries, one of which is the music industry. This article reviews the work of psychoanalysts in the field of music psychoanalysis and attempts to understand the personal qualities of composers and/or songwriters and the nature of their creativity. Understanding the psychology of the creative personality can help make projects in any field more effective.

Keywords: creative industries, psychology of creativity, psychoanalysis of music, unconscious, transitional space, anxiety.